

Российские академики
ОБ ЭКОНОМИКЕ

Н.Я.Петраков

РУССКАЯ
РУЛЕТКА

Экономический эксперимент
ценою 150 миллионов
жизней

Э К О Н О М И К А

Н.Я.Петраков

Саме Аверелу

с рубоки

септатии

Лег

15.10.98.

Российские академики
ОБ ЭКОНОМИКЕ

Н. Я. Петраков

Российские академики
ОБ ЭКОНОМИКЕ

Н.Я.Петраков

**РУССКАЯ
РУЛЕТКА**

Экономический эксперимент
ценою 150 миллионов
жизней

Москва
•Экономика•
1998

УДК 338(470)
ББК 65.9(2Рос)
ПЗО

Редакционная коллегия серии:

академик **Львов Д.С.** — председатель;
доктор экономических наук **Шамхалов Ф.И.** — зам. председателя;
академики **Абалкин Л.И., Богомолов О.Т., Петраков Н.Я.** —
члены редакционной коллегии

Отделение экономики РАН, издательство "Экономика" выражают большую благодарность Торгово-промышленной палате РФ, Банку инвестиций и сбережений "Инвестсбербанк" за финансовую поддержку подготовки и выпуска книг серии "Российские академики об экономике".

В авторской редакции

ISBN 5—282—01906—X

© Петраков Н.Я., 1998
© Оформление, оригинал-макет "ОАО
Издательство "Экономика", 1998

Вместо предисловия

Власть утопии

Я полагаю, что из 35 миллионов голодных большинство умрет..., вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень... и место их займет новое племя грамотных, разумных, бодрых людей.

Максим Горький

Двадцатый век для России — время огромных, бессмысленных жертв, погони за несбыточными мечтами. Непрерывная, бесшабашная игра против здравого смысла, против исторической логики, против объективных законов социально-экономического развития. Страна на целое столетие превратилась в гигантскую лабораторию, менялись только экспериментаторы. Но при всей несхожести по социальному происхождению, жизненному опыту, убеждениям их объединяло одно — полное равнодушие к "человеческому материалу", над которым они позволяли себе ставить опыты. Беспрецедентное легкоеверие россиян, граничащее с полным политическим инфантилизмом, — национальная черта, приведшая в XX в. страну к катастрофе. Эта черта выгалькивала на вершины власти совершенно безответственных фанатиков, зашоренных абстрактными построениями, считающих естественным разрешать свои личные комплексы неполноценности путем широкого социального экспериментирования.

Выдающиеся историки Михаил Геллер и Александр Некрич совместно написали трехтомник по истории Советского Союза с 1917 г. до его исчезновения, т.е. охватили весь период, когда большевики правили страной. Меня восхитила глубина и точность названия этого труда — "Утопия у власти"¹.

Большевики выступили как активные строители идеального мира, имея в своем багаже довольно четкие представления о "язвах капитализма" и совершенно смутную картину этого идеального мира. Отсюда и концепция перехода от старого к новому: все должно быть наоборот, "кто был никем, тот станет всем". Если оказался у власти и не знаешь, как ей распорядиться, то самое простое взять на вооружение тактику разрушения: ликвидация частной собственности, буржуазных свобод, аристократии, предпринимателей, интеллигенции, затем кулачества

¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М.: МИК, 1995.

как класса, еще позже врагов народа, "народов-изменников" и т.д. И все это во имя идеалов победы коммунизма в мировом масштабе¹.

Впрочем, массовыми народными жертвами во имя идеалов благоденствия этого самого народа не брезговали на Руси не только коммунисты. Николай II сделал все от него зависящее, чтобы ради идеалов самодержавия, православия и народности разрушить динамично развивающуюся страну с огромным экономическим и интеллектуальным потенциалом, способную при условии демократического развития играть позитивную роль в решении геополитических проблем начала века. Никто объективно не сделал столько для победы большевиков, как последний российский император. И только полное отсутствие юмора у марксистов-ленинцев не позволило им поставить памятник в честь заслуг Николая II перед революцией.

Практика последних лет, опыт постсоветской России свидетельствуют о том, что страна не имеет иммунитета не только против "утопического социализма", но и против "утопического капитализма". Отказ от коммунистических идеалов опять потребовал от населения огромных жертв. Почему жертвы должны быть столь значительными, до сих пор не объяснил никто. Ведь если оставаться в рамках здравого смысла, то следует признать, что снятие с экономики пресса коммунистической идеологии привело к огромному высвобождению ресурсов.

Резко сократились военные расходы, затраты на присутствие российских вооруженных сил в Восточной Европе, странах СНГ и других регионах мира; были заморожены амбициозные инвестиционные проекты, всегда волновавшие коммунистических лидеров; прекратилась помощь развивающимся странам и странам — политическим сателлитам, кардинально уменьшились государственные дотации сельскому хозяйству, угольной промышленности, сведено к минимуму финансирование космических программ, фундаментальной науки. Куда же делись высвободившиеся средства? Почему они не пошли на смягчение тяжести переходного периода для наиболее экономически уязвимых слоев населения? Да прежде всего потому, что о создании компенсационных механизмов, социальных амортизаторов никто из молодых экспериментаторов и не думал. Высокие цели заслоняли проблемы смягчения тягот подопытных граждан. Скорее наоборот, они гордились жесткостью (жестокостью) реформ, и не было большего оскорбления, как обвинение в отходе от жесткой линии. Идеалы бездефицитного бюджета сменили идеалы коммунизма.

¹ "Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом или делом против советской власти. Первый вопрос, который мы должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысле и сущность красного террора" (Лацис, газета "Красный террор". 1919. Ноябрь).

Так весь двадцатый век Россию захлестывают утопии. И цена утопическим идеям (из которых ни одна не реализовалась в провозглашенном виде) огромна.

Измерение потерь — задача, не имеющая однозначного решения. В этой области существует много методик. Интегральные потери обычно пытаются оценить в денежных единицах. Однако здесь многое зависит от того, какие коэффициенты (цены) устанавливает тот или иной исследователь для каждого вида потерь. А они, как правило, мало или вообще несопоставимы друг с другом — скажем, экологические нарушения, моральный ущерб (социально-психологические деформации), интеллектуальный потенциал отдельных социальных групп в различных социально-экономических ситуациях и т.д.

Кроме того, все реформаторы и их эпигоны в один голос твердят одну и ту же банальность — "история не знает сослагательного наклонения". Опровергать эту истину бессмысленно, пока не будет изобретена машина времени. Здесь уместно напомнить один журналистский штамп. Корреспондент спрашивает широкоизвестного, но, к сожалению, старого человека: "Если бы вам дали второй раз прожить свою жизнь, какой бы вы путь выбрали?" В подавляющем числе случаев старец (старуха) отвечает: "Конечно, я прожил бы и вторую жизнь, как первую". Ответ верен и для мудреца, и для глупца. Мудрец понимает, что прожито то, что прожито, и время для него не имеет обратного движения. Глупец выпячивает грудь колесом и объявляет: все, что он делал в своей жизни, ставшей историей, было единственно правильным.

Так будем же выше этого житейского трюизма. Да, историю общества, страны нельзя повернуть вспять. Но это не значит, что следует игнорировать любые попытки в историческом аспекте рассмотреть альтернативные варианты общественного развития. Такой подход выхолащивает суть научного взгляда на мир, сводит науку к сухой фиксации фактов, к бухгалтерскому учету свершившихся событий. История стран, народов, культуры и искусства, безусловно, фиксирует и изучает уже случившееся. Но то, что стало историей, когда-то было настоящим и будущим. Поэтому специально для снобов не будем называть исследования исторических альтернатив и их последствий "историей", а взамен признаем, что крайне важно анализировать последствия тех или иных "исторических" решений в сопоставлении с альтернативными возможностями реализации других вариантов развития и соответственно наступления других событий. История ничему не учит только исторических детерминистов. Все должны знать цену своей истории. Особенно в России, где каждый исторический поворот имеет авторское клеймо, идеологическое обоснование и демагогический антураж. И каждый сегодняшний политический деятель завтра

станет историей. Но он не должен сегодня или спустя некоторое время изображать себя слепым орудием кем-то выдуманного "исторического процесса", а должен отдавать отчет, что является активным его создателем. Личная ответственность за историю сродни личной ответственности за исполнение преступных приказов.

Именно с этих позиций следует рассматривать любые оценки потерь, понесенных Россией в результате политических, социально-экономических, военных потрясений. Аптекарьская точность здесь не только невозможна, но и неуместна. И чтобы не спорить о сопоставимости критериев измерения ущерба в различных сегментах общественной жизни, возьмем только один параметр (наверное, самый существенный с гуманистической точки зрения) — численность населения.

Демографы постоянно уточняют людские потери России. Но счет идет на миллионы и десятки миллионов человеческих жизней, какие методики подсчетов ни применяй. Первая мировая война, гражданская война, белая эмиграция, голод и коллективизация, ГУЛАГ, Великая Отечественная война, вторая и третья волны эмиграции, Афганистан, Чечня, резкое увеличение смертности в связи с социальными и экономическими стрессами последних лет.

По расчетам Б.Ц. Урланиса, в первой мировой войне Россия потеряла убитыми 1,8 млн. человек. В гражданскую войну, согласно Ю.А. Полякову, погибло 2,5 млн. Потери Советской Армии во второй мировой войне оцениваются в 8,6 млн. человек¹. Эти цифры относятся только к потерям военнослужащих в ходе боевых операций. Общие демографические потери, связанные как с войнами, так и с социальными потрясениями, были существенно выше. Причем здесь следует выделять как прямые потери, так и косвенные — из-за снижения рождаемости. Прямые демографические потери СССР во Второй мировой войне оцениваются в настоящее время в 25 млн. человек, т.е. почти в три раза выше, чем непосредственно в боевых действиях².

Искусственно организованный голод в 1932—1933 гг. унес 9,5 млн. жизней. Это была месть Сталина крестьянству, не желавшему "великого перелома" в деревне.

По сведениям, которые приводит шведский политик Пер Альмарк в книге "Открытая рана" со ссылкой на исследования американского профессора Рудольфа Руммеля, посвятившего всю жизнь сбору данных о массовых репрессиях, в СССР с 1917 по 1987 г. в мирное время

¹ См.: Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 391-392; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 104; Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 130-131.

² Цит. по: Демографический потенциал России. Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия "Социология". 1996. № 5-6. С. 15.

было истреблено 62 млн. человек¹. Несколько миллионов спаслись бегством в эмиграции или отказались возвращаться в Россию после немецкого плена (так называемые "перемещенные лица"). Да и начиная с 1990 г., уже при перестройке и реформах из "свободной России" ежегодно стабильно уезжает по 100 тыс. человек².

О демографических процессах в очередной раз реформируемой России разговор особый.

Ожидаемая продолжительность жизни населения России составляла в 1991 г. 69,02 года, а уже в 1995 г. — 64,61 года. Для мужчин соответствующие цифры составили 63,45 и 58,22 года³. Наибольший "вклад" в столь впечатляюще быстрое падение ожидаемой продолжительности жизни внесли мужчины в возрасте от 30 до 60 лет, причем с 1993 г. на первое место вышли старшие трудоспособные возраста — после 45 лет⁴. Вот он, разящий, беспощадный удар шоковой терапии, вполне в большевистских традициях. По данным Управления статистики населения Госкомстата РФ, только за два года (1993—1994) количество самоубийств увеличилось на 36 %. Свыше 80 % самоубийств приходится на мужчин. Причем лишь 20 % из них уходят из жизни в пенсионном возрасте. А в целом количество самоубийств среди мужчин в России в 3—4 раза больше, чем в Японии и США⁵. Среди молодежи призывного возраста за последние пять лет увеличилось число наркоманов и токсикоманов более чем в 6 раз, алкоголиков — в 3 раза⁶.

Так что эксперименты над живым "человеческим материалом" продолжаются, вот только "материала" становится все меньше и меньше.

Проводимые исследования по расчету гипотетической численности населения России в XX в. и сопоставление их с фактическими показателями дают удручающую и трагическую картину. Конечно, различные специалисты приводят разные оценки. Но колеблются они от самой осторожной (принадлежащей А.Г. Вишневному), по которой совокупные демографические потери составляют 121,3 млн. человек к 1995 г.⁷, до 320 млн. человек. Даже если тяготеть к минимальным оценкам, то на каждого живущего ныне россиянина (а их около 148 млн.) приходится одна тень человека, который был бы нашим сверстником. По моим оценкам, в границах нынешней России к началу XX в. проживало 5,9 % населения мира, сейчас — 2,4 % жителей планеты.

¹ См.: Известия. 1997. 30 окт.

² См.: Демографический потенциал России... С. 128.

³ См.: Там же. С. 93.

⁴ См.: Там же. С. 94-95.

⁵ См.: Аргументы и факты. 1997. № 889. Октябрь. С. 24.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Демографический потенциал России... С. 17.

Такова людоедская цена политическим амбициям деятелей, возглавлявших Россию на протяжении последнего столетия, неоднократно повторявших, что их цель — величие страны, благоденствие ее граждан. Могут возразить, что не всех своих граждан убивали, гноили в тюрьмах, изгоняли из страны, морили голодом российские власти. Были и нашествия иностранных держав. На это ответчу: существует множество исторических свидетельств, что разумная дипломатия российской правящей элиты могла предотвратить обрушившиеся на страну войны и уж, во всяком случае, обеспечить принципиально лучшую готовность России к военным действиям, лучшую координацию с союзниками.

С молодых ногтей нам объясняли, что политика и нравственность — несовместимые понятия, что политика — грязное дело, что ее нельзя делать в белых перчатках и т.д. Однако безнравственность российских политиков имеет существенные особенности, связанные вообще со спецификой власти на Руси.

Наблюдая политическую жизнь любой страны, можно различить два направления деятельности людей, решивших пойти по политической стезе. С одной стороны, это сфера взаимоотношений со своими конкурентами, а с другой — с избирателями. Нечистоплотные приемы в борьбе с соперниками хорошо известны во всем мире из политической истории и литературы: это заведомое искажение программы конкурента, сбор и выброс компромата, в том числе касающегося его частной жизни, засылка осведомителей в предвыборные штабы противника или их подкуп, прослушивание телефонных разговоров и прочее и прочее. Строго говоря, эта возня весьма мало волнует население и составляет внутренний закулисный мир политических интриганов. Что касается политической безнравственности по отношению к избирателям, то она проявляется главным образом в безудержной политической демагогии, особенно в периоды предвыборных кампаний. Поток обещаний обрушивается на граждан страны. Многие из них несбыточны, о чем хорошо знает претендент на выборный пост. Но обещания эти обязательно должны выглядеть правдоподобными, а методы их реализации находиться исключительно в рамках правового поля. Большинство потенциальных избирателей привыкли к этим играм, делают соответствующую корректировку политических заявлений и по большей части скептически относятся к предвыборному ажиотажу.

В целом нечистоплотность политической жизни в странах с развитой демократией не несет в себе какого-либо взрывоопасного для общественного развития заряда. И главная причина этому, конечно, — структура власти, строгое ограничение властных полномочий любого избираемого лица, любого чиновника. Однако думаю, что здесь есть и другое. Это воспитание определенных нравственных начал у людей, решивших идти в политику, во властные структуры, возглавить круп-

ные социальные группировки, а если повезет, то и страну. Интересы народа, интересы страны для них превыше всего, интересы именно конкретного народа, который состоит из конкретных граждан. Поэтому надо вызволять каждого гражданина страны, попавшего в беду, в плен; поэтому надо сделать все, чтобы минимизировать людские потери при военных конфликтах, стихийных бедствиях.

Своеобразная этика политики сродни спортивной этике. Например настоящий спортсмен-футболист может ударить противника по ногам, симулировать травму, забить гол рукой и сказать, что "это рука Бога" (Марадона), но он никогда не позволит себе играть вполсилы за любимый клуб, за национальную сборную страны. Здесь он делает все для победы.

Президент США Никсон мог дать добро на прослушивание телефонных разговоров своих конкурентов по предвыборной кампании (уотергейтское дело), но он никогда не позволил бы задерживать зарплату офицерам американской армии. Вот здесь как раз водораздел между мерой безнравственности западного и российского политика.

Тип российского политика предполагает равнодушие к народу, взгляд на граждан как на подчиненных. В России политик, пришедший к власти, видит себя в качестве первого чиновника — этакий столоначальник земли русской. И сразу начинает заниматься реорганизацией "вверенного ему учреждения". Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно...

Для власть имущих в России народ превращается в абстрактную массу. Дистанционироваться от нее как можно быстрее — интуитивная потребность наших политиков. Желательно порвать даже личные контакты со средой, из которой он всплыл на поверхность политической жизни — таково неперемненное условие "развязанности рук". Нормальное состояние российских политиков — это когда они могут с чувством глубокого удовлетворения процитировать строку из Осипа Мандельштама: "Мы живем, под собою не чуя страны". В таком политическом мире ответственность зачастую трактуется как слабость, а реформаторский авантюризм возводится в доблесть.

Вот, в сущности, почему двадцатый реформаторский век в России стал таким человеконелюбивым.

Важной особенностью социальных и политических экспериментов в России явилось то, что они имели в своей основе экономический стержень. Дважды российские реформаторы покушались на экономические основы жизни общества, на святая святых организации всей хозяйственной жизни — собственность.

Сначала полному разрушению подвергся институт частной собственности. Тотальное обобществление средств производства буквально перевернуло правовую основу государства, идеологию, социальную и индивидуальную систему ценностей. С точки зрения поставленных

целей коммунистическими реформаторами была одержана блестящая и сокрушительная для общества победа. Другое дело, что в основе этих целей лежали утопические экономические идеи.

Спустя 75 лет общественная собственность подверглась не менее тотальной атаке. Теперь уже приватизировать предполагается все, включая уникальные месторождения, морские порты, аэропорты, магистральные трубопроводы, железные дороги, общенациональные информационные системы. Второй за сто лет экономический переворот вновь потряс политическую систему страны, изменил социальный статус десятков миллионов людей, нанес мощный удар по производственному потенциалу.

Оба экономических переворота отнюдь не осчастливили население. Не потому, что их творцы этого не хотели, а потому, что творцы эти проявили полное незнание сущности экономических взаимодействий внутри общественных систем, имели весьма поверхностное представление о внутренних (и ни при каких условиях неотменимых) силах, организующих экономические процессы и обеспечивающих их эффективность.

В представляемой читателю книге сделана попытка обсудить эти силы и процессы. Но книга не только об этом. Человек не может заниматься 24 часа в сутки научными исследованиями. Он живет среди людей, думающих чаще не об основах социально-экономического развития (что, кстати, совершенно правильно), а о текущих коллизиях в политике, экономике, культуре.

Книга писалась так, как я живу. А живу я в научных и политических дискуссиях, познал и работу чиновника, был бит властями, но не до крови. Это ни в коем случае не означает, что перед читателями мемуары (хотя есть отдельные зарисовки интервью высшей власти, с которой жизнь угораздила соприкоснуться). Скорее книга представляет собой все-таки научный трактат, попытку дать объективный диагноз состояния страны. Вообще для меня как для человека, относящего себя к научному миру, нет ничего интереснее диагностики. Практикующему врачу, политику, предпринимателю, банкиру подавай рецепты для лечения недугов. Рецептов много — диагностика хромает.

Эта книга никак не для сквозного чтения. В ней есть чисто научные разделы, вкрапления общеполитических размышлений, исследования текущих проблем экономической политики, которые перерастают в хронические, не чужд автор и политической публицистики. Такова, может быть, к сожалению, а может, к счастью, жизнь ученого. В башне из слоновой кости никак нынче не отсидеться, но и без серьезной науки существование опускается на уровень парнокопытных.

О г л а в л е н и е

Вместо предисловия. ВЛАСТЬ УТОПИИ	I—VIII
Раздел I. ОБЩАЯ КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЫНКА	5
Глава 1. Экономика как кибернетическая система	10
Глава 2. Генерирование новой информации. Механизм социальных мутаций	21
Глава 3. Рынок и управление. Блок обратной связи	29
Глава 4. Чего не может рынок	36
Глава 5. Идеология и рынок. Почему невозможен социалисти- ческий способ производства	42
Раздел II. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	55
Глава 1. Экономический рост и стабильность	57
Глава 2. Экономические и социальные аспекты стабили- зационной политики	63
Глава 3. Стабилизационные процессы и загадка больших циклов Николая Кондратьева	69
Глава 4. Русское "авось", или синдром выбора дестабили- зационной политики	74
Раздел III. КАК ЭТО БЫЛО. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПО-РОССИЙСКИ	87
Глава 1. Политический Колумб	89
Глава 2. Экономическая программа Президента — отвергнутый шанс ускорения реформ	108
Глава 3. Тень партии над реформами	123
Глава 4. "500 дней" до капитализма	133
Глава 5. Экономические реформы — разменная карта в политической игре	158
Раздел IV. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ (продолжение)	185
Глава 1. Опыт введения экономических свобод в несвободной экономике	187

Глава 2. Инфляция, экономический спад и бюджетный дефицит	197
Глава 3. Рынок без денег — достижение российских реформаторов	221
Глава 4. Стабилизация национальной валюты по-русски	239
Раздел V. ТОЧКА ОТСЧЕТА (С ЧЕМ РОССИЯ ИДЕТ В ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ)	249
Глава 1. Экономика: состояние стартовой площадки	253
Глава 2. Создание эффективного собственника	260
Глава 3. Государственное стимулирование криминализации экономики	269
Глава 4. Российская интеллигенция как "партия дураков"	278

Раздел I

ОБЩАЯ КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЫНКА

Глава 1
**Экономика
как кибернетическая
система**

Глава 2
**Генерирование
новой информации.
Механизм
социальных мутаций**

Глава 3
**Рынок и управление.
Блок обратной связи**

Глава 4
Чего не может рынок

Глава 5
**Идеология и рынок. Почему
невозможен социалистический
способ производства**

Лауреат Нобелевской премии Макс Планк, основатель квантовой физики, однажды скромно заметил, что он начинал свою деятельность как экономист, но затем оставил эту профессию, потому что она слишком трудна. Когда об этом рассказали пионеру современной математической логики Бертрану Расселу, он ответил: "Это странно. Я бросил экономическую теорию из-за того, что она слишком проста!"

Пол Самуэльсон

Если читатель пожелает почерпнуть из этого раздела элементарные сведения о механизме функционирования рынка, о кривых спроса и предложения (или кривой Филлипса), конкуренции, олигополии и монополии, функции денег и банков, то автор сразу его разочарует. О рынке от Милля и Смита до Хайека и Самуэльсона написано столько томов научной, учебной и популярной литературы, что повторяться было бы столь же скучно, сколь и бессмысленно. Здесь любопытен другой момент.

Во всем море изысканий о рынке и по поводу рыночных отношений мы не найдем четкого ответа на, казалось бы, простой вопрос: а зачем нужен рынок, в чем причина именно рыночной организации экономической жизни? Перелопатив тысячи страниц экономической литературы, вы узнаете много полезного и бесполезного о том, чем отличается свободный рынок от несвободного или от тоталитарной экономики (т.е. нерынка), на вас обрушатся потоки исторических подробностей о том, как возникали товарно-денежные отношения в первобытном обществе, древнем Риме и еще более древнем Китае. Но вы не найдете ответа на вопрос: рынок — прихоть развития цивилизации или объективная необходимость ее существования? Конечно, в литературе либерального толка мы обнаружим указания на связь рынка в экономике с демократической традицией в обществе. Однако на другом полюсе нас встретят рассуждения на тему неэффективности демократических, а следовательно, рыночных институтов.

У сторонников рынка как единственного способа организации функционирования экономической жизнедеятельности и противников этой точки зрения есть одна общая черта: и те и другие воспри-

нимают рынок как данность, априорно заложенную в развитие цивилизации. И дальше задача исследователя в зависимости от его идеологической ангажированности заключалась лишь в том, чтобы собрать комплект аргументов, доказывающих либо преимущества рынка, его эффективность и способность нести благосостояние людям, либо, наоборот, историческую ограниченность рынка, несовместимость конкуренции с принципами социальной справедливости.

Итак, никто не задался вопросом, но даже если и задался, то увлекся другими, оставив этот без ответа: рынок органичен для этой цивилизации (как, например, двуполость) или необязателен (как, например, цвет кожи)?! Отсутствие четко аргументированного ответа на этот вопрос привело к возникновению полярных отношений к рынку, его концептуальной основе.

Если рынок — историческая случайность или промежуточная форма экономических отношений, то его можно и нужно трансформировать в более эффективные механизмы управления. Можно создать альтернативу рынку, например, плановую экономику (военную, директивную, тоталитарную и т.д.). Но если это не так, если то, что называется рынком, есть одна из систем (может быть, главная) обеспечения функционирования и вообще существования общества, или, говоря более высокопарно, цивилизации, именно той цивилизации, которой мы, к сожалению, а, может быть, к счастью, принадлежим?

Формально альтернатива — план или рынок — может быть сформулирована именно в такой жесткой постановке. Однако в реальной действительности господствуют компромиссы. Экстремисты — это, как правило, провинциалы из очень глухой глубинки. Чем ближе к границам — государственным, национально-этническим, тем выше уровень коммуникабельности, тем естественнее тип мышления, основанный на компромиссе. В процессах познания, научного творчества и практической реализации накопленного знания заложены те же, если хотите, бытовые закономерности. Действительно, а почему либо рыночная, либо тоталитарная система организации экономической жизни? Может быть, это будет коктейль, компенсирующий жесткость рынка и водянистую размазанность, экономическую инфантильность социальных гарантий?

Все эти вопросы не только правомерны с научной точки зрения, но и актуальны в политическом смысле (причем в любой политической системе и на любых этапах ее развития). К сожалению, философская и экономическая литература со времен своего возникнове-

ния дает в основном эмпирическую трактовку этих проблем. Полезен рынок или нет? Вот центр притяжения или, если хотите, ось вращения экономической мысли конца XIX и всего XX в. Убого? Да! Но главное — бесплодно в научном и практическом аспектах.

Надо понять, что рынок — это некий специфический механизм функционирования кибернетической системы. Если экономика подпадает под это определение, является таковой системой, то рынок органически присущ этой системе. И нельзя произвольно его изъять, ограничить или расширить рамки его воздействия на организацию экономической жизни. Последняя сама поставит рамки рыночной экономики или, наоборот, прорвет любые искусственные формы блокады рынка.

Экономика как кибернетическая система

Монетаризм является исключительно консервативной системой научных воззрений. Уходя своими корнями в трехвековую глубину, он в исполнении неомонетаристов не воспринял никаких достижений мировой экономической науки и смежных дисциплин, изучающих закономерности развития общества, мотивации поведения социальных групп. Как будто не было Й. Шумпетера и Д. Чемберлен, Д. Кейнса и Я. Корнаи, Л. Эрхарда и Дж. Гэлбрейта, наконец, А. Богданова и Н. Винера с их всеобщей организационной наукой и кибернетикой, Э. Фромма и целой науки социальной психологии, философских откровений Н. Бердяева и К. Поппера. Эти мыслители, как известно, глубоко привержены идеям демократии и свободы, в том числе экономической. Однако каким многомерным им виделся мир, как далеки они были от упрощенной монетаристской концепции, ее денежного фетишизма.

Управление экономикой представляется современным монетаристам процессом, схожим в чем-то с переключением кнопок на пульте дистанционного управления телевизора. Нажал на одну кнопку — изменил яркость изображения, нажал на другую — уменьшил звук, на третью — вообще переключился на иную программу. Связь между действием и результатом столь же проста, сколь и поверхностна. "Но безошибочна по точности", — могут ответить нам. Ответ верен, если оставаться в рамках логики компьютерных мальчиков. И совершенно ошибочен с точки зрения существа и содержания процессов управления сложными системами. Продолжая аналогии с телевизором, можно сказать, что человек, умеющий только нажимать кнопки на пульте дистанционного управления, окажется бессильным, столкнувшись с такими явлениями, как падение напряжения в электросети, неисправность телеантенны, размыкание любого контакта в схеме полупроводников и т.д.

С точки зрения общей теории систем экономика относится к классу систем большой сложности. Эта система состоит из огромного числа хозяйственных ячеек, находящихся в тесном непрерывном взаимодействии друг с другом. Кроме того, она имеет явно выраженную многоуровневую структуру, при которой более высокий уровень интегрирует по определенным правилам (алгоритмам) информационные сигналы нижестоящего уровня и оперирует агрегатами.

В то же время сама экономика выступает как подсистема по отношению к обществу в целом, поскольку существование последнего, его развитие далеко не исчерпываются чисто экономическими процессами. (Поэтому, кстати говоря, введение в некоторые экономические модели субъекта с исключительно рациональным экономическим мышлением, своего рода "гомо экономикуса", является научной абстракцией и может привести к неожиданным результатам при прямом проецировании этих моделей на реальную жизнь.)

Общество с определенной социальной структурой, политической системой, потенциалом культуры, моральными установками представляет внешнюю среду, с которой экономика находится в постоянном взаимодействии. Это взаимодействие происходит по двум направлениям — от внешней среды к объекту и обратно, определяемым соответственно как вход и выход системы. Входные параметры экономической системы характеризуются всей совокупностью производственных, природных, трудовых ресурсов, технологических способов, научных знаний и т.п. Общественное воздействие на экономику осуществляется также через мотивы поведения людей, участвующих в производстве, которые, в свою очередь, определяются формой собственности и социальной структурой общества.

Таким образом, при изучении внешней среды экономической системы следует иметь в виду, что последняя, выступая как составной элемент общественной суперсистемы, в то же время занимает в ней пограничное (связующее) положение между природой и человеком с его потребностями, интересами, социальными установками. Это обстоятельство накладывает определенный специфический отпечаток на характер взаимодействия экономики с внешней средой. При анализе влияния внешней среды на экономику следует выделять сторону, которую можно условно назвать технической или биологической (совокупность природных и географических факторов и производственного потенциала), и сторону социальную. Последняя представляет, на наш взгляд, первостепенный интерес для науки об управлении, поскольку специфика ее воздействия на экономику определяется не только тем, что она накладывает ограничения, т.е. формирует условия развития

экономической системы, но и тем, что определяет в значительной мере мотивацию, т.е. цели этого развития.

Выход экономической системы есть не что иное, как производство средств для удовлетворения потребностей общества в части так называемых заменимых благ (т.е. таких благ, с увеличением числа которых наступает насыщение соответствующих потребностей). Выход экономической системы играет не последнюю роль в изменении общественной структуры. Экономика, предъявляя определенные требования к агентам производства (к их квалификации, профессиональным навыкам, расселению по территории страны), изменяя уровень удовлетворения потребностей различных групп населения и структуру потребления, оказывает мощное обратное воздействие на все стороны общественной жизни. Сущность взаимодействия между обществом и экономической системой определяет двоякая роль человека в общественном производстве — как агента производственного процесса и как объекта, ради которого этот процесс совершается.

Создание теории управления экономикой предполагает:

1) уяснение (познание) объективных закономерностей взаимодействия экономической системы с общественной и биологической средой и внутренней организации самой системы;

2) формулировку этих закономерных взаимосвязей в категориях целенаправленного поведения.

Разграничение этих двух этапов создания теории управления экономикой, на наш взгляд, чрезвычайно важно как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Дело в том, что сама по себе категория управления тесно связана с понятием целенаправленного поведения. Последнее следующим образом определяется в известной работе "Поведение, целенаправленность и телеология", написанной Норбертом Винером совместно со своими сотрудниками А. Розенблютом и Д. Бигеллоу: "Активное поведение можно подразделить на два класса: нецеленаправленное (или случайное) и целенаправленное. Термин "целенаправленное" здесь означает, что действие или поведение допускает истолкование как направленное на достижение некоторой цели, т.е. некоторого конечного состояния, при котором объект вступает в определенную связь в пространстве или во времени с некоторым другим объектом или событием"¹.

В этом определении вызывают интерес два момента. Во-первых, авторы рассматривают поведение с точки зрения выявления объективных закономерностей взаимодействия изучаемого объекта и окружающей среды, т.е. пытаются определить состояния, при которых объект вступает в определенную (притом не случайную) "связь в пространст-

¹ Винер Н. Кибернетика. Изд. 2-е. М.: Сов.радио, 1966. С. 280.

ве или во времени" с другим объектом или событием. Во-вторых, они замечают, что выявленные закономерности **допускают** истолкование в терминах цели и средств их достижения. Таким образом, подчеркивается, что речь идет не о существовании объективной целесообразности в движении объектов в реальном мире, а о способности человеческого мышления трактовать закономерную связь как целенаправленную. Категория цели совершенно недвусмысленно вменяется не реальному миру, а человеческому сознанию.

Отсюда следует, что не всякое поведение, которое может быть истолковано или описано как целенаправленное, преследует объективную, внутренне присущую данному объекту цель. Открытие законов движения нетождественно открытию цели движения.

Действительно, ни один из фундаментальных законов окружающего нас мира не заключает в себе внутренней цели. Странно было бы искать целесообразность в законе сохранения энергии, законе всемирного тяготения или теории относительности. Правда, когда мы обращаемся к живой природе, то здесь в качестве "естественной" цели развития выступает принцип выживания биологического вида. Однако было бы заблуждением рассматривать принцип выживания как элемент объективной целенаправленности в эволюционном развитии растительного и животного мира, ибо содержание этого принципа исчерпывается необходимостью достижения некоего состояния системы в окружающей среде, которое может быть определено как устойчивое (статическое или динамическое) равновесие.

Интересно отметить, что в свое время еще А. Богданов обращал внимание на то, что через понятие "устойчивость системы" не только не следует вводить в науку представления о некоей объективной цели, но, наоборот, "может быть достигнуто общее научное объяснение телеологических по внешности формул "максимум" и "минимум" в механике и физике. Сущность объяснения сводится к следующему: устойчивость комплекса — его сохранение — зависит от минимума изменяющих воздействий среды или от максимума его собственных сопротивлений"¹.

Отвергая правомерность общего телеологического подхода к **познанию законов развития** материального мира, следует иметь в виду возможность (а иногда и практическое удобство) **описания** процессов функционирования отдельных систем в категориях "цели" и "средства". Но при этом методологически важно помнить, что такое представление есть специфическое преломление в нашем **сознании** реального мира, а не буквальное отражение его объективных взаимосвязей. Понимание этого различия позволяет уяснить, что применение вариаци-

¹ Богданов А. Всеобщая организационная наука (тектология). Ч. 1. СПб., 1912. С. 107.

онных принципов механики в физике, естествознании и других науках отнюдь не означает утверждения в этих науках телеологического взгляда на объективный мир.

"Перевод" взаимосвязей объективного мира на "язык", соответствующий принципам организации человеческого мышления, т.е. выражение выявленных закономерностей через категории "цели" и "средства", являющийся в естественных науках одним из возможных способов анализа поведения соответствующих объектов и изложения научных результатов, играет совершенно иную роль в теории управления общественными системами. Дело в том, что в социальных системах все процессы проходят сквозь призму человеческого сознания, ибо сами эти процессы есть не что иное, как взаимодействие отдельных социальных групп, производственных коллективов, отдельных индивидумов. Сознательное поведение есть поведение целенаправленное. Всякое разумное действие предполагает формулировку цели как представления о некоем конечном состоянии, которое должно явиться результатом этого действия. Однако направленность сознательного поведения не означает свободы от объективных закономерностей функционирования внешней среды и самого управляемого объекта, не означает произвольности в выборе цели.

Таким образом, если, с одной стороны, закономерные взаимосвязи в общественных системах носят объективный и внутренне нецелесообразный характер (точно так же, как в природных системах), то, с другой стороны, они необходимо должны быть затем сформулированы в терминах целенаправленного поведения, т.е. быть выражены в категориях, соответствующих осознанной активной деятельности.

Итак, экономическая система может быть представлена как огромное скопление хозяйствующих субъектов, осознанно, т.е. целенаправленно, действующих в своих интересах. Интеграция или, наоборот, столкновение этих интересов без управляющего воздействия какой-либо надсистемы можно назвать процессом самоорганизации. Абсолютная вера в самоорганизацию как механизм оптимизации процессов экономического развития — краеугольный камень либеральной теории рынка. Максимизация благосостояния каждого обязательно должна привести к максимизации благосостояния всех. Мешают только монополии, которые должны быть разрушены во имя свободной конкуренции.

Признавая огромное значение самоорганизации, хотелось бы все-таки для выяснения истины добавить ложку дегтя в бочку эйфории по поводу самодостаточности самоорганизующихся процессов в сложных кибернетических системах.

Каждый студент знает, что при свободной конкуренции происходит столкновение интересов отдельных товаропроизводителей. И квинтэссенция этих интересов — максимизация своей прибыли. Однако откуда взялся этот критерий? Из технологического процесса производства любого продукта не вытекает никакой прибыли. Прибыль появляется из взаимодействия с **внешней средой**, из разницы между ценой, которую согласен заплатить потенциальный потребитель, и затратами на ресурсы, которые надо приобрести вне системы для организации производства. Система "производитель" гипотетически может быть самодостаточной, если только производитель является единственным потребителем товара. Но тогда термин "самоорганизация" становится малосодержательным. Самоорганизация, понимаемая как саморазвитие, самосовершенствование, требует обращения к надсистеме. В этом смысл принципа внешнего дополнения. Еще Ст. Бир отмечал, "что система управления не может "обсуждать саму себя", что для обсуждения поведения любой системы, описанной в терминах какого-либо языка, требуется язык более высокого порядка"¹.

Этот метаязык необходим для содержательного объяснения поведения системы, ее мотивационной составляющей. Любая система открыта к надсистеме, без которой мотивы своего поведения, свою целеустремленность система объяснить самой себе не может. Технология производства, технические открытия вне прибыли². Категория прибыли надсистемна по отношению к технологическим процессам, но подсистемна по отношению к таким, например, понятиям, как социальный консенсус, экологическая безопасность, гражданские права и самооценочность личности, стратегические интересы выживания социума и т.д.

Следовательно, над рыночным интересом, условно называемым "прибыль", стоит интерес надсистемы "общественная целесообразность". Если интерес прибыльности (подсистемный) возобладает над интересом самосохранения общества (системный интерес), то погибнет не только система, но и ее подсистема со всеми своими реализованными и нереализованными целями и интересами. Здесь напрашивается медицинская аналогия: раковые клетки, уничтожая живой организм, готовят почву для самоуничтожения.

В самом этом факте нет ничего неожиданного для всякого специалиста, знакомого с принципами описания и функционирования сложных кибернетических систем. Выше уже отмечалось, что полное описание системы как сознательно управляемой невозможно на языке

¹ Бир Ст. Кибернетика и управление производством. М.: Физматгиз, 1963. С. 220.

² Производство жидкого топлива из твердого было открыто немецкими учеными в годы второй мировой войны. Но дороговизна технологического решения этого открытия не допускает его на рынок более полувека.

этой системы. Это объясняется тем, что свойства эквивиальности (целенаправленности) привносятся в систему извне. Замкнутой кибернетической системе с обратной связью внутренне присуще стремление к некоторому финальному состоянию. В этом смысле поведение системы целенаправленно лишь с точки зрения надсистемы, которая приписывает ей целенаправленность с позиций собственного поведения.

Однако истинная трудность проблемы проявляется в тот момент, когда исследователь начинает осознавать, что если в качестве надсистемы для экономики выступает общество, то поиски для последнего суперсистемы, способной "дать" общественный критерий, до некоторой степени представляют иррациональную задачу. Эта специфика экономики как объекта управления была, в частности, отмечена Н. Винером, который писал, что "экономическая игра — это такая игра, правила которой должны периодически подвергаться существенному пересмотру, скажем, каждые десять лет"¹.

Человек является "конечной инстанцией" в иерархии систем и критериев. И в этом смысле человеческое общество должно рассматриваться как замкнутая система. Это положение отнюдь не противоречит тому факту, что человек, будучи сознательным существом, способным к самопознанию, может в процессе мышления анализировать себя как бы "со стороны". Однако одно дело — теоретико-абстрактное рассмотрение человека в системе биологической эволюции живого мира, а другое — выработка поведения общественной системы, основанного на подчинении выявленным (реальным или мнимым) целям этой эволюции.

В этой связи нельзя не согласиться с постановкой вопроса о "высших" целях системы, содержащейся в работе Л. Фогеля, А. Оуэнса и М. Уолша "Искусственный интеллект и эволюционное моделирование". "Самосохранение, — пишут авторы, — наивысшая цель в любой наиболее сложной иерархии подцелей, которые может иметь организм, поскольку все подцели направлены на выживание. Множество возможных будущих исходов образуется как комбинация результатов некоторого набора возможных событий. Наилучшим считается то будущее состояние, которое обеспечивает в рамках имеющейся модели наибольшие гарантии для самосохранения. Этот процесс снова является эволюционным"².

¹ Винер Н. Творец и робот. М.: Прогресс, 1966. С. 100.

² Фогель Л., Оуэнс А., Уолш М. Искусственный интеллект и эволюционное моделирование. М.: Мир, 1969. С. 166.

Интересно, что, касаясь случаев самоубийства или самопожертвования, авторы считают, что "и в этом случае индивидуум поступает таким образом, чтобы сохранить то, с чем он себя отождествляет, а не свою плоть" (Там же).

Если речь идет об очень сложных вероятностных кибернетических системах, то в них можно наблюдать наряду с тенденцией к самосохранению возникновение механизмов выработки внутренних импульсов развития. Вообще в строго устойчивом состоянии могут находиться лишь жестко детерминированные системы. Однако и в этом случае стационарность достигнутого состояния далеко не всегда означает прекращение развития системы в широком смысле этого термина. Во всяком случае было бы, на наш взгляд, неправильно автоматически выводить эволюцию кибернетических систем из внешнего импульса, из надсистемы. Способность к саморазвитию систем, имеющих гомеостатическую природу функционирования, заложена в структуре этих систем, в относительном характере подчиненности целей отдельных подсистем, что приводит к известной "конкурентности" при взаимодействии подсистем друг с другом (как по горизонтали, так и по вертикали) и, как следствие этого, к изменениям точки компромисса на "переговорном множестве". Такого рода "внутренняя энергия" является источником эволюционных процессов в животном и растительном мире (естественный отбор) и в системах, которые носят характер организованных коллективов (в том числе в общественных и экономических системах).

Понимание диалектической связи между тенденцией к самосохранению замкнутых систем и их саморазвитием в процессе реализации этой тенденции позволяет, на наш взгляд, освободиться от идеи "внешнего толчка" при анализе функционирования таких больших объектов научного исследования, как общество.

Изучение кибернетических систем различной сложности показывает, что наиболее развитые из них обладают способностью к самопознанию, т.е. могут раздельно воспринимать свои собственные стимулы и реакции наряду с анализом собственного поведения, определяемого во взаимодействии с внешней средой. Таким образом, у этих систем модель, созданная на основе отражения внешней среды, дополняется моделью "самого себя". Именно такую картину мы наблюдаем в развитых социальных системах.

Однако здесь следует обратить внимание на некоторую объективную помеху на пути объекта к полному самопознанию. Для построения модели "самого себя" объект должен выделить некоторую подсистему, занимающуюся такого рода моделированием. Но возникает вопрос: каким образом эта подсистема сможет описать самое себя? На этот парадокс окончательной непознаваемости обратили внимание при изучении биологических систем авторы уже упоминавшейся выше работы "Искусственный интеллект и эволюционное моделирование". "Отметим, — пишут они о той части объекта, которая его модели-

рует, — что выделение такого преобразователя информации из состава организма лишает организм способности создания полной модели самого себя в том смысле, в каком "кошка никогда не может попробовать вкус своего собственного языка". Конечно, можно выделить часть этой моделирующей способности для моделирования остальной части; однако такое последовательное "выделение" скоро прекратится вследствие ограниченной разрешающей способности этих частей"¹.

Объект не способен познать до конца сам себя. Обращение к надсистеме, как мы видели, принципиально не способно спасти нас от этого "проклятия", так как передача вопроса в "высшую инстанцию" должна сопровождаться соответствующим перемещением и управляющего блока, что имеет содержательный смысл лишь до определенного момента. В этой ситуации необходимость рассмотрения системы как закрытой объективно означает, что система полностью не может быть определена. Кибернетики вводят этот момент в описание систем с помощью понятия "черный ящик". Важно подчеркнуть, что в философском аспекте неопределенность в системе связана не с субъективной ограниченностью наших знаний об объекте в данный момент времени, а с объективной невозможностью окончательного его описания на адекватном языке. Для того чтобы подобрать "ключ" к реальной действительности, которую мы стремимся описать неразрешимым языком, необходимо дополнять этот язык принципиально неопределимым "черным ящиком"². Этот тезис следует понимать в том смысле, что спонтанный характер процессов, происходящих в сложной кибернетической системе, внутренне присущ ей и является одним из существенных ее свойств.

Понимание этого положения нашло отражение в развитии биологии (исследования в области генетики), в физике (принцип неопределенности Гейзенберга) и других науках. Однако в экономике — науке, занимающейся изучением одной из сложнейших разновидностей кибернетических систем, принцип неопределенности, на наш взгляд, еще не получил должной оценки. Исторически это объясняется, по всей видимости, тем, что развитие экономических систем в последние 100—150 лет шло в направлении от стихийно функционирующих к сознательно управляемым, от анархии и неорганизованности к структурной упорядоченности. Стихийность и неопределенность — категории отнюдь не тождественные. Более того, они лежат в разных плоскостях. Стихийность противоречит сознательному управлению. Но

¹ Фогель Л., Оуэнс А., Уолш М. Искусственный интеллект и эволюционное моделирование. С. 146.

² Бир Ст. Кибернетика и управление производством. С. 110.

наличие осознанной целенаправленной деятельности по управлению экономикой отнюдь не эквивалентно жесткой предопределенности всех процессов, происходящих внутри системы. Несмотря на очевидность этого обстоятельства, подавляющее большинство ныне известных моделей народного хозяйства (в том числе и так называемых кибернетических), по существу, строго детерминированы. И дело здесь не в характере математического описания моделей, а в их качественной ограниченности. Выбрасывание из поля зрения (или беглое упоминание) такого существенного признака системы, как невозможность ее полного описания, не только находится в прямом противоречии с доказанными и всесторонне обоснованными принципами функционирования сложных систем, но и серьезно обедняет модель, делая ее существенно неадекватной изучаемому объекту.

В общем случае практика показывает, что проблемы начинают возникать тогда, когда исследователь свою условную модель вольно или невольно начинает отождествлять с реальным объектом, распространяя на него выводы, имеющие силу лишь для этой модели. Именно здесь, на стадии проекции модели на действительность, появляется соблазн идти кратчайшим путем, оставляя в стороне детали. А деталями считается все, что осталось за рамками модели, т.е. в конечном счете те стороны реального объекта, которые исследователь решил временно не вводить в анализ. Но, к сожалению, часто оправдывается старая поговорка, в соответствии с которой нет ничего более постоянного, чем временные решения.

Отождествление модели с действительностью особенно привлекательно, когда предполагается на основе модели объекта создать систему управления им. Этим откровенно грешат все социалистические модели управления экономикой. Они исходят из посылки полного знания о целях развития экономики (основной закон), наличных ресурсах и способах их утилизации. Тоталитарная экономика — это идеология детерминизма, насильственно внедренная в хозяйственную практику.

Если целевые установки социальной системы формулируются достаточно жестко, как абсолютно истинные, т.е. игнорируются относительность и неполнота наших знаний об объекте, и в модель его функционирования не вводится "черный ящик" как отражение неопределенности представлений о характере динамики системы, то из системы тем самым исчезает источник необходимого разнообразия. Система, по существу, превращается в детерминированную (хотя чисто формально ее можно описывать как стохастическую, но это уже будет, по выражению Ст. Бира, "закономерная случайность").

Детерминированное развитие по жесткому критерию не позволяет получить новую информацию о степени соответствия наших представлений о развитии общества реальным закономерностям этого развития.

Все вышеуказанное дает основания полагать, что при определении аксиоматики функционирования сложных социально-экономических систем постулат о наличии критерия оптимальности системы (целеполагание) должен быть дополнен постулатом о конечной неопределенности этого критерия и объективной необходимости существования механизма формирования, уточнения и корректировки критерия в процессе функционирования системы. Введение в число аксиом функционирования сложных систем принципа неопределенности позволяет реально представить социальную систему как саморазвивающуюся и самосовершенствующуюся. Процесс развития при таком подходе выглядит не только как процесс нахождения кратчайшего пути к четко очерченной цели, но и как одновременный поиск и корректировка целей развития. Этот момент — поиск цели в самом процессе движения и механизм организации поиска — является принципиально новым качественным моментом, отличающим описание очень сложных кибернетических систем от систем, которые являются объектом изучения для специалистов по исследованию операций и смежных дисциплин.

Генерирование новой информации. Механизм социальных мутаций

Поскольку социально-экономическая система не имеет объективно заданного телеологического импульса развития, она может быть классифицирована как саморазвивающаяся система, т.е. система, обладающая внутренним источником эволюционных процессов. Очевидно, основная проблема оптимальной организации механизма функционирования такой социально-экономической системы заключается в максимальном "раскрепощении" внутренней энергии саморазвития. В терминах модели управления сложными системами механизм функционирования должен обеспечивать, во-первых, поиск критерия развития в самом процессе самоорганизации системы с минимально возможным расходом общественных ресурсов и, во-вторых, оптимальную скорость движения к некоторому состоянию, условно принятому за цель.

"Горючим", обеспечивающим развитие системы, является новая информация. Следовательно, в саморазвивающихся системах должен существовать внутренний источник возникновения новой информации. В этом смысле саморазвивающаяся система может быть охарактеризована как информационно-развивающаяся система. Информация в такой системе постоянно возникает, накапливается, обновляется и анализируется ею самой. В процессе этого анализа происходит самообучение системы. Специфическим моментом таким образом понимаемого процесса саморазвития является то обстоятельство, что возникающая информация должна носить принципиально новый характер, т.е., по определению, не может быть предсказуема. Информационно-развивающаяся система не может быть описана полно на языке дедуктивной логики.

Выход из этого положения лежит в явном включении неопределенности в модель, описывающую реальную систему. Эффект неопределенности при моделировании информационно-развивающихся систем может быть учтен, если мы встроим в нее "черный ящик", или "генератор случая".

"Генератор случая" и правила отбора, образующие адаптационную систему, являются тем механизмом, который позволяет формировать и накапливать новую информацию в системе. С одной стороны, в процессе функционирования информационно-развивающихся систем происходит взаимодействие между информацией, генерируемой внутри системы, и информацией, поступающей из внешней среды. Поток внешней информации оказывает воздействие на генерируемую внутри системы информацию. С другой стороны, активность системы и степень ее воздействия на внешнюю среду также могут стимулировать ответные реакции.

Каков же внутренний механизм возникновения новой информации в социально-экономических системах?

Генератором новой информации в общественных системах является механизм, который по аналогии с биологическими системами может быть назван механизмом "социальных мутаций". В антагонистических социально-экономических формациях "социальные мутации" так или иначе были опосредованы классовой борьбой. "История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов"¹. Марксизм представляет все многообразие социальных взаимодействий как происходящую в обнаженной форме схватку "класс на класс". Это, конечно, одно из проявлений социального примитивизма, идеологизации науки. Взаимосвязи между отдельными социальными группировками и "невидимыми коллективами" сложны и многоканальны. На классовое деление накладывается расслоение общества на группировки по уровню дохода, национальному признаку, профессиональной принадлежности и т.п.

Предпосылки, создающие благоприятные условия для генерирования новой информации в социально-экономической системе, обращенной в XXI в., в общем виде могут быть сведены к следующим моментам.

Прежде всего, при относительной стабильности и однозначности физиологических интересов индивидуума социализация личности сопровождается возрастанием динамизма и расширением разнообразия духовных (идеологических, эстетических и т.п.) потребностей и потребностей, которые можно условно назвать престижно-материальными. Плюрализм в социальных интересах приводит к плюрализму ассо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 424.

циаций, объединяющих индивидуумов с одинаковыми интересами. Один и тот же человек в развитом обществе выступает как член самых разнообразных коллективов, где он играет различные конвенциональные роли. Мотивы его участия в коллективах и исполняемая роль не остаются неизменными.

Вследствие чрезвычайного динамизма современной социально-экономической системы человек постоянно вступает в контакты с представителями других коллективов. Причем эти контакты и по форме, и по характеру уже не нормируются в той мере, в какой это имело место, например, при сословной иерархии средневекового общества (и сохранилось с некоторой модификацией в современном мире). Усиленному "кровообращению" между социальными коллективами и контактам между отдельными индивидуумами в значительной мере способствуют масштаб, интенсивность и скорость современных средств передачи информации. Постоянное взаимное воздействие информационных сигналов, вырабатываемых в результате функционирования одних социальных коллективов, на установки, обуславливающие существование других социальных коллективов, является важным фактором возникновения новой информации, разветвления или исчезновения ранее существовавших объединений. Примером может служить борьба различных школ и направлений в науке, являющаяся "мотором" научных исследований.

Таким образом, мы отчетливо можем проследить условия возрастания мобильности социальных коллективов: это, во-первых, отсутствие груза "сословных предрассудков", примат существа над традиционностью формы, во-вторых, ускорение и интенсивность обмена информацией между коллективами, возрастание скорости реакции социальных коллективов на "внешние раздражители"¹.

Ряд факторов, определяющих интенсивность "социальных мутаций", связан непосредственно с поведением индивидуума как первичного звена социального коллектива. Выше мы уже говорили о том, что если общество, оказывая на личность формирующее воздействие, не стремится поставить индивидуума во всех случаях перед однозначностью решения, а предоставляет ему некоторый "полигон" для проявления своей индивидуальности, то социализация человека сопровождается значительным расширением круга потребностей. Причем следует

¹ Следует отметить, что процесс усиления "обмена веществ" между социальными коллективами сопровождается унификацией информационных сигналов. Однако в реальной действительности наблюдается и обратный процесс специализации информационного обмена. Так, каждая наука (а иногда и ее отдельные ветви) имеет свой специфический язык. Интересно, что такая спецификация в ряде случаев является необходимым условием углубления исследований, и в то же время мы можем наблюдать множество ситуаций, когда для разработки научных проблем необходимо взаимодействие коллективов, представляющих различные отрасли знаний, а многие научные идеи возникают на стыке различных наук.

еще раз подчеркнуть, что потребности эти связаны не столько с физиологией человека, сколько с его отношением к социально-экономической системе. В этом смысле человек — продукт определенной социальной среды. Однако эта среда может так организовать свое воздействие на человека, что за ним сохраняется способность генерировать новую информацию и тем самым оказывать обратное воздействие на развитие социальной среды. В литературе эта проблема обычно формулируется как проблема стимулирования творческой активности членов общественной организации.

Основными характеристиками ситуации, обеспечивающей режим "наибольшего благоприятствования" для генерирования новой информации, являются условия, в которых каждый элемент социально-экономической системы (каждый полноправный индивидуум) обладал бы возможностью варьирования решений и ощущением причастности (нужности) к функционированию общественного организма.

Возможность варьировать решения, самостоятельно делать выбор из ряда альтернатив создает возможность функционирования социального человека как самообучающейся системы, генерирующей новую информацию. Рассматривая проблему автономности индивидуумов в рамках социальных взаимодействий, следует вновь подчеркнуть, что создание обстановки для творческой деятельности не имеет ничего общего с ликвидацией любых социальных ограничений, накладываемых обществом на человека. Определенные социальные стандарты поведения и взаимоотношений между людьми служат необходимой предпосылкой для проявления творческой активности. "Отрицание социального контроля есть не свобода, а анархия. Свобода всегда связана с ответственностью. Люди могут быть свободны лишь постольку, поскольку каждый принимает обязанность поддерживать минимум стандартов равноправной ассоциации. Если бы каждый человек преследовал свои личные интересы без ограничений, вряд ли получилась бы кооперация, скорее любое общество превратилось бы в джунгли. Каждый человек контролирует свои импульсы в соответствии с групповыми нормами; и именно потому, что существует организованное общество, он обладает определенными возможностями, которыми и пользуется, чтобы сделать выбор...

Как ни парадоксально это звучит, человек полнее всего ощущает свободу, когда его внутренняя дисциплина наиболее развита. Тогда он убежден, что он ответственный субъект, что он решает собственным умом и делает то, что хочет. Раз индивид принял ценности, разделяемые в его группе, они больше не противостоят ему как некие ограничители"¹.

¹ Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. С. 229, 230.

Обсуждение условий генерирования новой информации в процессе творческой деятельности не отвечало бы задачам нашего анализа, если бы мы обошли вниманием проблему мотивации стремления к социальной активности, возникающего у отдельных членов социума.

Все потребности индивидуума относительно социальной среды можно разделить на три группы: совпадающие с интересами социального коллектива, нейтральные к ним и находящиеся в том или ином противоречии. Здесь нам важно зафиксировать то обстоятельство, что у индивидуума в каждый данный момент имеется некоторая шкала потребностей, часть из которых (причем в развитом обществе значительная и всевозрастающая) он может эффективно удовлетворить в рамках различного рода социальных коллективов. Вступление в коллектив означает, что первой группе потребностей отдается большее предпочтение, чем третьей. Если процесс удовлетворения потребностей рассматривать в динамике, что показателем степени насыщенности потребности может выступать относительная ценность дополнительной единицы фактора, удовлетворяющего данную потребность. По мере насыщения наблюдается падение ценности дополнительной единицы соответствующего блага. Отсюда следует, что при достижении определенного значения по одному параметру функции предпочтения индивидуума последний может начать придавать больший вес другим потребностям, которые до этого считались второстепенными. Этот процесс накладывается на социальные установки того коллектива, который способствовал удовлетворению первоочередной (по избранной индивидуумом шкале) потребности. Здесь возможны различные комбинации. Следующая по насущности потребность может быть также удовлетворена при условии сохранения индивидуума в том же социальном коллективе. Это простейшая ситуация. Далее коллектив может быть нейтрален к удовлетворению этой сильно выявившейся потребности. Тогда индивидуум удовлетворяет свою потребность самостоятельно или обнаруживает, что она будет удовлетворена более полно или с меньшими усилиями при условии одновременного вступления в другую ассоциацию. Последняя, как правило, нейтральна по отношению к социальному коллективу, членом которого уже является наш индивид.

Другое дело, если речь идет о наличии определенного противоречия между социальным кредо коллектива, в составе которого удовлетворялась первая в шкале предпочтений потребность, и социальным или даже сугубо индивидуальным интересом, выдвигающимся на сцену вследствие насыщения первоочередной потребности. В данном случае теоретически возможны разного рода компромиссы между социальными установками коллектива и изменившимися стремления-

ми личности, начиная от переоценки шкалы предпочтений и кончая попытками преодолеть консерватизм группы, не выходя из ее рамок.

Таким образом, уже в самом процессе удовлетворения потребностей при условии их определенного разнообразия заложена возможность модификации шкалы предпочтений по мере насыщения потребностей (эффект, согласно которому удовлетворенная потребность уже не воспринимается как потребность).

Если потребность в материальных благах имеет достаточно высокую степень насыщения, то в основе стремления к социальной интеграции будут лежать иные мотивы, нежели денежный (материальный) интерес.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что, даже оставаясь в рамках достаточно простой схемы "потребности индивидуума — механизм их удовлетворения", мы сталкиваемся с постоянной и плохо предсказуемой пульсацией социальной системы. Индивид, еще недавно пребывавший в состоянии удовлетворенности окружающей социальной средой, "вдруг" начинает выдвигать новые требования культурного, социального, эстетического характера, высказывать недовольство условиями труда, экологической обстановкой, транспортными или информационными услугами и т.д. и т.п. Эти требования отнюдь не всегда (а в цивилизованных демократических системах — практически никогда) не приводят к серьезному потрясению, а тем более к разрушению системы. Но они создают необходимый информационный "шум" в системе, вводят элемент непредсказуемости и случайности. Тот самый "шум", который является строительным материалом для генерирования новой информации в социально-экономической системе. Мы имеем постоянный фон случайных помех, на котором и возникают "социальные мутации". Одни из этих "мутантов" бесследно исчезают, другие оказываются чрезвычайно живучими.

В экономике мощным стимулом генерирования новой информации является конкуренция, организованная по принципу: низкие затраты — высокое качество — рост производства и объема продаж — максимизация прибыли. Следование этим принципам автоматически открывает дорогу научно-техническим изобретениям, их быстрому внедрению (тиражированию). Создаются уникальные возможности для возникновения информационного бума в науке, производстве, сфере услуг.

Такой эффект может дать конкуренция, базирующаяся только на вышеотмеченном принципе. Это необходимо подчеркнуть, так как есть опыт "конкуренции", которую породили российские реформы. Столпы российской "конкуренции": физическое уничтожение конкурента, рэкет, подлог, фальсификация качества товара, уклонение от налогов, подкуп чиновников. Не заработать, а экспроприировать —

вот что объединяет гайдаровский капитализм и ленинско-сталинский социализм. К этому вопросу мы еще вернемся. Здесь же нам надо сделать резюме вышеизложенного.

Описанные процессы возникновения новой информации, хотя были замечены и, пожалуй, наиболее широко изучены в биологии, в действительности, очевидно, являются лишь специфической формой выражения более общих закономерностей. Если в системе имеется некоторое многообразие, то непредвиденные изменения внешней среды приводят не к разрушению системы, а к образованию новой упорядоченности внутренних взаимосвязей, обеспечивающей ее устойчивость. "Строительным материалом" для новой информации, определенным образом преобразующей систему, является первоначальное многообразие. Таким образом, необходимой предпосылкой для возникновения новой информации должно быть постоянное генерирование некоторого разнообразия в системе.

В этой связи небезынтересно привести пример простейшей машинной имитации адаптационной системы, предложенной американцем У.Р.Эшби¹. Представим себе, говорит Эшби, вычислительную машину, память которой случайным образом заполнена цифрами от 0 до 9. Пусть эта машина работает так, что цифры все время попарно перемножаются и крайняя правая цифра произведения становится на место первого сомножителя. Теперь запустим машину и позволим ей "эволюционировать" при заданных условиях. Нетрудно проследить, что произойдет. Каждому школьнику известно, что четное, умноженное на четное, дает четное; нечетное, умноженное на нечетное, дает нечетное. Но четное, умноженное на нечетное, дает четное. Поэтому после некоторого количества перемножений и отбора по установленным выше правилам явное преимущество получают четные числа, которые и остаются в памяти машины. Но и сами четные числа не совсем "равноправны". Поскольку умножение на нуль дает нуль, со временем нуль вытесняют все остальные четные числа и система придет в полностью упорядоченное устойчивое состояние.

Итак, хаотичный набор цифр под воздействием несложных правил отбора за сравнительно небольшое число итераций определенным образом просеивается и логически организуется. Так, демократический отбор может выдвинуть в высшие эшелоны власти людей с нулевым интеллектом. Однако достаточно было бы заранее вмешаться в этот "хаос" с целью его ограничения (например, изъять из первоначального набора цифр нули), и результаты получились бы совсем иными.

¹ См.: Принципы самоорганизации, М.: Мир, 1966. С. 334.

Обращает на себя внимание и другой момент. Система Эшби в глазах самоорганизовалась, найдя для заданных условий самое устойчивое состояние. Но она тем самым и уничтожила разнообразие. Для адаптации к условиям внешней среды (правилам отбора) она использовала первоначальное разнообразие, но использовала, как говорится, однократно. А это означает, что, создав максимальную устойчивость по отношению к данным условиям отбора путем полного устранения излишнего "шума" (воздействие внешней среды уже не влияет на внутреннее состояние системы), эта система оказывается беспомощной в случае изменений правил игры. Полное исчезновение мутационного фона обрекает ее сначала на стагнацию, а затем на гибель, так как платой за эту квазиустойчивость является исчезновение "сырья" для новой информации. Именно поэтому реальные информационно-развивающиеся системы устроены сложнее, чем "машина Эшби". Принципиальным отличием следует считать появление генератора разнообразия, встроенного в саму систему.

В процессе развития общественных систем происходит быстрое наращивание новой информации: идеологической, научно-технической, эстетической и т.д. Качество этой информации определяется социальной средой, теми механизмами, которые обеспечивают возникновение новой информации и направления ее использования.

Рынок и управление. Блок обратной связи

Модели управления по формам стабилизации заданных параметров можно подразделить на следующие виды:

- 1) управление с разомкнутым циклом (регулирование по возмущению);
- 2) управление с замкнутым циклом (регулирование по отклонению);
- 3) комбинированное управление.

Первый вид управления обеспечивает стабильность регулируемой величины, ее инвариантность к возмущающим воздействиям через непосредственное их измерение и выработку регулирующего сигнала, который имеет своей целью компенсировать возникшее несоответствие. Примером такого рода регулирования могут служить мероприятия по ликвидации последствий землетрясений и других стихийных бедствий.

Модель управления с замкнутым циклом обеспечивает стабилизацию регулируемой величины за счет отрицательной обратной связи. Понятие "обратная связь" является основополагающим в кибернетике. Изучение самых разнообразных механизмов регулирования процессов в биологии, экономике и технике показало чрезвычайно высокую распространенность принципа обратной связи. Практически нет ни одной работы по кибернетике и современной теории управления, где бы не описывался и не подвергался интерпретации этот принцип. Здесь, следовательно, можно ограничиться лишь самым кратким изложением существа этого принципа, после чего следует перейти к чисто экономическим проблемам его использования в регулировании процессов общественного производства и обмена.

Механизм обратной связи обеспечивает подстройку входа системы по отклонению между фактическим и заданным значениями выхода. Связь эта получила название обратной, поскольку передача регулирующего воздействия идет в направлении, противоположном основному процессу, происходящему в системе. Если обратная связь организова-

на таким образом, что увеличение отклонения на выходе уменьшает соответствующие входные сигналы и тем самым способствует восстановлению равновесия в системе, то мы имеем дело с отрицательной обратной связью.

Сопоставление первого вида моделей управления (с разомкнутым циклом) со вторым видом этих моделей, организованным по принципу обратной связи, позволяет выявить ряд существенных различий, которые имеются между ними в реализации процесса управления.

Начнем с того, что в случае применения первого вида моделей, т.е. прямого регулирования, управляющий орган берет на себя всю полностью ответственности за правильную оценку измерения возмущающего воздействия, а также выбор силы и формы компенсирующей реакции в каждой конкретной ситуации. В чистом виде схема разомкнутого цикла управления предполагает, что управляющее устройство замеряет и анализирует именно возмущающее воздействие на систему, а не выходные параметры системы. Но, конечно, на практике при использовании подобной модели иногда приходится обращаться к информации об изменении значения выходных параметров (тогда в той мере, в какой этот момент присутствует в действиях управляющего устройства, можно говорить об отдельных элементах обратной связи). Управляющее устройство должно знать характеристики как объекта управления (его внутренние связи), так и самого управляющего механизма. Иными словами, управление по разомкнутому циклу компенсирует только те возмущения, которые измерены управляющим устройством.

Привлекательность управления по разомкнутому циклу заключается в том, что в идеальной ситуации реакция на возмущение может быть мгновенной, а в отдельных случаях даже упреждающей. Однако постоянное использование первого вида моделей вызывает ряд серьезных проблем. Прежде всего это вопрос об объеме информации, а следовательно, скорости ее переработки и формирования управляющих сигналов. Управляющий орган должен иметь подробнейшую информацию о всех объектах управления, а это требует огромного времени и колоссальных затрат для сбора и обработки детальнейшей отчетности о хозяйственной деятельности предприятий.

В результате практического использования подобной модели (назовем ее социалистической) планы доводились до предприятий с большим опозданием и в течение года многократно пересматривались и корректировались. Одновременно предприятия вырабатывали своеобразный "защитный" механизм против управляющих воздействий плановых органов, смысл которого заключался в сокрытии реальных резервов данного производства и завышенных претензиях на государственные ресурсы. Такое искажение информации являлось серьезным

нарушением процесса управления, но оно было вынужденным, поскольку управляющий орган не всегда мог точно рассчитать силу возможного возмущения и правильно подобрать компенсирующий сигнал. Сложность управления по разомкнутому циклу состоит, в частности, в том, что компенсирующие реакции на возмущение должны всегда иметь конкретную форму и точный адрес, а это правило трудно соблюсти, если каждый случай возмущения, особенно в таком объекте, как экономика, рассматривается управляющим органом.

Следует особо подчеркнуть объективный характер ограниченных возможностей органа управления или внешнего регулятора системы. Здесь мы сталкиваемся с проявлением "закона необходимого разнообразия", сформулированного У. Эшби на базе так называемой десятой теоремы Шеннона. Эта теорема гласит, что если канал коррекции (или регулятор) обладает пропускной способностью (разнообразием) H , то количество устраненной неопределенности в системе может быть равно H , но не может быть большим.

Смысл этого закона целиком определяется спецификой взаимосвязи системы и внешней среды. Регулятор как бы дифференцирует все "шумы" окружающей среды на полезную и бесполезную информацию и ограждает систему от излишнего разнообразия. Чем мощнее фильтр-регулятор, тем меньше неопределенности в системе, тем более она детерминирована. Но, чтобы выполнять эти функции, регулятор сам должен обладать необходимым разнообразием.

Необходимое разнообразие регулятора находится в прямой зависимости от разнообразия возмущений внешней среды и в обратной — от допустимого разнообразия самой кибернетической системы. Соотношение количества разнообразия во внешней среде, регуляторе и системе выражается следующей формулой:

$$\log \frac{H_m}{H_s} = \log H_c \quad \text{или} \quad \log H_c = \log H_m - \log H_s,$$

где H_m — разнообразие возмущений внешней среды, H_s — допустимое разнообразие системы, H_c — разнообразие регулятора.

В реальных ситуациях чувствительность регулятора всегда имеет некоторый предел. Это в свою очередь накладывает определенные объективные ограничения на разнообразие системы. При заданном разнообразии внешней среды сумма логарифмов разнообразия регулятора и регулируемой системы есть величина постоянная. Следовательно, если регулятор использовал всю свою "пропускную способность" и она оказывается все равно меньшей, чем разнообразие внешней среды, система сама должна обладать необходимым разнообразием состояний, чтобы предохранить себя от разрушения.

Зачастую в сознательно регулируемых системах происходит переоценка возможностей управляющего органа. Создается идеальная модель регулятора с разнообразием, превышающим его реальные возможности. На величину этой переоценки "способностей" регулятора занижается допустимое разнообразие системы. Это вносит определенную дезорганизацию в процесс управления, ибо на практике управляющий орган не справляется со всем разнообразием возмущений, которое ему необходимо оценить при принятии решений. Переполнение регулятора избыточной для его возможностей информацией приводит к возникновению в ряде случаев феномена "псевдoreгулирования", т.е. такого регулирования, которое на самом деле не уменьшает неопределенности в управляемой системе.

В отличие от модели управления с разомкнутым циклом модель управления с замкнутым циклом (с обратной связью) обеспечивает компенсацию всех возмущений, независимо от того, определены ли их причины.

Механизм обратных связей начинает действовать, когда возмущение вызывает отклонение регулируемой величины от заданного значения. Для возникновения компенсирующего сигнала важен сам факт отклонения, а не его причина. Это в известной мере оберегает и управляемый объект, и управляющий орган от излишней информации в процессе конкретной реализации управляющих функций. В относительно простых системах компенсирующие реакции довольно однообразны и сама их мощность невелика, поскольку механизм обратных связей, как правило, используется здесь для компенсации так называемых малых возмущений. Возмущения высокой интенсивности требуют от системы специального анализа возникшей ситуации, а при необходимости и пересмотра всей стратегии поведения, включая режим работы механизма обратных связей.

Сопоставление моделей регулирования по разомкнутому циклу и по циклу с обратной связью показывает, что принципиальным моментом, позволяющим четко разграничить эти две модели решения проблемы стабилизации режима функционирования, является то обстоятельство, что в первой компенсирующие реакции вырабатываются на основе анализа факторов, воздействующих на вход системы, а во второй — оценивается выход системы. Иными словами, либо управляющий орган уделяет основное внимание построению модели в желаемых (по форме и интенсивности) входных параметрах и затем, сопоставляя эту модель с реальной ситуацией на входе, вырабатывает стратегию; либо строится идеальная модель выхода и управление осуществляется по отклонению фактических результатов от конечной целевой установки.

В общем виде подход к управлению с позиций результатов управляющих воздействий (выхода системы) представляется более естественным. Тем не менее в крайних ситуациях — при сильной неопределенности желаемых результатов (слишком общих представлениях управляющего устройства о модели выхода системы) или, наоборот, при возможности четко сформулировать цель системы и очевидности путей ее достижения — ориентация на управление входными параметрами системы может дать известный выигрыш. Такой подход к оценке различных схем управления позволяет, на наш взгляд, сделать два вывода.

Во-первых, на уровне экономических макросистем наиболее рациональным является метод регулирования, основанный на комбинации разомкнутого и замкнутого циклов¹. Такая комбинация повышает мобильность системы, расширяя ее чувствительность на возмущения и разнообразие ответных реакций. **Во-вторых**, при оценке эффективности той или иной схемы управления существенным является степень ее жесткости. Если процесс управления заключается в устранении различия между фактическим значением управляемых параметров и их "идеальным" (по "мнению" управляющего устройства) значением, то проблема эффективности управления упирается в вопрос об адекватности модели системы реальному содержанию последней. Модель входа, соответствующая реальным условиям функционирования системы на одном этапе ее развития, может прийти в противоречие с этими же условиями на другом этапе. Аналогичное явление возможно и в отношении модели выхода.

После сопоставления принципов управления по замкнутому и разомкнутому циклам, проведенного в самом общем виде, целесообразно более подробно рассмотреть функционирование подсистемы обратной связи в экономике.

Как известно, блок обратной связи состоит из следующих элементов: модели выхода, проверки соответствия, модели воздействия. Модель выхода включает в себя описание целей, ради которых осуществляется управление. Если речь идет об индивидуальном потребителе, то модель выхода представляет собой некую шкалу потребительских предпочтений, в которую, естественно, включаются как физиологические, так и обусловленные социальным статусом потребности. Для других уровней соответственно на выходе оказываются локальные и народнохозяйственный критерии оптимальности.

¹ На уровне макросистемы, т.е. при рассмотрении экономической системы в целом, управление в конечном счете осуществляется по замкнутому циклу в том смысле, что результаты управления (выход) оказывают так или иначе обратное воздействие на характер решений управляющего звена.

Элемент проверки соответствия выполняет функции определения различия, оценки различия и выработки отношения к выявленному несоответствию. Определение различия означает выделение того параметра (или параметров), по которому происходит проверка соответствия реального выхода имеющейся модели. Потребителя может интересовать либо одно свойство, либо целая совокупность свойств приобретаемой вещи. Так, какой-то потребитель хочет иметь последнюю модель автомобиля, другого интересует еще и цвет приобретаемой машины, а кому-то важно лишь быстро и вовремя добираться на работу и возвращаться домой. От определения таких различий зависят модели выхода отдельных потребителей. Элемент оценки различия призван указать, насколько реальный выход отличается от модели. Установив это, элемент проверки соответствия на основе допусков, заложенных в блок обратных связей, "решает" вопрос о необходимости реакции на выявленное несоответствие.

Третий элемент блока обратной связи — модель воздействия — имеет на входе сигналы, поступающие от модели выхода и от операции проверки соответствия, а ее выход направлен непосредственно на систему. Этот элемент представляет собой программу, в соответствии с которой осуществляется выбор места, времени и формы воздействия. Компенсирующее воздействие может изменить характер входа системы, а также несколько деформировать модель выхода (т.е. до некоторой степени подогнать "желания" управляющего органа к фактически полученному результату). Важно отметить, что социальные системы (в отличие от технических и биологических) обнаруживают способность к модификации связей внутри подсистемы регулирования по замкнутому циклу, изменяя характер взаимоотношений между составными элементами блока обратных связей. Воздействие на функционирование управляющего устройства может быть сознательным (т.е. такая возможность априорно предусматривается при организации механизма обратных связей) либо происходит стихийно.

Характер и формы воздействия на вход системы могут быть самыми разнообразными. Например, руководство предприятия может улучшать организацию труда, вводить технические усовершенствования, применять систему премирования работников, предъявлять претензии к поставщикам и т.д. Пределы воздействия предприятия на производство довольно четко устанавливаются юридическими документами, в которых зафиксированы его права и полномочия. Кроме того, государство может создавать разного рода "фильтры" в механизме обратных связей, например, шкалу прогрессивного налога на прибыль. Такие "фильтры" на уровне микроэкономики получили название встроенных

стабилизаторов и обычно используются для сглаживания возможных, но труднопредсказуемых колебаний в условиях хозяйствования.

Выше уже отмечалось, что подсистема обратных связей не приспособлена к реакциям на резкие и скачкообразные сдвиги в окружающей среде. Механизм выработки компенсирующих реакций в этой подсистеме непосредственно не связан с анализом природы возмущающих сигналов, и потому он наиболее эффективно работает в пределах малых приращений. Резкое же изменение обстановки требует от объекта более тщательного изучения новой ситуации. Ст. Бир сравнивает предприятие, управляемое автоматически при помощи обратной связи по рассогласованию, с животным, развитие нервной системы которого остановилось на мозжечке. «Оно ощущает, "сознает" в смысле способности автономно реагировать на состояния своего собственного тела и на ограниченную совокупность внешних стимулов, — пишет он, — но оно серьезно или даже фатально страдает от отсутствия высшего нервного центра»¹.

В экономической системе функции блока (подсистемы) обратных связей выполняет механизм рынка. Он, учитывая сказанное выше, мало способен помочь управляющему органу, во-первых, при решении вопросов о целесообразности крупных инвестиционных проектов, принципиально изменяющих экономический и социальный облик целых регионов, во-вторых, в ситуациях, когда вложение средств и получение эффекта сильно разорваны во времени, и в-третьих, когда эффект в значительной мере "распылен" между массой потребителей, причем заранее трудно определить их круг (создание инфраструктуры). Однако очевидно, что указанное обстоятельство не умаляет значения механизма обратных связей в экономике и, очерчивая границы его эффективного применения, обосновывает необходимость комбинированного управления.

Вывод: рынок объективно является наиболее эффективной формой существования экономической системы в силу ее кибернетического характера. Этим выводом можно закрыть многовековую дискуссию о преимуществах и недостатках тоталитарной или свободной экономики.

Но! Самоорганизующаяся экономика (кибернетическая система) является управляемой, конечно, не в тоталитарно-коммунистическом смысле. Управление надо понимать как иерархию и агрегирование вертикальных сигналов о состоянии системы (причем в обе стороны). Например, если у вас заболела голова после прочтения этой главы, то вы можете отбросить книгу и выпить обезболивающее, или рюмку коньяка, или все это совместить. Важно, что любое из этих решений будете принимать вы, а не ваш мозг. Он лишь дал сигнал.

¹ Принципы самоорганизации. М.: Мир, 1966. С. 50.

Чего не может рынок

Ограниченность радикального типа мышления заключается в том, что всегда вместе с водой выплескивается и ребенок. Образ купаемого ребенка, может быть, выглядит сегодня слишком архаично. Но по существу верно: или все, или ничего. Ванночка должна быть пуста любой ценой. И никаких компромиссов.

Выше мы уже имели основания поверить в неизбежность рынка как формы существования экономики. Рынок невозможно отменить, закрыть, уничтожить, как невозможно отменить заход и восход Солнца, пока существуют Земля и Солнце. Однако признание объективности рынка и эйфория по поводу всевластия, всемогущества рынка как творца всеобщего благоденствия — вещи совершенно разные. Я вырос в стране, где апологеты тоталитарного режима, так называемые политэкономы, ставили вопрос ребром: план или рынок? И отвечали сами себе: конечно, план! Пришли другие. Оказывается, только для того, чтобы сказать: конечно, рынок! Поразительно, что и те, и другие искренне считают себя учеными.

Механизм рыночных взаимоотношений эффективен во многих областях экономической жизни, но есть сферы, где он бессилён. Более того, буквальное следование рыночной логике в этих сферах может привести к критической ситуации, поставить систему на грань выживания.

Сферы эти отнюдь не представляют загадки. Они хорошо известны и практикам, и ученым. Рыночные механизмы не могут правильно сориентировать в поисках наиболее эффективных решений в ситуациях:

- 1) монополии или олигополии;
- 2) при значительном разрыве во времени между затратами и экономическим эффектом (лаг запаздывания при реализации крупных инвестиционных проектов);
- 3) в условиях снижающихся дополнительных затрат на прирост производства продукции при падающих ценах (эффект научно-техни-

ческого прогресса), а также в ряде других случаев, рассмотрению которых мы уделяли внимание еще в 1974 г.¹

Главный враг рыночных механизмов как механизмов организации эффективного функционирования экономики — это, конечно же, монополия. Попробуем описать лаконичным математическим языком те коллизии, которые возникают при столкновении рынка, его механизмов с монополией.

Примем, что экономическая система стремится к максимизации функции

$$\Pi_{\Sigma} = \int_0^Q \frac{du}{dQ} dQ - \int_0^Q \frac{ds}{dQ} dQ \rightarrow \max,$$

где Q — количество выпускаемого продукта;

$\frac{du}{dQ}$ — приращение валового экономического эффекта от потребления каждой единицы продукции;

s — затраты на производство.

Первый элемент правой части этого выражения характеризует валовой экономический эффект потребления, второй — затраты на производство всего объема продукции, а выражение в целом есть не что иное, как **суммарный чистый** экономический эффект (Π_{Σ}), т.е. суммарная прибыль.

Нетрудно заметить, что расширение производства целесообразно лишь до тех пор, пока дополнительные затраты не сравняются с дополнительным валовым экономическим эффектом от потребления. Математически это положение доказывается проверкой вышеприведенного выражения на максимум. Если продифференцировать Π_{Σ} по Q и производную приравнять нулю, то оптимальный объем производства, обеспечивающий максимум суммарного чистого эффекта, будет соответствовать точке, в которой $\frac{du}{dQ} = \frac{ds}{dQ}$, т.е. дополнительный валовой эффект потребления равен дополнительным затратам на производство этой единицы продукции.

Однако в условиях рыночной экономики происходит распределение суммарного экономического эффекта между производителем продукции, ее потребителем и бюджетом. Характер этого распределения во многом определяет заинтересованность экономических субъектов

¹ См.: Петраков Н.Я. Кибернетические проблемы управления экономикой. М.: Наука, 1974. С. 126—142.

в достижении максимальной общественной эффективности, т.е. в движении производства к точке оптимума. ◻

Каковы же экономические интересы производителя (l) и потребителя (c)? Очевидно, что производитель заинтересован в максимизации разницы между объемом реализации при цене P и издержками:

$$\Pi_l = Q_p - \int_0^Q \frac{ds}{dQ} dQ \rightarrow \max,$$

где Π_l — прибыль производителя.

Потребителю же важно максимизировать разницу между экономическим эффектом от использования продукта и ценой, которую он за нее заплатил:

$$\Pi_c = \int_0^Q \frac{du}{dQ} dQ - Q \cdot p \rightarrow \max,$$

где Π_c — прибыль потребителя.

Если производитель не может влиять на уровень цен (свободная конкуренция), то максимум эффекта производителя будет достигнут в точке, где $P = \frac{ds}{dQ}$, а максимум эффекта потребителя — в точке

$P = \frac{du}{dQ}$. Максимум суммарного эффекта достигается при объеме производства (Q_{opt}), который характеризуется соотношением $\frac{du}{dQ} = \frac{ds}{dQ}$.

Отсюда следует вывод, что производитель будет заинтересован произвести оптимальный с точки зрения народного хозяйства объем продукции (Q_{opt}), а потребитель — полностью использовать эту продукцию при установлении цены на уровне

$$P_{opt} = \frac{du}{dQ} = \frac{ds}{dQ}.$$

Однако, если производитель контролирует значительную долю выпуска продукции отрасли и ему предоставляется право влиять на уровень цен и оказывать воздействие на определение объемов выпуска своей продукции, то его интересы могут разойтись с народнохозяйст-

венными. Формально это противоречие может быть показано следующим образом. Если

$$p = f(Q),$$

то

$$\frac{d\Pi_l}{dQ} = p + Q \frac{dp}{dQ} - \frac{ds}{dQ}.$$

Следовательно, максимум эффекта производителя будет достигаться при

$$p = \frac{ds}{dQ} - Q \frac{dp}{dQ}.$$

Полученный результат свидетельствует о том, что при возможности контроля за значительной массой продукции со стороны производителя точка его локального оптимума не совпадает с точкой народнохозяйственного оптимума. При естественном предположении отрицательной эластичности цен от объема производства (с ростом объема производства цены на продукцию снижаются) производитель, стремясь к максимизации своего локального критерия, будет в большинстве случаев заинтересован в замораживании производства на уровне ниже оптимального и соответственно в завышении цен.

В подобных условиях управление экономикой должно обеспечить такую организацию системы функционирования хозяйственных объектов, которая использовала бы эффективные методы изъятия излишних доходов у крупных производственных объединений (монополий).

Рассмотрим теперь ситуацию, создаваемую научно-технической революцией. Собственно говоря, наибольший интерес представляет здесь случай, когда цены падают быстрее, чем снижаются затраты на производство дополнительной продукции (рис. 1).

В этом случае кривая цен DD_1 и кривая дополнительных (предельных) затрат SS_1 пересекаются, но точка равновесия P оказывается существенно ниже уровня средних затрат P_1 . На рис. 1 точка оптимума P соответствует объему производства OB и цене BP . Такая цена убыточна, так как она не только не обеспечивает прибыли хозяйственному объекту, но и не покрывает всех затрат на производство продукции; однако она позволяет достичь максимума чистого народнохозяйственного эффекта.

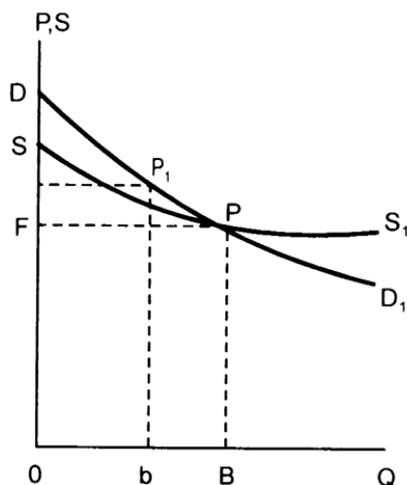

Рис. 1

Суммарный чистый эффект общества при объеме производства OB достигает максимума и равен площади DPS . В то же время расширение производства на большей части отрезка OB увеличивает убытки предприятия. Выручка его при цене BP составляет $OBPF$, а затраты — $OBPS$. Очевидно, что необходимо "компенсировать" затраты предприятия в размере FPS . Этого нельзя добиться с помощью средних цен, которые покрывали бы суммарные затраты предприятия: график демонстрирует, что такие цены обеспечивают реализацию продукции лишь в объеме OB ($< OB$), не соответствующем оптимальному. В качестве локального критерия, обеспечивающего заинтересованность предприятия в движении к точке народнохозяйственного оптимума в условиях снижающихся дополнительных затрат, должен быть использован показатель интегрального эффекта. При расширении объема производства этот показатель возрастает в нашем примере вплоть до точки P , соответствующей объему производства OB .

Частным случаем превышения средних затрат над затратами на приращение эффекта можно считать условия производства с высокими условно-постоянными расходами. Подобная ситуация, например, возникает в такой отрасли народного хозяйства, как транспорт, и ее последствия были всесторонне проанализированы в свое время крупным российским экономистом А.Л. Лурье. В его статье "О значении нелинейности при анализе социалистической экономики" доказано, что «наличие в народном хозяйстве нелинейных зависимостей различного типа необходимо учитывать и при организации хозяйственного расчета. В ряде случаев согласование хозрасчетных отношений с задачами оптимального народнохозяйственного планирования может тре-

бовать отступления от принципа безубыточности, допущения дотаций и установлении безусловной обязательности тех или иных хозяйственных операций (которые могут быть "убыточны" для данного хозяйственного подразделения)»¹.

Стимулирование прироста интегрального эффекта при ценах, не покрывающих издержек производства, и является формой "дотационного стимулирования". Показатель интегрального эффекта, кроме того, позволяет в известной мере преодолеть трудности, возникающие при формировании цен на продукцию крупных объединений, контролирующих производство в соответствующих отраслях. Этот показатель выступает как один из важнейших и при оценке экономической целесообразности реализации крупных инвестиционных проектов с длительным сроком строительства. Тактика и стратегия развития экономики формируются с использованием различных массивов социальной и экономической информации.

Рыночные сигналы точны (ясны для понимания), почти мгновенны, но "близоруки". Прогнозировать экономическое поведение на базе текущей рыночной информации можно только на небольших отрезках времени. Это не недостаток рыночной организации экономики, а объективная разрешающая способность товарно-денежных индикаторов. Например, нельзя считать недостатком автопилота то, что с его помощью нельзя переменить курс с Киева на Санкт-Петербург. Это просто не входит в функции автопилота.

В свете вышесказанного противостояние "государственников" и "либералов" выглядит, по меньшей мере, как некорректная дискуссия. Если же смотреть правде в глаза, то и тем и другим господам надо же на что-то жить, кормить любимых женщин и детей от них. Поэтому надо придумать конфликт, скрестить картонные шпаги и запудрить мозги зрителям. Прием известный не только в науке, но и в медицине, искусстве, политике. Однако если во всем мире жизнь воспринимается как игра, то на Руси эта игра частенько стоит жизни.

¹ Экономика и математические методы. 1968. № 1. С. 130.

Идеология и рынок. Почему невозможен социалистический способ производства

Система социализма потерпела тяжелое историческое поражение. В эпицентре кризиса оказалась экономика. Именно экономическая несостоятельность социализма (если не сказать — его полная беспомощность в деле организации материального производства) дала мощный толчок процессу переоценки в массовом сознании людей так называемых социалистических ценностей в области идеологии, политики, культуры, хотя ранее они осознанно или инерционно принимали мифологию социалистического мировоззрения в ее советской трактовке.

Экономическая система Советского Союза (страны реального социализма) не сумела обеспечить ни более высокой производительности труда, ни более высокого уровня жизни. Потуги доказать обратное, ведя отсчет от 1913 г. (что всегда делала советская статистика), иначе как демагогией назвать нельзя. Коммунистические идеологи представляли дело таким образом, что все результаты, характеризующие динамику хозяйственной жизни, являются заслугой большевизма. Как будто, если бы не было Октября 1917 г., российская экономика прекратила бы свое развитие. Более того, хочу напомнить, что в 1890—1913 гг. Россия по темпам экономического роста опережала ведущие западноевропейские страны и США. И исследователям, на мой взгляд, стоило бы анализировать не успехи социалистического строительства, а то, насколько приход большевиков к власти замедлил экономическое развитие страны.

Но история, как нас уверяют, не знает сослагательного наклонения. Поэтому более доказательными выглядят сопоставления динамики и результатов экономического развития в Финляндии и Прибалтике, Южной и Северной Корее, Федеративной Республике Германии и бывшей Германской Демократической Республике, на Тайване и в

континентальном Китае. Конечно, данные социальные эксперименты проходили не в абсолютно стерильной обстановке. Но, во-первых, в социальной сфере чистый эксперимент вообще невозможен, а, во-вторых, в том-то и дело, что, несмотря на географические, этнические, исторические и политические различия названных стран, результаты сравнения удручающе однообразны.

Долгое время в качестве обстоятельства, объясняющего экономическое отставание бывшего СССР, использовались ссылки на потери во второй мировой войне и на необходимость тратить огромные ресурсы на наращивание обороноспособности страны. Это, безусловно, серьезные аргументы, но их весомость стала резко падать по мере увеличения периода, отделяющего нас от ужасов войны, а также благодаря усилиям по смягчению международной напряженности и сокращению вооружений. К началу 80-х гг. побочные обстоятельства стали уходить в тень, и статистическая демагогия обессилела в борьбе с упрямством фактов реальной жизни. Стало очевидно, что грандиозный социальный эксперимент по созданию эффективного механизма управления экономикой, альтернативной рыночной, провалился. Он оказался неконкурентоспособным. Бросая ретроспективный взгляд на эту социальную драму, можно сказать, что исход столкновения двух систем был предрешен.

Дело в том, что рынок — эволюционно возникшая форма организации хозяйствования. Он представляет собой одно из важнейших достижений цивилизации. Но его формирование — не акт, подобный рождению Афины Паллады из головы Зевса, а многовековой процесс естественного отбора эффективных форм взаимодействия людей в экономической сфере жизнедеятельности.

Ничего подобного нельзя сказать об экономической системе социализма. Она с самого начала была чисто умозрительной. "Гениальные прозрения" выдающихся личностей об обществе будущего содержали мало практических рекомендаций по поводу того, как же вести хозяйство при социализме. Скорее, наоборот, основоположники марксизма именно в этом вопросе вдруг отходили от привычного менторского тона и демократично заявляли, что не собираются решать за будущие поколения, как им организовать производство. Фундаментальная слабость марксизма как революционного учения заключалась в том, что в его концепции о преобразовании общества, как это ни парадоксально, отсутствовало созидательное начало. По своей сути марксизм — нигилистическое учение, наукообразная апологетика социального разрушения.

Капитализм во второй половине прошлого века переживал стрессовые ситуации. Едва-едва завершился период первоначального накопления, приведший к резкому перераспределению собственности и, как следствие, к огромной дифференциации доходов, а уже нагрянули

проблемы большого рынка, выходящего за пределы не только отдельных стран, но и континентов. Старые рыночные механизмы не выдерживали информационного взрыва, что привело к кризисам перепроизводства, громадному повышению степени риска в инвестиционной сфере, социальной и политической нестабильности.

Все это очень точно подметили и глубоко проанализировали Маркс и Энгельс. В середине XIX в. они были не одиноки. Думаю, что они являлись наиболее яркими представителями критически настроенных мыслителей своего времени. Их анализ по многим параметрам можно и сейчас считать классическим. Но выводы? Вместо того, чтобы лечить больного, они предложили его убить и создать новый организм. Каким он должен быть? Согласно диалектике Гегеля, воспринятой Марксом, новое зарождается в старом. Любое противоречие разрешается не путем механического уничтожения одной из его сторон (такой способ разрешения противоречий очень любил Сталин), а на основе синтеза, рождающего новое качество.

Великие буржуазные революции подводили черту под процессами зарождения нового в старом. Они действительно были "повивальными бабками истории". Их результатом стало изменение юридических норм, отмена сословных привилегий и ограничений на различные виды деятельности и прежде всего в экономической сфере. В этом смысле можно считать, что венцом Великой французской революции, одним из важнейших ее итогов явился гражданский кодекс Наполеона.

По Марксу, революция приводит юридическую и политическую надстройку общества в соответствие с ранее изменившимся экономическим базисом, с новыми нарождающимися отношениями собственности. Но, по тому же Марксу, в недрах буржуазного общества ничего подобного не созревало и не могло созреть. Согласно его теории социалистическая собственность выступает антагонистической по отношению к частной, не может порождаться последней, следовательно, никакого социализма в недрах капитализма возникнуть не может. Таким образом, у социалистической революции нет и не может быть какой-то глубинной внутренней причины, проистекающей из кризиса форм собственности.

Маркс и Энгельс внутренне чувствовали слабость своей позиции в центральном пункте обоснования необходимости грядущих социалистических революций. Действительно, ими было выдвинуто положение о том, что основное противоречие буржуазного способа производства — это противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения результатов труда. Но данная формула беспомощна в научном отношении и ничего не разъясняет по существу вопроса. Общественный характер производства — вечный его признак. Любой индивидуальный произ-

водитель: фермер, ювелир, мойщик стекол, ученый — является лишь звеном в общественном разделении труда, поскольку пользуется сырьем и полуфабрикатами, орудиями труда и знаниями, созданными другими. И так было всегда. Огромные масштабы современного производства — не повод для социальных революций, а размер предприятия не характеризует глубину общественного разделения труда.

Что касается второй части формулы — частного характера присвоения результатов труда, то оно, так же как и потребление (удовлетворение потребностей), за малыми исключениями всегда в конечном счете индивидуально. Коллективная собственность на результаты экономической деятельности для их продвижения к потребителю требует промежуточного звена — огромной армии чиновников, следящих за реализацией того или иного принципа распределения. Но конечным пунктом этой схемы все равно является индивидуальный потребитель.

Таким образом, формула основного противоречия буржуазного общества представляет собой малосодержательную дефиницию.

Марксистская доктрина проводит четкий водораздел в обществе. Все многообразие социальных слоев делится на собственников и несобственников. Это и называется классовым подходом. Собственники хотят удержать и приумножить свою собственность. Люди, не имеющие собственности, хотят захватить ее в свои руки (основной социальный слой, заинтересованный в коммунистической революции, — рабочий класс).

Я не хочу заострять внимание читателя на очевидной примитивности такого подхода, важнее уловить ярко выраженную экспроприационную мотивацию социалистической революции. Конечно, элемент экспроприации и перераспределения собственности присутствует при всех социальных потрясениях, носящих характер революции. Но экспроприация не должна быть самодовлеющим позитивным стержнем социальных преобразований. Даже при самых жестоких поворотах истории экспроприация не может быть самоцелью. Можно спорить, насколько она эффективна в качестве средства (например, отнять или выкупить собственность у одних с целью передачи ее в руки тех, кто может ее использовать с большей эффективностью). Но в марксистской концепции единственным основанием для получения права на собственность выступает ее отсутствие. Неимущий обязан быть имущим — таков принцип социалистических революций.

Я признаю право каждого мыслителя на любую концепцию социального развития. Но в ней должна быть внутренняя логика. В связи с этим возникает вопрос: из каких умозаключений следует, что рабочий класс, став собственником капитала и природных ресурсов, будет более эффективно их использовать и тем самым поднимет общество на качественно новый уровень благосостояния?

Рабочие, кстати сказать, так же как и чиновники, относятся по характеру своей трудовой деятельности к группе исполнителей. Данная обширная группа населения координирует свою деятельность с другой группой, которую условно можно назвать созидателями. Исполнительская и созидательная деятельность — два взаимосвязанных элемента практически любого экономического, социального или политического процесса, любого вида жизнедеятельности человека и общества. Обслуживание техники, контроль за качеством продукции, четкое соблюдение установленных юридических процедур во всех сферах взаимоотношений между людьми, наблюдение за исполнением законов — все эти крайне важные виды деятельности требуют и специфических навыков, и особой дисциплины, и ответственности.

Существует каламбур: если водитель трамвая начнет искать новые пути, трамвай сойдет с рельсов. Без четко поставленной исполнительской работы общество не может существовать. Управление же экономическими и социальными системами предполагает совершенно иной характер труда. Объект управления и ситуации, возникающие перед органом управления, отличаются многовариантностью развития событий и возможностью возникновения самых непредвиденных ситуаций. Поэтому главные качества человека, работающего в сфере управления, — умение делать правильный выбор из множества возможных вариантов, способность рисковать в разумных пределах, навыки работы в условиях неопределенности и нехватки информации. Это совершенно специфический тип деятельности, требующий от человека того, что называется творческой жилкой. Маркса еще можно было бы понять, если бы он доказывал, что всеми этими качествами капиталисты не обладают и к власти должны прийти ученые и инженеры. Но, по его логике, любой человек с навыками исполнителя может превратиться в творческого работника, как только ему скажут, что он является собственником. Здесь — элементарная подмена понятий.

Итак, концепция марксизма признает, что внутри буржуазного общества не созревает никаких элементов будущего социалистического устройства. Далее считается, что внутренним мотивом социалистической революции выступает отсутствие собственности у значительной части членов общества. Это достаточное основание для разрушения всей системы экономических и человеческих отношений, базирующихся на праве частной собственности. Естественно, что при таких условиях революционная деятельность не имеет никаких иных корней, кроме недовольства части общества своим положением. Недовольные приходят к власти и начинают свою деятельность с чистого листа. В момент революции в обществе нет ни социалистического базиса (производственных отношений), ни социалистической надстройки (юридических и иных форм регулирования взаимоотношений между людьми).

Короче говоря, в области разрушительной все понятно. В части созидания неясно: что делать, как делать и, собственно, кто и во имя чего будет что-то делать? Все перечисленные вопросы решаются на "живую нитку", исходя из фактически складывающейся политической, социальной и экономической конъюнктуры, и остается единственный лозунг: "Мы строим социализм". Но что такое социализм? К сожалению, марксистская доктрина, оплодотворившая не только коммунистическое, но и социал-демократическое движение, не дает вразумительного ответа на этот вопрос.

Под термином "социализм" в течение последних полутора веков понимали в одном случае социалистическую идею как одну из возможных концепций социальной справедливости. А в другом — особую организацию производства и распределения продуктов и благ, альтернативную рыночной системе.

Многие заблуждения науки, идеологии и политики обусловлены отождествлением этих двух аспектов. Социалистическая идея стара, как христианство. В ее основе — концепция самоценности человека независимо от его социального и экономического статуса в обществе. Уравнительность в распределении и потреблении, проповедуемая многими сторонниками социалистической идеи, на самом деле вторична. Главная содержательная часть социализма и его мировоззренческая ценность состоят в том, что общество, по мнению социалистов, должно не только провозгласить, но и гарантировать каждому члену возможность существования и духовного развития. Общество должно принять на себя ответственность за самореализацию человека, появившегося на свет, будь он калека от рождения или атлет, умственно отсталый или гений. Все люди равны перед Богом, и сообщество людей должно обеспечить реальное воплощение этого равенства.

Идея равенства присутствует и в индивидуалистических концепциях, свойственных идеологии и практике рынка, но там она понимается как равенство возможностей. Социалистическая идея не отрицает данного принципа. Более того, она провозглашает, что общество должно гарантировать развитие всех человеческих возможностей, творческого потенциала человека независимо от того, беден он или богат, бедны или богаты его родители, пользуются ли спросом продукты его творчества или деятельности. Но для того чтобы реализовать данный принцип, нужно отобрать часть дохода у преуспевающего и отдать ее неконкурентоспособному. В том главная коллизия между концепциями индивидуализма и социализма.

Социализм предполагает существование высшего арбитра, который может точно определить, кто в данный момент наиболее нужен обществу, кого надо материально поддержать. Таким арбитром всегда выступает

чиновник. Его Величество Чиновник становится благотворителем, но не из своего кармана, а из государственного "общака". Благотворительность насильно обезличивается, обобществляется. Каждому предоставляется право свободно зарабатывать, а государственные чиновники, действующие от имени общества, выступают в роли благотворителей, спасителей бедных и страждущих. Значительной части населения внушается мысль, что оно своим материальным положением и возможностью пользоваться различного рода социальными благами обязано государству, а иногда и конкретным государственным чиновникам.

Далее. Ситуация, когда перераспределяет отнюдь не тот, кто зарабатывает, порождает опасность различного рода злоупотреблений. Общественный контроль за действиями чиновников мало помогает делу, хотя бы уже потому, что контролеры также де-факто находятся в положении государственных служащих и не являются создателями перераспределяемых ценностей.

Все описанные выше недостатки социалистической системы распределения ярко проявлялись в практике советского социализма. Не означает ли это, что социалистическая идея должна быть отвергнута целиком и полностью? Я бы не торопился с таким выводом. Сошлось на один исторический пример, который заставляет быть осторожным в выводах.

Великий художник конца прошлого века Винсент Ван Гог, как известно, за всю свою жизнь не продал ни одной картины. По рыночной терминологии, он производил продукцию, не пользующуюся спросом, т.е. неконкурентоспособную. Средства к существованию ему предоставлял брат Тео. И если бы не было этого источника благотворительности, то по всем законам рынка и исходя из принципа свободы индивидуума, общество не получило бы и десятой части гениальных полотен Ван Гога по причине его преждевременной смерти от голода и холода. Спустя сто лет цены полотен Ван Гога на художественных аукционах измеряются миллионами долларов.

Думаю, что из приведенного примера читателю станет ясен ход моих размышлений. Скорее всего, следует говорить, что свобода человека и принцип равенства возможностей имеют различную трактовку в индивидуалистической и социалистической концепциях. Но противоречие этих трактовок не носит антагонистического характера по принципу "либо-либо". Здесь не только возможен, но и необходим разумный компромисс. Нахождение золотой середины и является областью деятельности политиков, своего рода уже не наукой, а искусством регулирования общественной жизни.

Социалистическая идея находится в определенном противостоянии не только с принципами индивидуализма. Она содержит внутрен-

нюю противоречивость, несет в себе внутренние пороки. Я уже говорил выше, что система перераспределения, реализующая принципы социализма, способствует формированию социально-психологического климата, в рамках которого государство выступает как благодетель, как верховный судья и носитель высшей справедливости. Создавая систему материальной и психологической зависимости человека от государства, социалистическое общество тем самым ограничивает свободу развития личности, заставляет ее платить идеологическую компенсацию за предоставляемые блага. Государство требует от личности лояльности к себе и к своей политике. В конечном счете взаимоотношения человека с государством вырождаются в то, что государство поощряет только ту деятельность, которую считает выгодной для себя. Таким образом, рушится сама идея, ради которой создавалась вся конструкция социалистического распределения.

И в результате: кто платит, тот и заказывает музыку. Социалистическое государство, с одной стороны, создает материальные гарантии для творческого развития личности, а с другой — направляет ее в "общественно полезное" русло. Но "общественную полезность" той или иной деятельности (того или иного типа социального поведения) определяет либо государственный чиновник, либо общество на основе свободного демократического волеизъявления. Однако в последнем случае следует помнить, что значительная часть голосующих уже успела обменять свои убеждения на государственную чечевичную похлебку (тридцать сребренников). Как видим, при сильном государстве социалистическая идея выглядит довольно непривлекательно, даже если ее рассматривать изнутри, без внешней конкуренции с другими мировоззренческими концепциями.

Социалистическая идея, на мой взгляд, не может быть положена в основу государственности. Общество, считающее, что главная задача государства — реализация принципов социализма, в скором времени получит государственную машину, работающую в авторитарном режиме. Я убежден, что в области политики социалистическая идея может играть лишь второстепенную роль, служить дополняющим фактором, обеспечивающим социальную коррекцию внутренней политики государства.

Но если в политической сфере можно говорить, что социалистические идеалы являются одним, пусть не главным, вектором при определении социально взвешенной политической линии, то в экономике социалистические принципы совершенно не работают. Идея Маркса и Энгельса о создании специального социалистического (или коммунистического) способа производства, альтернативного рыночному или стоящего выше по производительности и эффективности, восходит по своему происхождению к великим утопистам Сен-Симону, Оуэну,

Фурье, Кампанелле. В своих построениях будущего общества и организации его хозяйства Маркс и Энгельс недалеко ушли от этих великих фантазеров. Надо сказать, что и практические создатели так называемой социалистической системы хозяйства Ленин, Троцкий и Сталин в своих экономических воззрениях также мало чем отличались от утопистов XVII—XIX в. Таким образом, можно констатировать, что в области теории хозяйственного устройства социалистического общества образовался глубокий вакуум.

Тот или иной строй экономических отношений отличается от другого (например, первобытно-общинный от рабовладельческого, феодальный от буржуазного) **мотивацией поведения** участников хозяйственного процесса. Это — основополагающий момент. Важно определить, какие интересы движут людьми, заставляют их принять участие в этой сфере человеческой деятельности.

Специфически социалистического мотива участия в экономическом процессе мы не найдем ни в построениях Кампанеллы и Фурье, ни у нашего русского великого мечтателя Чернышевского, пытавшегося изобразить хозяйственный строй социализма в эссе под довольно символическим названием "Четвертый сон Веры Павловны". Но, что самое удивительное, ничего определенного нельзя найти и в работах основоположников марксистской концепции. Вообще, если из многотомия научных и публицистических работ создателей теории так называемого научного коммунизма попытаться извлечь то, что, собственно, они написали о социализме и коммунизме в позитивном ключе, едва ли наберется полтора десятка страниц самых общих фраз.

Пожалуй, единственное более или менее значительное произведение, в котором делается попытка сформулировать основы экономической организации будущего общества (того самого, ради создания которого принесены были многомиллионные человеческие жертвы), — "Критика Готской программы". В ней на трех страничках текста говорится о том, что научный социализм отличается от утопического тем, что отказывается от принципа уравнительного распределения и выдвигает в качестве базы принцип распределения по труду: "От каждого — по способностям, каждому — по труду". Самого Маркса и его последователей не смутило то обстоятельство, что, провозгласив данный постулат, Маркс тут же оговаривается, что это буржуазный принцип, который временно берется на вооружение социалистами (так сказать, в переходный период от капитализма к высшей ступени организации производства). Далее в работе разъясняется, что это исключительно вынужденная мера, поскольку социалисты должны считаться с тем, что на первом этапе переходного процесса социализм еще будет нести на себе родимые пятна капитализма.

Освобожу читателя от дальнейшего пересказа сего удивительного произведения, но просил бы зафиксировать: выдвигается некий новый принцип распределения результатов труда, но тут же признается, что он не является новым и присущим той системе производства, которая определяется как альтернатива рынку. О той, будущей, системе говорится, что единственным мотивом хозяйственной деятельности будут отношения товарищества, братства, сознательности и самодисциплины. Здесь же выдвигается идея самооценки труда: он должен стать первой жизненной потребностью для каждого без исключения человека. И при этом любой вид трудовой деятельности, включая и чисто механическую, исполнительскую работу, с необыкновенной легкостью мысли бросается в один котел с научным и художественным творчеством.

Удивляет во всем этом даже не очевидная наивность, поверхностность, туманность формулировок, которые, конечно же, никак нельзя отнести к научным, а то, что они сохранили свое значение и были перенесены в арсенал создателей советского социализма. За семьдесят лет "торжества" социалистических идей на огромной территории бывшей Российской империи идеологи коммунизма так и не нашли пристойной формулы, объясняющей, зачем подневольный участник "социалистического рая" должен трудиться, какие внутренние мотивы в отсутствие конкуренции и частной собственности должны заинтересовать его в том, чтобы строить коммунизм или иное светлое будущее? Реальный ответ находился в области повседневной хозяйственной практики. Это были внеэкономическое принуждение, дисциплина, опиравшаяся на жесткий контроль государства (чиновников) над деятельностью всех участников хозяйственного процесса, — от рабочего и колхозника до директора предприятия и министра. Повсеместно использовался принцип армейской дисциплины, основанный на жестком наказании за невыполнение приказов вышестоящих начальников, приказов, которые не обсуждаются. Вот механизм организации хозяйственного процесса при социализме.

Любой искренний и честный сторонник социалистической идеи должен признать, что если отбросить всю демагогическую шелуху, призванную в свое время завуалировать принудительный характер работы в условиях социализма, то останется только этот армейский принцип. Не случайно в первые месяцы существования советской власти Троцкий стал создавать трудовые армии (именно армии, а не что-либо другое). С армией их роднило не единообразие формы, не наличие оружия, а в первую очередь — жесткая дисциплина. Ленин еще что-то пытался говорить о сознательном труде, о труде без расчета на вознаграждение, о коммунистических субботниках, но это были привычные ходы профессионального политика. Он отлич-

но понимал, что такого рода призывы к коммунистической сознательности — не что иное, как дымовая завеса, скрывающая необходимость жесткого принуждения. В период коллективизации и индустриализации Сталин применял разветвленную систему принуждения, включавшую ограничения миграции рабочей силы по территории страны, уголовные наказания за опоздание и самовольный уход с работы, категорический запрет забастовок. В этой своей деятельности он был лишь учеником Ленина и Троцкого, использовавших во время гражданской войны еще более жестокие меры расправы с рабочими и служащими, недовольными условиями организации и оплаты труда.

Однако справедливости ради хотелось бы отметить, что в последний период существования коммунистического режима, когда неэффективность социалистической системы производства, основанной на принуждении и централизованном распределении ресурсов, стала очевидной, упомянутые мною высказывания Маркса о материальном стимулировании и экономической заинтересованности производителей в результатах своей хозяйственной деятельности были реанимированы. Из центральных партийных органов ученым срочно были спущены директивы о разработке различных систем и шкал премирования рабочих и инженерно-технического персонала. Должен признаться, что я с энтузиазмом участвовал в данной работе, поскольку еще не отдавал себе отчета в конечной ее бесперспективности. В то время многие экономисты жили иллюзией, будто можно внедрить элементы рыночной системы, сохраняя государственную собственность как господствующую форму. Мне также представлялось, что можно создать конкурентное пространство, освободив государственные предприятия от чиновничьей опеки, наделив их широкой свободой в хозяйственной деятельности. Однако практические предложения, связанные с внедрением элементов рынка в хозяйственную систему социализма, оказались несостоятельными.

Но и в теоретическом отношении идея, намеченная буквально пунктиром в так называемой теории научного социализма, вызывает целый ряд сомнений. Я имею в виду уже упомянутую формулу "От каждого — по способностям, каждому — по труду".

Что значит "по труду"? Каков критерий отделения трудовых доходов от нетрудовых? Хозяйственное законодательство? Но ведь его создателями являются опять-таки государственные чиновники. Прежде всего к нетрудовым доходам относились доходы от спекуляции. Но в принципиальном плане спекулятивный доход не противоречит рыночным основам ведения хозяйства. Фундамент так называемой социалистической спекуляции составляло государственное регулирование цен. Принцип свободного ценообразования изгонялся как из теории, так и из практики социалистического хозяйствования. Это приводило

лишь к тому, что игра на разнице государственных цен и цен "черного рынка" стала очень существенной сферой экономики. В отдельные периоды до трети потребительских товаров проходило через систему "черного рынка" (а изделий легкой промышленности, мебели и бытовой техники — около 50 %).

Но при классификации доходов на трудовые и нетрудовые есть и более тонкие моменты. Например, получение фиксированной государственной зарплаты при производстве низкокачественной, не пользующейся спросом продукции по государственной классификации относилось к трудовому доходу, а по существу никакого отношения к результатам труда такой доход не имел. Здесь возникал и более существенный в теоретическом и практическом отношении вопрос, ставящий под сомнение всю конструкцию принципа распределения по труду. Дело в том, что понятие затрат труда (или в более широком понимании — издержек производства) в формуле Маркса не ставится в прямую зависимость от результативности труда, т.е. от степени признания полезности данного вида деятельности. Это понятно студенту первого курса экономического факультета. Труд может быть более результативным и менее результативным в зависимости от целого ряда факторов, как лежащих в сфере производства, так и относящихся к рыночной конъюнктуре. В связи с этим возникает вопрос к Карлу Марксу: "Какой труд или какая норма измерения труда заложена в формулу; должно ли распределение осуществляться по фактическим, усредненным затратам труда или по общественно значимым результатам трудовых усилий?"

Конечно, никакого ответа на данный естественный вопрос ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Ленина, ни тем более у идеологов-партократов более позднего периода не найти. Сродни этому и другой вопрос, который оставался за пределами внимания создателей марксистской концепции: "О каком труде идет речь: о текущих его затратах (текущих издержках), либо во внимание при распределении принимается и накопленный труд (т.е. капитал)?" Все это представлялось создателям марксистской теории досужими вымыслами буржуазной профессуры.

Централизованная плановая система, основанная на принудительном характере распределения ресурсов, шаг за шагом демонстрировала свою недееспособность, неэффективность. Причем хотелось бы подчеркнуть, и это со всей очевидностью вытекает из всех предыдущих моих рассуждений, что данная неэффективность — отнюдь не результат чьих-то субъективных ошибок, тактических и стратегических просчетов тех или иных конкретных коммунистических лидеров, а органическое следствие господства концепции системы управления экономикой социализма. Можно сколько угодно ругать Ленина за его политический и экономический авантюризм, Сталина — за драконовские методы принуждения

и насилия над своим народом, Хрущева — за его верхоглядство, Брежнев — за безынициативность и необычайный либерализм в отношении казнокрадства, Андропова — за попытку представить страну как огромный Комитет государственной безопасности, Горбачева — за медлительность и непоследовательность экономических реформ. Все это справедливо. Но главное, в чем их ошибка, — они верили в возможность существования и эффективного функционирования системы управления экономикой, альтернативной рынку. Они так и не поняли, что социалистическая идея способна выполнять лишь роль дополняющего фактора в организации общественной жизни.

Принцип социальной справедливости, исповедуемый в рамках концепции социализма, сам по себе не является ложным. Ошибка начинается там и тогда, где и когда он гипертрофировался и становился главенствующим. Нет и не может быть социалистического способа хозяйствования, потому что нет специфически социалистического мотива ведения хозяйства и участия человека в производственном процессе. Включение человека в экономический процесс может происходить либо на основе военно-феодалного принуждения, либо на рыночной базе.

Западная социал-демократия в значительной мере сумела понять драматизм указанной альтернативы и взяла курс на провозглашение социального рыночного хозяйства. Это курс разумного компромисса между частной собственностью, свободой предпринимательства и социальными гарантиями, имеющими внеэкономическое происхождение и общегуманистические принципы их формирования. Более того, хотел бы отметить, что современный и цивилизованный неолиберал отличается от социал-демократа зачастую лишь в определении форм и размеров социальной поддержки малоимущих слоев населения, не отрицая необходимости обеспечения минимальных социальных гарантий в сфере здравоохранения, образования и культуры. Реальная политическая борьба вокруг подобных проблем уже давно исключила экстремизм. Речь идет в основном о дозировке и адресности социальных гарантий. В этой связи нельзя говорить о том, что социалистическая идея на Западе победила или потерпела поражение. В большинстве развитых стран данная идея заняла надлежащее место.

Что же касается советского коммунистического экстремизма, то огромный по масштабам и кровавый по форме социальный эксперимент завершился полным провалом. Умозрительные конструкции не выдержали проверку практикой. Данный исторический урок имеет всемирное значение, подводя черту под социальным экспериментированием в этом направлении.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Глава 1
**Экономический рост
и стабильность**

Глава 2
**Экономические
и социальные аспекты
стабилизационной
политики**

Глава 3
**Стабилизационные процессы
и загадка больших циклов
Николая Кондратьева**

Глава 4
**Русское «авось»,
или синдром выбора
дестабилизационной
политики**

Экономический рост и стабильность

Развитие — более широкое понятие, чем рост. Модели роста отталкиваются от качественных изменений.

Виктор Новожилов

Общим местом мировой экономической науки является постулат, согласно которому развитие хозяйственной системы трактуется как чисто количественное возрастание выпуска продукции — конечной или валовой, в денежных единицах или натуральных показателях (в зависимости от концепции). Концепции могли быть разными, но символ веры оставался неизменным: экономическая система растет, значит, все в порядке, а если быстро растет, то совсем хорошо. Именно по показателю экономического роста сравнивались благополучие различных стран, прогрессивность системы управления экономикой. "Японское чудо", "германское чудо", "южнокорейское чудо" — все они определялись по темпам экономического роста (хотя присутствовали и другие индикаторы, но на второстепенных ролях).

В этом разделе книги мы не собираемся ниспровергать с "божественного" для многих экономистов пьедестала показатель экономического роста. В конце концов, экономическая подсистема существует для того, чтобы общество хорошо кушало, одевалось и развлекалось. Если на ферме возрастают удои, то почему же не порадоваться любителям молока и сыра! Наша задача значительно скромнее: в очередной раз показать, что в экономике все не так просто.

Итак, по сложившейся традиции, эффективность определяется в первую очередь по темпам роста выпуска продукции.

Внимание экономистов естественным образом привлекал анализ зависимостей по цепочке: "инвестиции — мощности — продукция". В результате анализа этой связи появились теории мультипликатора и акселератора, различные типы производственных функций, среди которых особую известность получила функция, предложенная американскими экономистами Ч. Коббом и П. Дугласом для анализа замещения двух факторов: труда и капитала. Среди дальнейших модифи-

каций этой функции наиболее широко обсуждались в экономической литературе функции с постоянной эластичностью замены (Эрроу, Ченери, Минхас и Солоу) и функции, в различной форме учитывающие факторы, условно объединяемые термином "технический прогресс" (Харрод, Хикс, Солоу, Юхансен, Эрроу). Во всех этих построениях просматривается единая концептуальная основа. На входе экономической системы находятся первичные ресурсы (производственные факторы), а на выходе — конечный или валовой продукт. Вход и выход связаны между собой некоторыми коэффициентами ресурсо- или фондоотдачи, о природе, величине и изменчивости которых высказываются самые различные предположения. Мы уже отметили, что нет никаких оснований критиковать правомерность такого подхода к анализу экономического процесса, хотя бы уже потому, что его питает тезис, азбучность которого не вызывает сомнения даже у людей, далеких от экономики: вся экономическая деятельность направлена на преобразование первичных ресурсов в продукты (и услуги), пригодные для удовлетворения личных и общественных потребностей.

Следовательно, мы эксплуатируем те или иные ресурсы ради получения некой совокупности средств удовлетворения потребностей. Отсюда инвестиции есть средство получения продукции, и остается лишь установить некоторую количественную зависимость между затратами и выпуском. При всей естественности таких рассуждений из поля зрения исследователя, на наш взгляд, выпадают внутренние закономерности функционирования экономики как целостной системы, что при дальнейшем рассмотрении оставляет без ответа ряд вопросов, актуальность которых в настоящее время вряд ли можно отрицать. Среди этих вопросов, в частности, могут быть названы следующие.

Существует ли взаимозависимость между масштабностью и сложностью экономической системы, с одной стороны, и темпами роста производства — с другой?

Каков характер этой взаимосвязи?

Исчерпывается ли понятие эффективности развития экономической системы показателем темпа роста производства?

Естественно, что характеристика сложности системы неразрывно связана с принципиальной недетерминированностью внутренних связей в системе. В сложной системе взаимодействия структурных элементов они имеют вероятностную природу. Характеристики сложности экономической системы определяются: 1) масштабом системы (выражающимся, в частности, в количестве отраслей); 2) связями между структурными элементами системы (выражающимися, в частности, через матрицу межотраслевого баланса, коэффициенты фондоотдачи, пропорции конечного выпуска); 3) уровнем стабильности системы, т.е. наличием узких мест и соответственно вероятностями срывов, откло-

нений от обусловленных технологическими режимами размеров и сроков взаимных поставок сырья, полуфабрикатов, оборудования. При детерминированном случае, когда чисто гипотетически вводится предположение об абсолютной стабильности хозяйственных взаимодействий, оценка сложности экономической системы практически может быть исчерпана числом отраслей или иных хозяйственных элементов системы, а рост выпуска продукции обеспечивается объемом капиталовложений, пропорциональным фондоемкостям соответствующих видов продукции. Собственно говоря, этот случай, который для сложной хозяйственной системы должен, по-видимому, рассматриваться как абстракция, лишаящая ее одной из важнейших качественных характеристик, является концептуальной основой построения современных моделей хозяйственной динамики на базе производственных функций.

Картина существенно видоизменяется при переходе к вероятностной ситуации. Уровень стабильности системы существенным образом "вмешивается" в характер зависимости между входом системы (капиталовложения) и выходом (продукция). Вкладываемый в развитие системы ресурс теперь (при новой постановке вопроса) обречается на "вечное метание" между двумя ипостасями — с его помощью может быть увеличена не только интенсивность системы, но и ее стабильность. Если мы хотим увеличивать выпуск продукции, наращивать производственные мощности и при этом сохранять как минимум прежний уровень стабильности системы, то капиталовложения должны расти отнюдь не пропорционально фондоемкости продукции и заданному темпу роста производства. Причем при современных масштабах экономики, высокой степени общественного разделения труда, многономенклатурности производства поддержание стабильности хозяйственной системы оказывается весьма капиталоемким.

Постановка вопроса существенно обостряется в тот момент, когда мы сталкиваемся с реальным фактом ограниченности для каждого заданного временного интервала фонда накопления (ресурсов капиталовложений). Создается на первый взгляд несколько неудобная ситуация. Если в детерминированном случае все капиталовложения, предусмотренные для развития экономики, казалось бы, можно бросить на прирост мощностей, то теперь часть из них (и притом очень весомую) требуется выделять на обеспечение общей стабильности системы. Однако, во-первых, появление в числе задач, которые призвана решать система, такого фактора, как устойчивость, определяется не субъективными желаниями исследователя, а объективными закономерностями функционирования сложных хозяйственных систем, лишь вводимыми в явном виде в соответствующую модель. Во-вторых,

удобство детерминированной модели использования ресурсов на самом деле является мнимым, так как по существу не соответствует реальной практике управления экономикой.

Колоссальное возрастание сложности экономических систем, наблюдаемое в последние десятилетия и, безусловно, связанное с научно-технической революцией, чрезвычайно остро ставит очерченную выше проблему. По нашему мнению, реальные процессы хозяйственной жизни настоятельно требуют от экономической науки пересмотреть ходячее представление, согласно которому экономическое развитие тождественно экономическому росту, исчисляемому как темп прироста выпуска конечного продукта (внутреннего валового продукта). Термин "экономическое развитие" в равной мере должен включать и понятия "рост" и "устойчивость". Отсюда эффективность экономического развития должна, по-видимому, измеряться не максимизацией роста производственных мощностей и соответственно этому выпуска продукции, а его устойчивостью. Обеспечение устойчивого роста предполагает использование части ресурсов на поддержание определенного уровня стабильности системы. Эта часть ресурсов представляет собой своеобразную плату за сложность экономической системы.

То, что управление недетерминированной экономической системой должно способствовать как росту средних показателей, так и обеспечению стабильности системы, побудило меня и В.И. Ротаря еще двадцать лет назад¹ ввести при анализе влияния инвестиций на уровень будущего производства понятие двухфакторного влияния ресурсов. Как уже отмечалось, мы говорим об интенсифицирующем влиянии (или просто об интенсификации) в том случае, когда речь идет об увеличении средних показателей уровня производства, и о стабилизирующем влиянии (или о стабилизации), когда влияние ресурса сказывается на уменьшении разброса возможных значений исследуемых показателей. Более того, речь идет и о разбиении там, где это возможно, инвестиционного ресурса на соответствующие части, и о поиске оптимального соотношения между ними.

Обсуждая вопрос о двух различных направлениях использования ресурса, следует особо остановиться на следующем.

Высказанный выше тезис о разбиении ресурса на часть, направляемую на расширение системы, и часть, идущую на ее стабилизацию, не следует понимать буквально. Капиталовложения, идущие на расширение посевных площадей, по-видимому, можно отнести к первому направлению использования инвестиционных ресурсов, так же как к

¹ См.: Петраков Н.Я., Ротарь В.И. К вопросу об экономико-математической модели управления, учитывающей фактор неопределенности // Экономико-математические методы. 1978. № 3.

чисто стабилизирующим можно отнести капиталовложения, благодаря которым становится возможным дублирование некоторой научно-технической разработки. Однако на практике нередки случаи, когда реально неделимый ресурс оказывает одновременно как интенсифицирующее, так и стабилизирующее воздействие; например, такой вид ресурса могут представлять капиталовложения в строительство дорог в сельских районах. Иное дело, что нередко один тип воздействия ресурса резко превалирует над другим. Так, наличие оросительных систем в районах с неустойчивыми погодными условиями не только приводит к сглаживанию колебаний урожайности из-за изменения количества осадков, но и может повлечь некоторое увеличение средней урожайности. Однако, по крайней мере, для районов с достаточным среднегодовым количеством осадков последний вид ресурса оказывает все-таки преимущественно стабилизирующее воздействие, и при грубых расчетах фонды, выделенные на сооружение разного рода оросительных систем, можно отнести к стабилизирующему типу ресурсов.

Отметим, что относительная неделимость реальных капиталовложений, разумеется, не снимает задачу оценки меры стабилизирующего и интенсифицирующего воздействий этих капиталовложений на производство, так как даже в ситуации неделимости такая оценка необходима для прогноза будущего состояния экономической системы, сравнения эффективности тех или иных стратегий капиталовложений.

Справедливо, однако, и большее: наличие неделимости (или относительной неделимости) не снимает в общем случае и проблемы поиска оптимального соотношения между интенсифицирующим и стабилизирующим воздействиями ресурса. Действительно, можно предварительно, на модельном уровне, предположить условно делимость ресурса, найти оптимальное соотношение между интенсифицирующими и стабилизирующими частями, а затем уже искать такие реальные формы и механизмы использования, вообще говоря, неделимого ресурса, при которых степени интенсифицирующего и стабилизирующего воздействий были бы близки к найденным оптимальным соотношениям. Именно такой подход на модельном уровне был осуществлен автором и В.И. Ротарем в монографии "Фактор неопределенности и управление экономическими системами" (М.: Наука, 1985).

Поскольку реальная хозяйственная система всегда богаче и сложнее модели, необходимо отметить еще один момент, не нашедший отражения в наших тогдашних моделях, но в целом важный для уяснения существа обсуждаемого вопроса. Экономическая система представляет собой иерархическую структуру и в организационно-хозяйственном, и в чисто технологическом плане (стадийность переработки

первичных ресурсов). Естественно, что мотивировка решений о том или ином распределении ресурсов, а также последствия реализации этих решений могут выглядеть совершенно по-разному в случаях, если речь идет о состоянии и задачах системы в целом или ее отдельных элементов более низких уровней. Так, решение о необходимости изменения межотраслевых пропорций в конечном счете означает, что инвестиционные ресурсы должны быть распределены так, чтобы обеспечить ускоренное развитие одних отраслей относительно других. С точки зрения системы в целом такие структурные сдвиги могут иметь целью ликвидацию узкого места, снижение вероятности срыва и, следовательно, повышение устойчивости всей системы. В той мере, в какой эти вложения не связаны с увеличением конечного выхода системы (например, конечного продукта), они могут с полным основанием рассматриваться как стабилизирующие. Но с позиции отрасли, получающей приоритет в развитии, те же самые вложения будут интерпретироваться как затраты на интенсификацию.

Таким образом, в целом ряде случаев приходится говорить об оптимальном размере инвестиций, обеспечивающем максимальную интенсивность развития при заданном уровне устойчивости или необходимое возрастание устойчивости при допустимых темпах роста.

Экономические и социальные аспекты стабилизационной политики

Направление части ресурсов на стабилизацию экономики, по сути дела, всегда подразумевалось при принятии хозяйственных решений любого уровня. Уже давно стало аксиомой хозяйственной жизни, что для обеспечения ритмичной согласованности работы различных производств, связанных в единое целое системой общественного разделения труда, необходимо иметь резервные и страховые фонды, величина которых определяется оценкой возможности срывов и размерами ущерба, наносимого этими сбоями. Резервные фонды могут быть материализованы в различных конкретных формах и соответственно этому обладать различной мобильностью. Это могут быть и запасы готовой продукции, сырья и материалов, резервные мощности и, наконец, запасы валютных ресурсов (например, резервы Центрального банка). Затраты на содержание и создание всех видов резервных фондов являются затратами на стабилизацию.

К вложениям в стабилизацию хозяйственной системы, не связанным непосредственно с приростом резервных производственных мощностей, могут быть отнесены в первую очередь вложения в создание и развитие инфраструктуры. Известно, что в экономической литературе выделяется три типа инфраструктуры: материальная (вложения в материальные объекты), к которой относится строительство дорог, мостов, каналов, портов, связь, жилищное и культурно-бытовое строительство; институциональная, включающая совокупность учреждений аппарата управления, а также затраты на организацию и содержание денежно-кредитной и финансовой системы, научно-исследовательских организаций и прежде всего затра-

ты на развитие фундаментальных наук; персональная, охватывающая образование, здравоохранение, обслуживание населения, культурные услуги и пр.

В настоящее время общество начинает все более ощущать необходимость вложений, которые при существующей классификации только со значительной долей условности могут быть отнесены к инфраструктурным, но которые, несомненно, являются по своей природе вложениями на стабилизацию системы. Мы имеем в виду всевозрастающую массу расходов на защиту окружающей среды от вредных отходов производственной деятельности. Эти расходы лишь в небольшой и, по всей видимости, в перспективе — в относительно убывающей части обусловлены потребностями чисто производственного характера, т.е. связаны с устранением загрязнений, прямо влияющих на снижение производительности и эффективности труда (например, на уровень заболеваемости трудоспособного населения, порчу посевов, запасов деловой древесины, элементов основных производственных фондов и т.д.). В этой своей части затраты на природоохранные мероприятия могут быть отнесены к инфраструктурным затратам, поскольку они участвуют в создании условий для эффективной производственной деятельности. Другая же часть затрат на сохранение внешней среды связана с наличием более широких внеэкономических проблем, решение которых тем не менее может оказать обратное воздействие на уровень устойчивости экономического развития, рассматриваемого в разрезе длительной перспективы. К такому типу вложений относятся затраты на сохранение общей экологической обстановки в рамках тех или иных территориальных комплексов, генетического фонда, эстетической ценности ландшафтов и т.д. Независимо от соотношения этих двух частей вся совокупность вложений в охрану окружающей среды является по своей сути составным элементом общих расходов на стабилизацию социально-экономической системы.

Разумеется, сказанное выше не исчерпывает списка инвестиций стабилизирующего характера. Попытка несколько условной классификации всевозможных стабилизирующих хозяйственных мероприятий приводит, в частности, к выделению, кроме прочего, следующих трех типов: вложения, так или иначе связанные с изменением технологии производственных процессов, мероприятия организационного характера и мероприятия, связанные с рыночным стимулированием.

К первому типу будем относить, например, проектирование и производство новых, более "устойчиво" работающих механизмов, вообще всякие мероприятия, связанные с такими изменениями технологических процессов, которые уменьшают колебания объемов выпускаемой продукции. Ко второму типу отнесем мероприятия, ведущие к стаби-

лизации производства того или иного продукта не за счет изменения технологии производства, а за счет совершенствования организации производства, например, путем изменения организационной структуры, более умелого подбора кадров, изменений форм отчетности и т.п.

Принципиально важен третий тип мероприятий стабилизирующего характера. Введение дополнительной оплаты за стабильность выпуска и штрафов за срывы, а также любые иные формы покрытия ущерба от дестабилизации экономических связей обязательны при заключении деловых контрактов.

Обратимся теперь к иному типу хозяйственных механизмов, которые, качественно отличаясь от непосредственной стабилизации тех или иных производственных процессов, связаны лишь с перераспределением ущерба в результате случайных отклонений производственных (или иных) показателей от их средних значений. Речь идет о страховании.

Страхование возможно при двух условиях: необходимо, чтобы вероятность возникновения потерь у каждого отдельного потребителя была невелика, а число таких потребителей было существенно велико. Смысл страхования состоит в том, что (даже если сумма страховой выплаты и велика) число выплат, производимых страхователем, невелико, а поэтому у большинства потребителей страховые взносы будут служить лишь платой за уверенность в возмещении возможного ущерба. Реальной стабилизации дохода потребителей не происходит, а происходит лишь перераспределение ущерба немногих "неудачников" среди всех потребителей в совокупности, что в конечном счете приводит к "устойчивому существованию" всей массы потребителей.

Анализ механизма страхования приводит к понятию "стоимость риска", причем она различна для потребителя и страхователя. Для потребителя — это максимальный страховой взнос, который он согласен внести, для страхователя — это минимальный страховой взнос, при котором он согласен осуществлять страхование.

* *
*

Помимо требований поддержания эколого-экономической и эколого-социальной стабильности, в современных условиях выдвигается на первый план не менее важная, а может быть, даже центральная задача обеспечения социальной стабильности общественной системы. В течение длительного периода решение этой задачи виделось экономистам сквозь призму достижения чисто экономических результатов — максимизации роста производства материальных благ и услуг. Собственно говоря, прямо или косвенно предполагалось, что обеспечение

высоких темпов роста производства автоматически решает подавляющую массу проблем социальной стабильности.

Однако реалии XX в. оказались весьма отличными от этой схемы. Они показали, что проблема социальной стабильности далеко не исчерпывается наращиванием выпуска средств удовлетворения материальных потребностей населения. Обеспечение социальной стабильности требует такого распределения ресурсов, которое в ряде случаев может приходиться в противоречие с узко понимаемыми задачами роста экономической эффективности производства.

Наиболее ярким примером в этом отношении является включение в число общественных ценностей всестороннего развития человеческой личности, раскрытия ее творческого потенциала.

В современном обществе удовлетворение материальных потребностей выступает не в качестве самоцели развития всей системы, а лишь как необходимое условие, материальная предпосылка решения более глобальной социальной задачи. Поэтому по мере развития социальной системы затраты ресурсов, связанные с обеспечением развития человеческой личности (в том числе не обусловленные ее участием в производственном процессе — например, необходимостью роста профессиональной квалификации), становятся все более весомыми.

Говоря о необходимости обеспечения социальной стабильности в очерченных выше рамках, мы затрагиваем сразу два вопроса, важных для нашего анализа проблемы в целом. Первый заключается в том, что рассмотрение человека с его способностями в качестве стержня развития общества является, на наш взгляд, в теоретико-методологическом плане решающим аргументом в пользу неправомочности отождествления понятий "экономический рост" и "социальный прогресс".

Американский экономист Дж. Гэлбрейт отмечал в этой связи: "Признание экономического роста в качестве цели общества почти равносильно признанию роста власти развитой корпорации и технотехнологии. И последняя имела все основания расценивать экономический рост как цель общества... Отражает ли эта цель подлинные общественные потребности? Навязана ли она обществу технотехнологией?"¹.

Другой аспект проблемы обеспечения социальной стабильности, который непосредственно примыкает к вопросам, поставленным в данной работе, заключается в следующем. Даже если будет снята фетишизация показателя экономического роста и в качестве основного критерия развития общества будет сформулирован некий социальный индикатор, включающий в себя факторы духовного развития личности, то и в этом случае возникает проблема распределения общей массы

¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 210, 220.

ресурсов, выделяемых на достижение чисто социальных, внеэкономических целей, на две части: средства на интенсификацию социального развития и на его стабилизацию.

Приведенные выше рассуждения позволяют вплотную перейти к формулировке ряда выводов. Мы убеждены, что осуществленное предложенной конструкцией распределение ресурсов системы на части, одна из которых идет на интенсификацию, а другая — на стабилизацию, поддается прозрачной экономической интерпретации. Вложения, которые мы условно называем затратами на стабилизацию экономической системы, соответствуют той части ресурсов, которая выделяется на:

- а) создание резервных фондов всех видов, включая резервы мощностей, готовой продукции, валютных ресурсов и т.п.;
- б) развитие инфраструктуры;
- в) обеспечение социальной стабильности общественно-экономической системы.

Вложения в стабилизацию системы становятся жизненно важными в условиях научно-информационного бума. Мы имеем в виду, что научно-технический прогресс — это всегда чрезвычайно быстрое наращивание сложности производственно-экономической системы. Растет число элементов хозяйственной системы (новые предприятия, отрасли народного хозяйства, производственно-территориальные комплексы и т.д.), увеличиваются и усложняются хозяйственные связи между элементами, лавинообразно нарастают информационные потоки и в первую очередь (и это особенно важно для рассматриваемого нами вопроса) неизмеримо увеличивается поток принципиально новой и потому не предсказуемой информации (научные открытия и изобретения, новые способы производства традиционных продуктов, появление новых продуктов и технологий их изготовления и т.д.).

Таким образом, научно-технический прогресс обеспечивает рост эффективности использования первичных ресурсов хозяйственной системы и в то же время ведет к ее усложнению, появлению внутри нее заранее непредсказуемой информации. В единстве и противоположности этих двух процессов и формируется облик современного общества. Увеличение эффективности использования каждой дополнительной единицы инвестиционного ресурса сопровождается необходимостью выделения значительной и всевозрастающей массы этого ресурса на обеспечение устойчивости системы в условиях ее повышающейся сложности.

Но означает ли этот последний момент (необходимость выделения части ресурсов на поддержание стабильности системы), что научно-технический прогресс наряду с положительной тенденцией несет в

себе и некий отрицательный заряд? Такая постановка вопроса выглядела бы во многих отношениях странной. Едва ли будет плодотворным обсуждать понятия "рост системы" и "усложнение системы" в терминах "лучше-хуже". Ни одному биологу, очевидно, не придет в голову утверждать, что амебы "лучше" высокоразвитых биологических организмов на основании того, что темп размножения первых относительно более высок, а сложные биологические системы тратят значительную долю энергии на свои "внутренние нужды", на поддержание сбалансированности между элементами системы. Затраты на устойчивость системы столь же необходимы для ее выживания, как и любые другие. Более того, усложнение системы в процессе ее эволюции является одной из характеристик уровня ее организации. Затраты на поддержание стабильности высокоорганизованных систем в конечном счете окупаются сторицей, ибо только такие системы способны в процессе своего саморазвития генерировать новую информацию. Это положение в равной мере относится как к биологическим, так и к социальным системам.

Таким образом, с какой бы стороны ни обсуждался вопрос об уровне развития современных общественных систем и в первую очередь экономики, вырисовывается однозначный вывод о том, что показатель темпа экономического роста системы не характеризует и не может характеризовать в полном объеме реальную эффективность развития народного хозяйства. Именно из объективно сложившихся условий функционирования экономики и тех требований, которые предъявляет общество к уровню стабильности хозяйственного развития, вытекает — и это один из важнейших выводов нашего исследования — конкретная для каждой ситуации норма распределения инвестиционных ресурсов на стабилизацию и интенсификацию системы.

Стабилизационные процессы и загадка больших циклов Николая Кондратьева

Начало XX в. ознаменовалось в мировой экономической науке большим интересом к циклическим колебаниям развития экономических систем. Если достижением XIX в. можно считать открытие 10—12-летних так называемых промышленных циклов, что напрямую связывалось с десятилетними сроками обновления основного капитала, то в первой четверти XX в. многих ученых стала привлекать проблема больших волн.

В наибольшей степени в разработке этой проблемы преуспел выдающийся русский экономист Н.Д. Кондратьев. Он проделал титаническую работу по анализу и математической обработке рядов экономической динамики отдельных стран и всего мирового хозяйства. Тщательный и разносторонний анализ статистических данных был одной из характерных черт российской экономической школы, которая оформилась в начале века и была уничтожена уже через три десятилетия. Чупров, Туган-Барановский, Слуцкий, Дмитриев, Юровский, Чаянов, Прокопович, Четвериков, Конюс, Вайнштейн, Новожилов — этот список можно продолжить, создали на российской почве действительно целое научное направление, экономическую школу, которая могла бы занять одно из ведущих мест в мировой науке. Но политический фанатизм малообразованных "профессионалов" — полуполитиков, полуэкономистов привел к разгрому подлинной экономической науки России (которая давала практические рецепты роста благосостояния народа и процветания свободного предпринимательства).

Остались только осколки гениальных творений, среди которых и теория больших циклов Н.Д. Кондратьева.

Н.Д. Кондратьев эмпирически, на основе материала, собранного почти за полтора века развития мировой экономической системы, доказал, что в пульсации живого тела мировой экономики наблюдаются длинные волны подъемов и спадов.

Результат своих исследований Н.Д. Кондратьев представил в виде следующей картины "больших циклов", справедливость которой не могли не признать даже его оппоненты.

I.

Повышательная волна первого цикла — с конца 80-х — начала 90-х гг. XVIII в. до периода 1810—1817 гг.

Понижательная волна первого цикла — с периода 1810—1817 гг. до периода 1844—1851 гг.

II.

Повышательная волна второго цикла — с периода 1844—1851 гг. до периода 1870—1875 гг.

Понижательная волна второго цикла — с периода 1870—1875 гг. до периода 1890—1896 гг.

III.

Повышательная волна третьего цикла — с периода 1890—1896 гг. до периода 1914—1920 гг.

Вероятная понижательная волна третьего цикла — с периода 1914—1920 гг.¹

Как видим, большие циклы, открытые Н.Д. Кондратьевым, охватывают более чем полувековые периоды. Каждый длинный цикл вмещает в себя четыре-пять промышленных циклов. При этом, как заметил Н.Д. Кондратьев, одной из "эмпирических правильностей" является слабо выраженный характер кризиса и депрессии среднесрочного промышленного цикла на повышательной волне и обратная картина на понижательной. То есть длинные волны влияют на характер протекания средних циклов, но в то же время существуют сами по себе.

Открытие длинных волн, по сути дела, явилось предсказанием Великой депрессии. Предсказанием, на которое сильные мира сего, как водится, не обратили никакого внимания. Наука никогда не интересовала политиков.

Сделав удивительное, экстраординарное открытие, Н.Д. Кондратьев, как это часто бывает, не мог найти ему вразумительного объяснения.

Лучшее, до чего он мог додуматься, это обратить внимание, что "в составе элементов основного капитала есть такие, которые снашиваются примерно в течение 40—50 лет (фабричные здания, железные дороги и т.д.)"². При рассмотрении этого аргумента сразу бросается в глаза, что Н.Д. Кондратьев в данном случае оказывается в плену той логики, с позиций которой его предшественники объяснили происхождение среднесрочных промышленных циклов. Иными словами, уче-

¹ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 197.

² Там же. С. 301.

ный сделал принципиально новое открытие, а объясняет его в рамках старых представлений. По аналогии это весьма напоминает страничку из истории автомобилестроения: первые автомобили очень напоминали распряженные кареты.

Естественно, оппоненты Н.Д. Кондратьева весьма жестко раскритиковали предложенное им объяснение больших циклов. Они, в частности, отмечали, что в пределах полувекового отрезка в экономике значительную роль играет новое строительство. И к моменту, когда фабричные здания, построенные 40—50 лет назад, обветшают, их удельный вес в общем объеме основного капитала будет крайне незначительным. Поэтому даже массовый снос и замена фабричных построек на новые не может вызвать таких глобальных явлений, как длинная повышательная волна в развитии мировой экономики.

Что же касается железных дорог, то "раз построенная железная дорога восстанавливается и обновляется затем частями во все время ее функционирования"¹. Добавим, что время функционирования железных дорог, гидросооружений, газо- и нефтепроводов, теплосетей, линий электропередач, морских портов и иных терминалов при своевременном проведении текущих и капитальных плановых ремонтов уходит в бесконечность.

Н.Д. Кондратьев, очевидно, чувствуя свою слабость как аналитика, больше опирался на эмпирические обобщения. И его, как он выражался, эмпирические правильности вызывают острейший интерес. Одну из них мы уже упомянули. Но она не главная.

Первая эмпирическая правильность состоит, по наблюдениям Н.Д. Кондратьева, в том, что перед началом повышательной волны, т.е. в конце понижательной, накапливается значительный потенциал разного рода открытий, научно-технических изобретений. Иными словами, на понижательной ветви экономического развития (подчеркнем: понижательной с точки зрения темпов экономического роста) происходит накопление интеллектуальной энергии общества, оно как бы собирает силы, готовясь к очередному прыжку. Чисто количественный рост замедляется, но происходят значительные качественные изменения. Копятся ресурсы, которые не поддаются экономическому измерению в традиционной методологии, но которые крайне необходимы для устойчивости общественной системы. Возрастает общественный интерес (читай — финансирование) к фундаментальной науке, не дающей прямого выхода в сферу экономики, предпринимательства; "процент по долгосрочным помещениям низок"², т.е. становится выгодным вкладывать капитал в проекты с очень длительными сроками окупаемости, а это, как правило, объекты

¹ Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 302.

² Там же. С. 262.

инфраструктуры; происходит "включение новых стран в мировой хозяйственный оборот"¹, а это значит, что возникает тенденция определенного выравнивания положения конкурирующих государств, прежде всего положения, связанного с политическим статусом и возможностями участия в мировом экономическом процессе.

Теперь проследим дальнейший ход рассуждений Н.Д. Кондратьева. Обратимся ко *второй* эмпирической правильности. Эта правильность, по нашему мнению, сводится к следующему. "Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижаательных волн"².

И действительно, как интересно! Хребет каждой повышательной волны приходится на тот или иной социальный катаклизм. Первая длинная волна породила (именно породила, а не совпала) взлет и падение наполеоновской империи с ее войнами, разрушениями и политическим переделом Европы. Второй длительный экономический всплеск закончился франко-прусской войной, поражением купающейся в искусстве, архитектуре, науке, всяческой эмансипации (естественно, "буржуазной") империи Луи-Бонапарта. Третий экономический бум кончился совсем печально для моих соотечественников: первая мировая война, далее февральский и октябрьский перевороты, гражданская война в России. Да и для остального мира эти годы были большим испытанием. Развал Австро-Венгрии, оскопление Германии, политические "землетрясения" на Балканах, в Индии и Китае...

Эти две эмпирические правильности Н.Д. Кондратьева наводят на совершенно определенные размышления: не являются ли они подтверждением общей теории стабилизации, согласно которой совокупный инвестиционный ресурс распадается на две части — интенсификационную (обеспечивающую максимальный темп экономического роста) и стабилизационную (призванную содействовать устойчивости, сбалансированности системы)?

В условиях стихийной самоорганизации кибернетической системы совокупный инвестиционный ресурс, естественно, распределяется "как Бог на душу положит", т.е. в соответствии с состоянием системы на данный момент, далеко, как говорится, не заглядывая (любимая стратегия либералов и неолибералов). Стихийный переток капитала (фонда накопления) из сферы интенсификации в сферу стабилизации осуществляется медленно, плавно; тем более что затраты на интенсификацию, как мы отмечали ранее, оказывают в ряде случаев стабилизирующее воздействие на экономику и наоборот.

¹ Кондратьев Н.Д. Указ. соч. С. 263.

² Там же. С. 203.

Повышательная волна характеризуется тем, что основная масса инвестиций бросается на экономический рост. В этот момент наблюдается наращивание производства товаров и услуг, но одновременно возникают узкие места, диспропорции, нестыковки на уровне предприятий, отраслей, секторов экономики, крупных регионов. Все это ведет к созданию потенциальных условий для назревания кризисных процессов в экономике, межотраслевых и межрегиональных конфликтов. Зреет и социальная напряженность. Стремление к быстрому экономическому росту, к максимизации массы и нормы прибыли приводит к замораживанию заработной платы, к неуступчивости в спорах вокруг социальных льгот, продолжительности рабочего дня и т.д. Короче, "карта пошла и пусть неудачник плачет". Экономика становится главным действующим лицом в общественной жизни, ее хозяева прищипывают коней и несутся к финишу, т.е. к кризису.

Ва-банковая стратегия, когда практически все инвестиционные возможности общества бросаются на экономический рост, приводит к дестабилизации внеэкономических секторов социальной системы, таких, например, как культура, образование, здравоохранение, экология. Они, вернее, расходы на них, мешают экономическому росту. Все для экономики, все во имя экономики! Но через череду лет (длинные волны) выясняется, что экономика отнюдь не самостоятельна, что она "повязана" на демографии, образовании, науке, культуре и т.д. Без инвестиций в эти сферы начинается упадок, переходящий в страшный разрушительный кризис экономической подсистемы. Общество отторгает экономику. Последняя из донора превращается в раковую опухоль.

Инвестиции в стабилизацию становятся спасительными для самосохранения общества. Экономика с ее впечатляющими темпами подождет за дверью. Главное для выживания общества — инвестиции в человека, его интеллект, его здоровье, его детей, безопасность повседневной жизни (транспорт, криминогенная обстановка, степень загрязнения окружающей среды, минимизация безработицы, обеспеченная старость и т.д.), в международную безопасность (гарантии мирного разрешения межнациональных конфликтов и т.п.).

Общество на собственных ошибках веками училось находить оптимальное соотношение между вложениями в рост экономики и в социальную стабильность. Перехлест в ту или иную сторону неминуемо приводит либо к социальным взрывам, либо к стагнации. Во второй половине XX в. цивилизованные страны нащупали "золотую середину". Большие волны сгладились, социальные потрясения в этих странах стали носить все более щадящий и преимущественно локальный характер. К сожалению, Россия вновь оказалась за чертой самообучающихся социумов.

Русское "авось", или синдром выбора дестабилизационной политики

Когда бессильна
"Аве Мария",
сквозь нас выдыхивает
до звезд
атеистическая Россия
сверхъестественное "авось"!

Андрей Вознесенский

Общая теория устойчивого развития не требует для ее понимания на уровне здравого смысла никаких специальных знаний. Чтобы чувствовать себя уверенно, отдельному человеку или обществу нужно примерно одно и то же. Необходимо так организовать свое поведение, чтобы минимизировать зоны повышенного риска, по возможности "расшить" узкие места, мешающие фронтальному продвижению к поставленным целям, локализовать сферы непредсказуемого поведения или попытаться сделать их предсказуемыми и, наконец, создать условия для обретения уверенности в завтрашнем дне (запасы на "черный день", наличие надежных партнеров, включение в систему взаимного страхования и т.п.).

Так что понять общую философию (логику) формирования устойчивого состояния объекта в окружающей среде не представляет труда. Сложнее другое — реализовать поведение объекта в соответствии с этой логикой. И трудности здесь носят объективный характер. Мы уже отмечали, что чрезвычайно важным (а иногда решающим) моментом в выборе стратегии поведения объекта в этом непростом мире является мера риска, на которую этот объект внутренне согласен. Идете ли вы на экзамен, выучив один билет и свято веря в свою счастливую звезду, или зубрите весь учебник от корки до корки, или пытаетесь понять внутреннюю основу изучаемой области науки, а дальше надеетесь на свою интуицию и способность ориентироваться в неожиданных ситуациях, — согласитесь, все это совершенно разные типы поведения с точки зрения принимаемой степени риска.

Пока проблема не выходит за рамки сферы индивидуальной психологии, мы вольны субъективно восхищаться (или возмущаться) бесшабашностью (тоже субъективной) разного рода авантюристов и "коммунаров, штурмующих небо".

Однако, когда речь идет о развитии социально-экономической системы, то выбор меры риска — это одновременно (и зеркально) выбор темпов роста. Можно все ресурсы бросить на стабилизацию, минимизировать все возможные и придуманные риски (подобно чеховскому человеку в футляре), но при этом законсервироваться, самоизолироваться от внешней информации и, в конечном счете, потерять "вкус к развитию". Такая стратегия поведения напоминает беспроигрышную, но и безвыигрышную игру в рулетку, когда игрок ставит половину денег на чет, а половину — на нечет. (Подвести его может только зеро.)

Альтернативой такой сверхосторожности является ва-банковская стратегия поведения.

Понятно, что разумная социально-экономическая политика должна располагаться где-то между двумя этими крайностями. Истина всегда посередине. Экстремизм, как и боязнь любых рисков, приводит к абсурдным решениям, является катализатором процессов, разрушающих систему.

Мировая история дает многочисленные примеры государственных и межгосударственных образований, стремившихся и стремящихся к устойчивому, сбалансированному развитию. Иногда они впадали в стагнацию и оказывались беспомощными под ударами внешних сил (зачастую очень слабыми). В других случаях удавалось оптимально сочетать факторы стабилизации и интенсификации. Не хочу приводить исторические примеры, чтобы не отбивать хлеб у моих коллег историков. Но что касается России, то здесь есть предмет для конкретного разговора.

Россия — страна, вырабатывавшая, выбиравшая свою стратегию развития в течение нескольких веков. Выбор этот своеобразен, по существу нерационален и консервативно зациклен в своих переходах от социальной всеядности к полному неприятию социального консенсуса; по форме разрушителен или, по меньшей мере, неконструктивен.

Все это потому, что выбор России — это выбор предельно рискованного типа социально-политического развития.

Только в течение одного столетия — XX в. — Россия трижды имела возможность экономического, социального и геополитического взлета и трижды она ставила все или на упрямство власть имущих слоев, или на идеологические фетиши революционеров-экстремистов, или на доведенные до абсурда идеи либерализма, иными словами, на отчаянное русское "авось", на русскую рулетку с одним, но почему-то обязательно роковым для России, патроном в барабане револьвера истории.

Первая возможность возникла в самом начале века и закончилась катастрофой 1917 г.; вторая — между 1956 (хрущевская оттепель) и

1968 г. (пражская весна) — была бездарно разменена на лозунги чистоты марксизма-ленинизма и недопустимости так называемого "рыночного социализма"; а третья "счастливая карта" в образе победившей демократии по невообразимому стечению обстоятельств обернулась "пиковой дамой" почти полной деградации национальной экономики России.

Чтобы не выглядеть голословным, сделаю небольшие историко-экономические экскурсы.

Период 1887—1913 г. до сих пор, считается "золотым веком" российской экономики. Никогда — ни до, ни после этого короткого исторического отрезка — Россия не развивалась столь стремительно. Прирост промышленной продукции в неизменных ценах за период 1900—1913 г. составил 74,1 %. За пятилетие 1908—1912 г. по сравнению с предыдущим пятилетием производство пшеницы возросло на 37,5 %, ячменя — на 62,2, кукурузы — на 44,8 %. В 1890 г. в стране было 26,6 тыс. верст железных дорог, в 1915 г. — 64,5 тыс. верст¹.

Русское экономическое "чудо" ничем не уступало американскому и не имело в то время аналогов в Европе, а тем более в Азии. Начало XX в. предвещало России процветание страны и благоденствие ее граждан. Но при одном условии: нельзя было безоглядно делать ставку на максимальный хозяйственный рост. Необходимо было выделять весомую часть средств на поддержание социальной стабильности. Этого сделано не было. Более того, правящие слои российского общества и молодая буржуазия (первые "новые русские") самым активным образом сопротивлялись любым социальным и экономическим поблажкам населению (как сказали бы теперь — отвергали популизм и дешевое заигрывание с массами). Дело доходило до абсурдных эпизодов. Так, в 1912 г. Союз российских промышленников пригрозил исключением из своих рядов тем заводчикам, которые попытаются ввести на своих предприятиях восьмичасовой рабочий день.

Удручающей была картина динамики реальной заработной платы в промышленности. Вот свидетельство выдающегося русского исследователя народного хозяйства профессора С.Н. Прокоповича: "За 13 лет с 1900 по 1913 г. реальная заработная плата русского рабочего повысилась только на 11,7 %, причем главный подъем ее имел место в революционные 1904—1906 годы, а затем она не только не росла, но даже падала, хотя и незначительно. На такую низкую заработную плату рабочий не мог содержать семью; поэтому семья его в большинстве случаев жила в деревне, на земле, а рабочий с 18—20 лет до 45—50, когда он возвращался окончательно в деревню доживать свой век, жил в городе бобылем, приходя к семье лишь изредка на побывку"².

¹ См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. С. 10-11.

² Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. II. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952. С. 65.

Такое положение вещей явилось мощным дестабилизирующим фактором общественного развития России. Причем волны дестабилизации распространялись по двум главным направлениям: экономическому и социально-политическому.

Что касается экономической стороны, то искусственное подавление платежеспособного спроса населения рождало асимметрию в развитии народного хозяйства, ограничивало рынки сбыта, а следовательно, и темпы роста производства потребительских товаров и услуг. Особенно это было заметно на примере текстильной промышленности. Профессор Л.Б. Кафенгауз, один из крупнейших авторитетов в истории российской и советской промышленности, по этому поводу писал: "Среди крупных отраслей нашей промышленности наиболее медленным темпом росла в течение периода капиталистической реконструкции текстильная промышленность. Низкий уровень и медленный рост производства тканей является одной из наиболее существенных черт развития нашей промышленности в этот период.

Отрасль, развитие которой больше, чем какая-либо отрасль, зависит от уровня и роста доходов всего населения, была ограничена в своем росте... слабым темпом роста спроса"¹.

Не менее интересна и поучительна социально-политическая сторона рассматриваемого дестабилизационного процесса. Россия наращивала экономический потенциал, совершенно не заботясь о росте доходов своих граждан. Это толкало последних на организацию различного рода протестов против работодателей и в конечном счете на политические выступления. Возглавила эту борьбу, как известно, только формирующаяся интеллигенция.

К сожалению, сейчас мало кто вспоминает, что среди политически активных интеллигентов начала века были распространены две взаимоисключающие установки на цели политической борьбы. Одна наиболее значительная и прагматически настроенная часть интеллектуалов считала главной своей задачей смягчение, а впоследствии и полную ликвидацию возникшего в России дисбаланса между высокими темпами индустриального развития и крайне медленным увеличением жизненного уровня населения и его платежеспособности. Делалась ставка на изменение экономических условий жизни и работы наемных работников (введение восьмичасового рабочего дня, установление оплаты труда в соответствии с реальной стоимостью рабочей силы, организация цивилизованного рынка труда, пенсионное обеспечение

¹ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания, 1994. С. 55. Удивительно, как в годы социалистической индустриализации большевики повторили ту же самую стратегическую ошибку в развитии экономики России, усугубив структурную диспропорцию между тяжелой и легкой промышленностью, но под иным идеологическим прикрытием.

и иные социальные гарантии). Иными словами, это была борьба за создание партнерских отношений между крупным капиталом и широкими общественными слоями трудящихся (включая не только рабочих, но и инженеров, учителей, врачей, работников науки и высшей школы). Естественно, борьба за экономические права предполагала действия только в рамках закона.

Этой позиции противостояла небольшая группа экстремистов (большевики, анархисты, позже — левые эсеры), которые утверждали, что никакого "союза труда и капитала" быть не может, что для удовлетворения даже самых минимальных экономических и социальных требований трудящиеся должны разрушить всю общественную систему "до основания". Это был призыв к взрыву, к хаосу, из которого "новые боги" за семь или чуть больше дней построят новый мир. Программа большевиков как типичных политических экстремистов состояла в те годы из набора "мероприятий" по максимальной дестабилизации общества и экономики, или, пользуясь терминологией конца 80-х — начала 90-х гг., "раскачиванием лодки" до полного опрокидывания ее вверх дном.

Экстремизм — явление, широко известное во всем мире. Он присутствует в политическом спектре почти всех стран. Однако в цивилизованных государствах экстремисты почти всегда политические аутсайдеры (исключение — Италия, Германия, отчасти Испания 20-х — первой половины 40-х гг.). В России же экстремисты, сменяя идеологические знаки различия, продержались у власти практически весь XX в. Почему? Что касается начала века, то ответ на этот вопрос очевиден. Экстремисты пришли к власти, потому что правящий слой российского общества в лице аристократии и новой буржуазии полностью отверг все предложения пойти на экономические и социальные компромиссы. Борьба за социальную справедливость и экономические права, проводимая ненасильственными методами здравомыслящей частью интеллигенции, встретила столь резкое и циничное отторжение первых "новых русских", что идея социального партнерства была в России полностью скомпрометирована. Ленин оказался прав: россияне — люди генетически рискованные, ва-банковая стратегия, русское "авось", смертельная рулетка лежат в основе национальной стратегии развития, коль скоро стратегию эту определяют политики с психологией временщиков. Ленин, тщательно изучивший процессы развития капитализма в России, как никто другой понимал, что "скоробогатый", быстро сделавший свое состояние, имеет психологию временщика уже потому, что далеко не всегда понимает, почему вдруг пошел такой "фарт", а, с другой стороны, животно боится, что все отберут, конфискуют, украдут. Люди с такой психологией на ком-

промисс не пойдут. А коль скоро так, то лозунг "грабь награбленное", или по-иностранному (чтоб ласкало ухо) "экспроприация экспроприаторов", становится весьма популярным. И экстремизм побеждает. И побеждает он благодаря тупости и алчности нуворишей. Такова наша российская история начала века. Консерватизм царизма¹, помноженный на опьянение легкими и быстрыми деньгами "деловых людей", взорвал российский социум в 1917 г.

Общественный прогресс привел к самоуничтожению общества из-за нежелания (и непонимания) необходимости инвестировать в стабилизирующие факторы. А. Богданов, автор "Всеобщей организационной науки (тектологии)", любил говорить: "Скорость движения армии определяется скоростью движения обоза". Это было впервые сказано в 1908 г. И в этом слышится что-то пророческое, если вспомнить польскую кампанию Красной армии в гражданскую войну.

Но вернемся к экономике России и одновременно перенесемся в постсталинский период.

После смерти Сталина Советский Союз представлял собой экзотическую картину. С одной стороны, огромный вес и соответственно влияние в мировой политике; с другой — внутренняя структурная несбалансированность экономики. Отсюда главное противоречие: великая держава с нарастающим отставанием по всем социальным стандартам жизни своих поданных от других не только великих, но и просто цивилизованных стран. Сталин снимал это противоречие с наивностью политического пахана: создавал железный (информационный) занавес между двумя системами. Это было дорого, но, главное, бесперспективно, если учитывать направления научно-технического прогресса и прежде всего начавшуюся именно после второй мировой войны революцию в области информатики. Но предвидение этих процессов было недостижимо для интеллекта Сталина, обращенного своим острием в опыт средневековья.

На Хрущева свалилось тяжелое наследство (впрочем, как мы все знаем, не свалилось, а было захвачено в смертельной схватке с другими царедворцами, каждый из которых, включая победителя, не имел никакого представления о реальных проблемах страны, но понимал, как вкусна власть).

В экономической сфере (о политической, идеологической, международной написано много) деструктивные элементы сводились к четырем крупным блокам.

¹ Консерватизм царизма выразился в экономической области в первую очередь в том, что столыпинские реформы были заторможены, а их автор убит охранкой, невзирая на высокий государственный пост. Связь российского консерватизма с экстремизмом прекрасно выразил Л. Троцкий, отметивший, что "если бы реформа Столыпина была завершена, русский пролетариат не смог бы прийти к власти в 1917 году".

1. Гипертрофия военно-промышленного комплекса. Геополитические амбиции Советского Союза привели к фантастическому разрастанию всех отраслей производства, которые прямо или косвенно были связаны с содержанием армии или обслуживанием процессов создания и тиражирования военной техники.

2. Диспропорция между развитием сырьевых и обрабатывающих отраслей промышленности. Низкий технический уровень последних обуславливал необходимость большого расхода первичных ресурсов на единицу конечной продукции (в 5—6 раз больше, чем в развитых странах Запада).

3. Катастрофическое состояние сельского хозяйства по всем мыслимым параметрам: производительность труда, уровень жизни сельского населения, степень механизации, электрификации, развития транспортной инфраструктуры и т.д. и т.п.

4. Убогое состояние промышленности, производящей предметы массового спроса населения, сферы бытовых услуг, а также здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения и других форм социальных гарантий жизни граждан.

Эти деформации производственной структуры, накапливавшиеся годами под действием таких катализаторов, как социалистическая индустриализация, коллективизация, вторая мировая, а затем "холодная" война, превратили советскую экономику в систему, малоспособную к динамичному развитию, имеющую такое количество узких мест и критических точек, что ее выживание без развязывания третьей мировой войны находилось под большим сомнением.

Конечно, был шанс (скорее теоретический) реструктуризации советской экономики в тот период. Но для этого надо было, во-первых, резко изменить внешнеполитическую и военную доктрины.

Но ни один лидер "сталинского разлива" (а иных не было) не мог даже этого представить в условиях, когда страна вышла на передовые рубежи в области ракетостроения. Во-вторых, следовало кардинально переориентировать инвестиционную политику на ускоренное развитие потребительского сектора. В-третьих, на базе наукоемких производств, целиком сконцентрированных в военно-промышленном комплексе, необходимо было начать создание высокотехнологичного экспортного сектора гражданской экономики.

Правящая партийная верхушка страны в силу своего ничтожного интеллектуального уровня, полной идеологической зашоренности ни на что подобное пойти не могла. Максимум экономического реформаторства составила целинно-кукурузная кампания. Лишь после ухода с политической арены Хрущева была предпринята попытка, оставаясь в рамках коммунистической идеологии, несколько реформировать меха-

низмы управления экономикой на базе использования (весьма ограниченного) рыночных регуляторов (так называемые косыгинские реформы). Это был робкий шаг к созданию смешанной экономики, к практической реализации идей теории конвергенции. Советский экономический монстр на удивление чутко отреагировал на эти попытки отступить от жесткого всепроникающего централизованного планирования. Экономические показатели развития народного хозяйства в 1966—1968 гг. заметно улучшились. Казалось бы, развивай реформы, шаг за шагом расширяй узкие места, устраняй зоны напряжения и повышенного риска срывов хозяйственной системы. Однако это все не для русского человека, особенно большевика. Кропотливая работа не для него. Тут же был создан образ врага в лице чехословацких коммунистов, забежавших в своих реформах на полметра вперед. Роль жандарма куда как привычнее, чем роль реформатора. Одной рукой "пражскую весну" задушили, а другой — прихлопнули экономические реформы в своей стране. Об этой второй стороне победы реакционных сил в социалистическом лагере почти никто не говорил. Все были потрясены (и справедливо) танками на улицах Праги. Но идеологические гусеницы этих танков раздавили ростки российского реформаторства.

Однако идеологи не всеильны. Они, конечно, многое могут затормозить или ускорить, но лишь на очень ограниченном отрезке времени. Если экономика в кризисе, то заклинания фанатиков ее не спасут. Что же тогда продлило жизнь централизованному плановому хозяйству? Ответ прост — нефть и газ. Коммунисты в очередной раз "на халяву" получили подарок судьбы, вытащили счастливый билет. Открытие крупномасштабных запасов энергоносителей помогло продержаться одряхлевшей социально-экономической системе еще более двух десятилетий. Здесь как нельзя кстати "сыграл на СССР" и искусственно созданный на мировых рынках так называемый энергетический кризис, в основе которого лежало стремление установить монопольно высокие и, следовательно, выгодные для стран-производителей цены на нефть. К этому следует добавить и то, что ускоренное развитие капиталоемких производств, связанных с разработкой уникальных природных ресурсов, практически всегда требует (и это показывает опыт многих стран) государственной поддержки и централизации управления. Так что загрузившие было идеологи планового хозяйства получили в эти годы своеобразный нефтегазовый допинг. Структурный кризис — эта хроническая болезнь российской экономики — в который раз была загнана внутрь.

Когда наконец советский социализм как господствующая идеологическая система рухнул, вновь затеплилась надежда на выход России из системного экономического кризиса. И эта надежда имела основа-

ния, поскольку одним из лозунгов новых российских реформ стал лозунг **стабилизации** экономики.

Однако весьма скоро выяснилось, что термин "стабилизация" понимался российскими реформаторами 1992 г. и последующих лет весьма своеобразно и крайне узко. Вся проблема устойчивого, умеренно рискованного развития с минимизацией вероятности кризисных срывов (узких мест), точек социальных и экономических перегрузок, вся эта комплексная и многоплановая задача выхода общества из тупика была сведена к так называемой финансовой стабилизации. Успех или неудача политики финансовой стабилизации, если отбросить словесную шелуху, отслеживались по двум параметрам: темп инфляции и размер бюджетного дефицита. Уже само упрощение проблемы измерения оценки здоровья экономики, сведение ее всего к двум параметрам должно было насторожить. Это очень напоминает медицину раннего средневековья, когда температура больного и динамика веса его тела были чуть ли не единственными индикаторами состояния больного. Но при современном уровне развития фармакологии сбить температуру или обеспечить прибавку веса можно десятком способов, не имеющих, однако, никакого отношения к истинному лечению болезни.

Так оно и получилось. Финансовая стабилизация, понимаемая столь примитивно, а главное, оторванная от анализа других факторов, определяющих реальную социально-экономическую стабильность, стала предметом широких политических спекуляций. Серьезная экономическая проблема стабилизации была низведена до уровня языкового штампа в политической демагогии.

Однако экономика "равнодушна" к политическим ярлыкам. Есть действия (конкретная хозяйственная политика) и есть социально-экономический результат. Как бы ни назывались действия: "шоковая терапия", "демократические реформы", "стабилизационная политика", единственным критерием оценки может быть только экономический результат. Поэтому и реформаторская экономическая политика должна анализироваться с позиций реального выхода, а не априорно навешенных на нее политических лозунгов. Попробуем именно с этих объективных позиций посмотреть на результаты первого пятилетия реформирования российской экономики. При этом не будем забывать, что официальной целью реформ было преодоление скатывания российской экономики к хаосу, стабилизация на базе создания цивилизованного рыночного хозяйства и обеспечение устойчивого сбалансированного экономического роста. Пройти эти три этапа предполагалось сначала за год (1992). Потом каждый приближающийся новый год объявлялся годом грядущей стабилизации (т.е. годом выхода на второй этап). В связи с этим, если вспомнить традиции большевистских

идеологов, считавших своим долгом дать название каждому этапу "строительства коммунизма", пятилетку 1992—1996 г. можно назвать **пятилеткой непрерывно грядущей стабилизации.**

Итак, что же произошло за эти годы на самом деле?

В области производства произошли изменения, сопоставимые с военной катастрофой страны, потерпевшей жестокое поражение. Валовой внутренний продукт России в 1996 г. составлял, по официальным данным МВФ, Всемирного банка, ОЭСР, лишь 53 % от уровня 1989 г. Инвестиционная активность в реальном секторе экономики сократилась втрое. Основной удар пришелся на высокотехнологичные сферы производства. Практически прекратили свое существование отрасли по производству станков с программным управлением, оборудования для средств связи и телекоммуникаций, бытовых телевизоров, радиоприемников и вообще бытовой электротехники; были свернуты космические программы, в том числе и гражданской ориентации, прекратилось производство медицинского оборудования и т.д.

Все это произошло под предлогом неконкурентоспособности этих и аналогичных им производств, а также невозможности оказать бюджетную поддержку в деле их модификации. Конечно, японские телевизоры лучше российских, возможно даже, что они лучшие в мире. Но чтобы их покупать, надо что-то продавать. Что же может продать Россия? Как и 20 лет назад: нефть, газ, алмазы, золото, лес. Иными словами, только невозпроизводимые сырьевые ресурсы, обладающие неприятным свойством истощаться. А если бы этими ресурсами Бог Россию не одарил? Страна либо сидела бы без телевидения вообще, либо все-таки производила свои, пусть хуже "соневских", телевизоры и телекамеры и думала, как выйти на новый уровень качества продукции. Значит, палочка-выручалочка у реформаторов та же, что и у большевиков. Только они на нефтедоллары строили ракеты и Белый дом, а реформаторы закупают сникерсы, памперсы и восстанавливают храм Христа Спасителя.

О какой же стабилизационной политике может говорить правительство, уничтожающее своего национального товаропроизводителя?

Другим дестабилизирующим фактором общественной жизни России стало фантастическое расслоение населения на богатых и бедных. Шоком для граждан России явилось все: во-первых, сам факт появления и открытой демонстрации контрастов, во-вторых, скорость, с которой это расслоение произошло, и, в-третьих, необъяснимость причин богатства одних и бедности других (во всяком случае, в рамках рационального мышления). К этому вопросу мы еще вернемся в другом контексте. Здесь же хотелось бы обратить внимание читателя только на несколько цифр. Соотношение в уровнях среднедушевого дохода 10 % наиболее богатого населения и 10 % наиболее бедного

составляло в дореформенном 1991 г. 5,4 раза, в 1992 г. — уже 8,7, а к концу 1993 г. — 11,4 раза и т.д. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума в 1991 г. составляла 17 млн. человек (11,7 % общей численности населения), а к декабрю 1992 г. — уже 42 млн. человек (28,2 %). Но, может быть, это необходимые издержки "шоковой терапии", после которой больной быстро идет на поправку? Ничего подобного. В 1997 г., по данным Госкомстата России, 30,7 млн. граждан (21 %) имели доходы ниже минимума. То есть живущих за порогом бедности после пяти лет реформ все еще почти в два раза больше, чем при коммунистическом режиме. Что касается разрыва между бедностью и богатством, то итогом "пятилетки непрерывно грядущей стабилизации" явилось то, что в 1997 г. на долю 10 % самых богатых граждан приходилось 31,7 % всех денежных доходов населения, а на долю 10 % самых бедных — 2,4 %. Так что можно с уверенностью констатировать достижение стабильной социально-экономической нестабильности.

В предыдущих главах этого раздела книги подчеркивалось, что одним из показателей дестабилизации социально-экономической системы выступает степень аварийности, вероятность возникновения срывов в системе, сначала на микроуровне, а потом, по мере накопления мелких аварийных ситуаций, переход нестабильности на следующий, более высокий уровень. По этому показателю социально-экономическую систему, расположенную на территории бывшего СССР, можно отнести к зоне перманентно нарастающей аварийности. Причина всегда одна — нет денег на профилактику, на предупредительные текущие ремонты, все устаревает, амортизационные фонды либо не начисляются в необходимых размерах, либо используются не по назначению. После трагедии на Сахалине выяснилось, что с 1991 г. в стране было закрыто 52 сейсмические станции, в 5 раз снизилась точность определения масштабов землетрясений.

Можно было бы занять десятки страниц перечислением аварий, вызванных несвоевременным выделением средств на их предотвращение. Это и взрывы на нефте- и газопроводах, и разливы нефти в результате аварий танкеров, и железнодорожные катастрофы, и критически возросшая аварийность на российских авиалиниях, и отключение теплосетей в целых микрорайонах больших мегаполисов... Поэтому позволю себе дать только одну зарисовку, вернее, фотографию одного месяца (с 1 по 30 апреля 1997 г., Россия): количество чрезвычайных ситуаций за один месяц — 130, пострадавших — 10 497 человек, погибших — 147¹. Более четырех чрезвычайных ситуаций на общероссийском уровне в день — это, конечно, впечатляет. Но больше всего впечатляет то, что эти ситуации не возникли бы, если бы в соответст-

¹ См.: Известия. 1997. 7 мая.

вии с техническими условиями проводились все необходимые профилактические работы. И этот момент хотелось бы подчеркнуть особо. Статистические данные свидетельствуют, что экономия на текущем ремонте оборачивается расходами на ликвидацию аварий, превышение которых над затратами на профилактику исчисляется в среднем в размере 10^6 , а при авариях, связанных с выбросом нефти и отравляющих веществ, — 10^{10} — 10^{12} . Иными словами, сэкономишь рубль на профилактическом ремонте, потеряешь десятки миллионов рублей на ликвидацию аварии. И чем больше сэкономишь на текущем ремонте и тут, и там, тем больше вероятность наступления момента, когда "все посыпется", т.е. аварии пойдут одна за другой и уже не хватит никаких средств, никаких резервов, чтобы скомпенсировать ущерб от последствий аварийных ситуаций.

Если система управления общественной системой мгновенно не отреагирует на возникшие симптомы распада резким увеличением инвестиций в стабилизирующие звенья системы, то начинается нарастание вероятности срыва сначала в уже обозначившихся узких местах, затем в геометрической прогрессии растет количество самих этих мест. Экономика и общество оказываются в состоянии катастрофы. При этом надо различать две реальные ситуации: система находится в предкатастрофическом состоянии и катастрофа уже состоялась, т.е. система распалась. Первая ситуация означает, что ва-банковская политика привела к такому уровню накопления дестабилизационного потенциала в системе, при котором у нее нет достаточных внутренних ресурсов, чтобы погасить нарастание рисков срыва. Вероятность неблагоприятной реализации последних приближается к единице. Иными словами, при нарастании вероятности одновременного наступления большого числа срывов в системе она может оказаться перед фактом острой нехватки средств для ликвидации срывов. Тогда и начинается распад, атомизация социально-экономической системы. Ва-банковская политика, русское "авось" приводят к разрушению иммунной системы общества, ликвидируют его внутренние адаптационные механизмы.

Реформы, во всяком случае на первом пятилетнем интервале, показали, что их внутренняя цель состояла отнюдь не в стабилизации экономической системы, не в преодолении структурного кризиса, а в чем-то другом. Не будем фантазировать, в чем.

Важно, что не состоялось. К сожалению, ни одна из диспропорций, унаследованных от сталинского режима, не была преодолена или хотя бы смягчена.

1. Гипертрофия военно-промышленного комплекса не переросла в поэтапную программу конверсии. Эту программу бросили на произвол судьбы (опять русское "авось") и в плане идейном (разработка

концепции), и в плане материальном (нахождение источников финансирования).

2. Гипертрофия сырьевых отраслей относительно перерабатывающего комплекса усилилась многократно из-за слабой, но все-таки экспортотенции первых и полной экспортимпотенции второго.

3. Сельское хозяйство оказалось в положении супераутсайдера. Ведущее место в производстве картофеля, овощей, фруктов, бахчевых культур заняли так называемые подсобные хозяйства, т.е. маленькие приусадебные наделы (2—4 сотки). В производстве зерновых культур (пшеница, рожь, ячмень и др.) пальму первенства, естественно, — продолжали сохранять бывшие колхозы/совхозы, ныне — АО. Общий объем сельхозпродукции упал на треть.

4. Производство товаров народного потребления сократилось в четыре-пять раз. Особенно тяжелый кризис обрушился на обувную, хлопчатобумажную, кондитерскую промышленность. Рухнула сфера услуг. Почему-то все крупные города России остались в одночасье без официальных услуг такси, прачечных, междугородной телефонной связи и почты. Идеологически и практически капиталистическая система не отвергает этих услуг (только плати). Но в России переход к рынку почему-то увязали с полным развалом системы коммунальных услуг, хотя при этом не забыли многократно повысить цены и тарифы на них.

5. Убогость экспортного сектора российской экономики после развала восточно-европейского союза стала утрированной. Экспорт машин и оборудования в страны Восточной Европы мгновенно прекратился отчасти потому, что он был навязан политической волей СССР, а отчасти из-за амбиций стран Восточной Европы, возмнивших, что их продукцию можно эффективно сбывать на мировых рынках. Даже если мои предположения могут быть поставлены под сомнение, неопровержим следующий факт: структура российского экспорта стала еще более сырьевой, причем одиозно сырьевой — буквально два-три товара определяют все. О какой стабильности здесь можно говорить?

Таким образом, реформаторы не только не захотели решить проблемы структурного дисбаланса советско-российской экономики (может быть, просто не заметили этой проблемы по причине своего "профессионализма"), но за годы реформаторства целенаправленно эти проблемы обострили.

**КАК ЭТО БЫЛО.
ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПО-РОССИЙСКИ**

Глава 1
Политический Колумб

Глава 2
**Экономическая программа
Президента – отвергнутый шанс
ускорения реформ**

Глава 3
Тень партии над реформами

Глава 4
«500 дней» до капитализма

Глава 5
**Экономические реформы –
разменная карта
в политической игре**

Политический Колумб

Весьма трудно определить, насколько наши желания — так же как и мысли и чувства — не являются нашими собственными, а навязаны нам со стороны; и эта специфическая трудность тесно связана с проблемой власти и свободы.

Эрих Фромм

Коммунисты — как Христофор Колумб: когда отправляются, то не знают, куда. Когда прибывают, то не знают, где они. И все это за чужой счет.

Уинстон Черчилль

Сколько бы мы ни говорили об исторической обреченности социалистического эксперимента в России, это не снимает многих вопросов по поводу того, почему исторический процесс завершения эпохи социализма происходил именно в таких, а не в иных формах?

Процесс преобразования системы, приведший к ее быстрому распаду, начался сверху. Режим тотальной слежки за инакомыслием, преследование не просто свободомыслия, а любых отклонений даже в форме изложения разрешенных взглядов, историческая память о сталинских репрессиях породили оцепенение и страх во всех слоях общества. Боялись поднять голос в защиту элементарных свобод не только российские интеллигенты, но и ныне свободолобивые прибалты, украинцы, молдаване. Термин "забастовка", а тем более "политическая забастовка" отсутствовал в словаре рабочих. Молодежь активно осваивала уроки политического цинизма — думать одно, говорить другое. Режим прогнил, но прогнила и политическая мораль, атрофировалось чувство индивидуальной ответственности за состояние социально-политической среды обитания человека. Выдающиеся диссиденты — Сахаров, Солженицын, Григоренко, Буковский, Бродский, Максимов, Зиновьев и несколько десятков столь же или менее известных имен — лишь подчеркивали общее маразматическое состояние общества и особенно его творческой части. Руководство КПСС и КГБ в своих

акциях против инакомыслия преследовало совершенно определенную цель: запугать всех потенциально недовольных режимом. Власти, говоря юридическим языком, осуществляли по отношению к диссидентам действия, превышающие необходимую самооборону.

В такой обстановке трудно было надеяться, что политическое лицо страны начнет изменяться в результате формирования демократической оппозиции властям. И тут на вершине власти появилась фигура Михаила Горбачева...

В России по-разному относятся к Михаилу Горбачеву. Период восхищения прошел задолго до того, как он покинул пост президента. Более того, 1991 г. — последний год пребывания Горбачева в Кремле — это время, когда он растерял всех своих сторонников. Однако интерес к личности Горбачева после его ухода из Кремля сохраняется. О нем много говорят и спорят как о человеке, написавшем одну из наиболее ярких и трагических страниц истории России. Практически все сходятся на том, что возрождение Горбачева как политической фигуры первой величины уже невозможно. И может быть, именно поэтому у людей возникает потребность объективно оценить роль Горбачева в развале империи и крахе коммунистической идеологии.

То, что роль эта огромна, признают и те, кто продолжает ненавидеть Горбачева, и те, кто вновь начинает ему симпатизировать. Горбачев с его идеями перестройки явился мощным катализатором таких глубоких изменений, о которых еще четыре-пять лет назад даже не смели думать как о близкой реальности самые крупные политологи-антикоммунисты. Лидер коммунистической сверхдержавы своими руками зажег бикфордов шнур, тянущийся к mine, которая разнесла на куски "империю зла". В историю Горбачев войдет как коммунист, разрушивший коммунизм.

Однако загадка Горбачева состоит в том, насколько осознанно он шел к полученным результатам. Разуверился ли он в реальном социализме и коммунистическом идеале, прежде чем начал перестройку? Насколько его просоциалистическая фразеология была формой мимикрии, защитным панцирем от консервативных соратников в партийном и государственном руководстве страны?

Многие сейчас задают вопросы самому Горбачеву. Однако он уходит от прямого ответа. Возможно, он никогда не заговорит на эту тему, а если и заговорит, то нет гарантии, что ответы его будут искренними. Слишком долго он их обдумывает.

Мое долгое общение с Горбачевым, наблюдения за его поведением за кулисами политического театра, разыгрывающего официальный спектакль для публики, позволяют высказать свою версию решения загадки личности Горбачева. Думаю, что Горбачева можно назвать

"политическим Колумбом". Христофор Колумб сделал великое географическое открытие для европейских народов. Но он хотел открыть совсем другое. Не случайно многие годы европейцы называли Америку Вест-Индией. Горбачев также совершил великое дело в политической истории XX в. И так же, как Колумб, он сделал не то, что хотел. Горбачев войдет в историю как выдающийся реформатор. Но он хотел реформировать советский социализм, реабилитировать коммунистическую идею в глазах мирового сообщества, доказать гражданам Советского Союза, что, несмотря на кровавую семидесятилетнюю историю их страны, жертвы были не напрасными. Опыт перестройки показал, что система тоталитарной коммунистической власти реформированию не поддается. Она может быть такой, какой она есть, или развалиться. Промежуточные варианты нежизнеспособны.

Конечно, легче всего критиковать Горбачева теперь, когда все мы являемся свидетелями гибели коммунистического монстра, этого детища XX в. Значительная часть советских людей поколения Горбачева (а также людей лет на 7—10 старше и моложе его) испытали на себе почти одинаковую трансформацию идеологического видения окружающего мира. Сначала априорная вера в схему, внушаемую человеку машиной коммунистической пропаганды; затем столкновение с действительностью и осознание примитивности и демагогического характера идеологических клише коммунистической партии; далее — попытка усовершенствовать социализм и спасти социалистическую идею от ее сталинских, хрущевских, брежневских извращений; и, наконец, понимание несовместимости марксистско-ленинской концепции организации общества с принципами демократии и гуманизма.

Среди политизированной части российских интеллектуалов лишь немногие прошли все четыре ступени. Некоторые остановились посередине, а кое-кто и на первой ступени. По уровню произошедшей с людьми идеологической метаморфозы их можно классифицировать на фанатиков-коммунистов (первая ступень), политических циников из числа бывших партийных функционеров (вторая ступень), социал-демократов советского происхождения (третья ступень) и людей, отдающих себе отчет в том, что гигантский социальный эксперимент коммунистов закончился полным провалом, что Россия должна выйти на основную дорогу мировой цивилизации, изживая шаг за шагом наследие коммунистического режима (четвертая ступень).

В 1985 г., к моменту прихода к власти, Горбачев психологически был готов шагнуть на третью ступень. Но при этом, начиная свой путь реформатора социализма, он не имел ни программы действий, ни сколько-нибудь многочисленной команды единомышленников. Окруженный плотным кольцом партийных работников, сам выходец из

этой среды, Горбачев начал делать ставку на менее идеологизированных прагматиков из партийного аппарата. Он побоялся обратиться за помощью к людям, уже стоявшим в то время на четвертой ступени, т.е. к тем, кто сумел противостоять коммунистической системе промывания мозгов и имел свою концепцию или хотя бы разрозненные соображения о путях формирования посткоммунистического общества.

Ни о каком посткоммунистическом обществе Горбачев и не думал. Его задача была — укрепить социализм, придав ему гуманистический облик, синтезировав его с некоторыми элементами западной демократии: свободой слова, альтернативными выборами в парламент. Но как раз здесь и заключалась ошибка Горбачева. Социалистическое мировоззрение, опрокинутое на российскую почву, породило такого социалистического мутанта, как "реальный социализм", который в принципе не мог выдержать никакой конкуренции с любой альтернативной программой организации и развития общества. Присущие советскому социализму тоталитаризм, цензура печати, всеислие политической полиции, преследование инакомыслия являются следствиями интуитивного осознания руководящей верхушкой общества неконкурентоспособности возглавляемой ею социальной системы.

Вера в демократический социализм сыграла злую шутку с Горбачевым. Он так и ушел в отставку, продолжая одобрять плюрализм мнений "в рамках социалистического выбора", отрицая преимущества частной собственности. Нереальность поставленных целей, неспособность Горбачева шагнуть на новую ступень политического мышления выбила его из седла.

Мне кажется, что Горбачев войдет в историю как политический идеалист, попытавшийся почти в одиночку трансформировать тоталитарную систему, воспользовавшись свойствами самой этой системы: жесткой вертикалью власти, дисциплиной партийных и хозяйственных функционеров, централизованным контролем над средствами массовой информации. Но любая попытка придать "человеческий облик" режиму оборачивалась потерей контроля над системой. Возникло два вектора социальных сил. Один противодействовал распаду системы. Его влияние на Горбачева было примитивным. Консерваторы эксплуатировали чувство страха, которое пронизывает любого человека, воспитанного системой, а тем более знающего внутренние механизмы ликвидации "белых ворон" в системе.

А что же радикалы? Их долгое время угнетал комплекс неполноценности в оценке действий Горбачева. Некоторые политические свободы, появившиеся в начале горбачевской перестройки, были дарованы "сверху", а не завоеваны демократами. На равных с Горбачевым

мог вести диалог, пожалуй, лишь один Сахаров. Все остальные "борцы с тоталитарным режимом" имели в своих послужных списках до 1985 г. аллилуйщину в адрес этого самого режима. Они стали "радикальными демократами" только после того, как Горбачев гарантировал неприменение репрессий. Этот своеобразный "эдипов комплекс" демократов определил их стратегическую оппозиционность к "отцу перестройки".

В этой обстановке Горбачев как политическая фигура был обречен. На политическую авансцену России вышли новые люди.

* *
*

Моя первая встреча с Михаилом Горбачевым состоялась 6 июля 1984 г. Тогда он занимал должность второго секретаря ЦК КПСС, а первым, генеральным секретарем партии был Черненко. Эта встреча была для меня неординарным событием. Дело в том, что до этого я ни разу не разговаривал ни с одним членом Политбюро, а тем более с секретарем Центрального Комитета партии. В партийной верхушке существовала очень жесткая иерархия, а пробиться на прием к тому или иному лицу, пропустив хотя бы одну ступеньку в этой бюрократической структуре, было невероятно сложно. Символично, что вопрос, который предстояло обсудить на совещании, касался частичной либерализации розничных цен. Уже тогда всех специалистов очень волновала проблема возрастающих дотаций в сельскохозяйственном производстве. Издержки в производстве сельскохозяйственных продуктов неуклонно росли, а объемы их производства топтались на месте. Возникла проблема: что делать с нарастающими дотациями, поскольку они все тяжелее и тяжелее ложились на бюджет? Уже тогда бюджет страны был в дефиците, хотя этот факт ловко скрывался от общественности, и в ежегодных докладах министра финансов о состоянии бюджета подчеркивалось, что союзный бюджет всегда сводится с превышением доходов над расходами. На этом совещании я впервые узнал из уст тогдашнего министра финансов Гарбузова, что на самом деле это далеко не так, что это обман и блеф, что истинное положение вещей скрывается. Ранее я мог только догадываться, что именно так обстоят дела, но на совещании я получил действительное подтверждение этому из уст человека, который отвечал за составление и исполнение государственного бюджета.

Но вернемся все-таки к первому впечатлению от встречи с Горбачевым. Впечатление это было исключительно положительным. Он выглядел человеком очень общительным, быстро реагирующим на те или иные аргументы, склонным к шутке. Это поражало в поведении Горбачева, поскольку общение с партийными бюрократами значитель-

но более низкого уровня всегда происходило в очень чопорной атмосфере, всегда партийный функционер вел разговор сверху вниз, это входило в стиль общения с рядовыми членами партии, а тем более с беспартийными. Здесь же ничего этого не было. Но самое главное, что удивило меня при этой встрече, заключалось в другом. Я почувствовал, что Горбачев специально готовился к этой встрече. Он был достаточно хорошо информирован о проблеме, был знаком с различными точками зрения на ее решение. И это было совершенно новым для меня. Оказывается, проблема в общих чертах была уже понятна Горбачеву, и мы сразу приступили к работе, своеобразной мозговой атаке на вопросы политики розничных цен, дотаций на сельскохозяйственную продукцию. Беседа продолжалась около трех часов, что было тоже необычным. Как мне рассказывали, обычно, встречи такого характера проходили в течение максимум получаса. Здесь же было впечатление, что вообще ограничений на длительность встречи нет, а есть только желание разобраться в проблеме. Я покинул кабинет Горбачева в очень оптимистическом настроении. Единственно, что смущало, — встреча не завершилась никакими практическими результатами. Но тогда я не придал этому значения.

После этой встречи почти шесть лет мы с Горбачевым не общались. За это время произошли очень существенные события в истории развития нашей страны. Апрель 1985 г. с приходом Горбачева к власти ознаменовался большими надеждами на перемены. Уже в первых своих выступлениях Горбачев дал понять, что он сторонник самых радикальных политических и экономических реформ. И это радовало, это обнадеживало. Однако довольно быстро выяснилось, что в области экономики у Горбачева и тогдашнего его окружения нет четкой программы действий.

Главное, что волновало Горбачева и его окружение, — это падение темпов экономического роста. Совершенно очевидно, что это падение было связано с супермилитаризацией советской экономики. Огромные военные расходы, которые были обусловлены принятой военной доктриной, приводили к разорению гражданского сектора. По сути дела, военный монстр пожирал советскую экономику. Она изнемогала от давления инвестиций в оборонную промышленность, уже не могла выдержать огромные расходы на содержание армии. В этой ситуации возникла идея обеспечения "ускорения" развития советской экономики. Главное для Горбачева и его команды было преодолеть тенденцию падения производства, ничего не меняя в военных расходах, а может быть, даже наращивая их. Этот аспект политической концепции сыграл негативную роль на первых этапах преобразований. Сама по себе идея ускорить экономическое развитие, не снижая военного потенциа-

ла, была обречена на провал. Проводилась эта линия на первых этапах чисто административными методами, которые тоже, по сути дела, были бесперспективными. В области сельского хозяйства Горбачев занялся созданием Агропрома, что приводило к еще большей концентрации центральной власти, к еще большей централизации системы управления сельским хозяйством, закреплению приоритета колхозно-совхозного производства. Ни о каком развитии фермерских хозяйств, тем более ни о какой частной собственности на землю тогда и речи не было. Социалистический выбор и колхозно-совхозная система ведения сельского хозяйства были вне критики. Что касается промышленности, то здесь была предпринята попытка административного контроля за качеством производимой продукции. Отсутствие конкуренции имело своим результатом резкое снижение качества продукции. Диктат производителя на потребительском рынке и на рынке средств производства привел к полному исчезновению каких-либо стимулов улучшения технических и экономических параметров выпускаемой продукции. И вот люди, окружавшие в то время Горбачева, предприняли попытку каким-то образом административно контролировать качество выпускаемой продукции. Был введен институт так называемой государственной приемки продукции. С целью реализации этой программы создавались многочисленные комиссии по оценке качества производимой продукции на каждом предприятии для проверки соответствия технических параметров готовой продукции тем государственным стандартам, которые утверждались централизованно в министерствах и ведомствах. Если продукция не соответствовала утвержденным стандартам, производство приостанавливалось, от администрации предприятия требовалось провести изменение технологии выпускаемой продукции или достичь необходимого качества. Конечно, такие методы работы были заранее обречены на провал. Огромное количество, буквально армия контролеров не могла изменить ситуацию. Это был театр абсурда. Таким образом, совершенно очевидно, что Горбачев пришел к власти с пустым портфелем в части идей реформирования экономики. На дне этого портфеля лежал мусор тоталитарных методов проведения экономической политики. Горбачев первые годы своего правления был глух к музыке рыночной экономики.

К концу 1986 г. стало совершенно очевидно, что надо вернуться к идее глубоких экономических реформ, к идее перехода к рыночной экономике. Положение осложнялось еще и тем, что на рынке потребительских товаров кризисные явления становились все более заметными. Закупки по импорту продовольствия и ширпотреба оставались на низком уровне. К тому же была развернута идеологическая кампа-

ния, которая получила название "антиалкогольной". Руководство страны в демагогических целях объявило войну производству и потреблению алкоголя в стране. Формальным мотивом этих действий было благородное желание сократить потребление алкоголя на душу населения.

Осуществлялась кампания в худших традициях администрирования и идеологической кампанейщины. Уничтожались виноградники, на которых десятилетиями выращивалось сырье для коллекционных вин, людей унижали многочасовыми очередями в винные отделы магазинов, издевались над многовековыми традициями, насаждая безалкогольные свадьбы и поминки. И непосредственно на Горбачева легла ответственность за этот политический маразм, поскольку он возглавлял страну и КПСС. А между тем резкое сокращение расходов населения на приобретение алкогольных изделий образовало бюджетную дыру, доходы государственного бюджета резко сократились, а это, в свою очередь, привело к росту его дефицита.

Если бросить общий взгляд на события экономической и политической жизни, которые происходили с апреля 1985 г. до конца 1986 г., то можно сказать, что руководство страны и сам Горбачев действовали по принципу: так жить нельзя, надо что-то срочно предпринимать, но при этом, что бы мы ни предпринимали, мы должны оставаться в рамках тех идеологических штампов, которые получили в наследство от предыдущих коммунистических лидеров. Надо сказать, что Горбачев стремился в тот период как-то вырваться из плена предрассудков прошлого. Но то окружение, в рамках которого он пытался начать реформы, по своим идеологическим установкам, да и по своему возрасту совершенно не выглядело как реформаторское. Его окружали такие люди, как Романов, Громыко, Соломенцев, Долгих, Капитонов. Это были продукты брежневского этапа политической жизни Советского Союза. Они не только не понимали, но и не способны были понять необходимость преобразований. И Горбачев постепенно стал освобождаться от этих фигур. Это приветствовалось интеллигенцией, политически активной частью населения. В то время я был далек от Горбачева и поэтому не знал, каких усилий потребовал от него этот процесс. Лишь значительно позже я слышал рассказы Горбачева о том, как не хотели уходить в отставку эти монстры брежневского периода.

Но не только старое окружение мешало Горбачеву быстро нащупать почву реформ. Любопытно, что многократно в течение всего шестилетнего периода вплоть до 1991 г. Горбачев в своих выступлениях и беседах говорил о том, что "когда мы начинали реформы, мы многого не знали, мы не знали о глубине поразившего нас кризиса". Я думаю, что это были откровенные высказывания. И это наводит на размышления. Дело в том, что Горбачев был не новичок

в верхних эшелонах власти. Он был партийным руководителем крупного региона — Ставропольского края, он долгие годы до своего восхождения на пост первого человека в партии проработал в Москве, находился на очень высоких по тому времени постах. И такой человек не имел полноты картины, не мог себе представить, каково же реальное положение советской экономики!

Этот информационный колпак, под которым постоянно находились почти все руководители нашей страны, это нежелание узнать правду, реальное положение вещей, как мне кажется, характерно вообще для политического строя, созданного большевиками. "Если факты противоречат теории, тем хуже для фактов" — это позиция, восходящая еще к ленинским временам. Точно так же вел себя и Сталин, затем Хрущев и Брежнев. Правду скрывали от народа, но парадокс заключается в том, что правду скрывали и от самих себя. Информационные фильтры ставились на пути руководителя с тем, чтобы он получал ту информацию, которая ему приятна. Постепенно это стало нормой поведения как раз тех служб, которые обязаны четко информировать руководство о происходящих событиях. К сожалению, эта традиция пережила большевиков.

Когда я стал советником Горбачева, я тут же убедился в правоте этого моего наблюдения. Ежедневно мне на стол попадало огромное количество информации, которая предназначалась для Горбачева и параллельно предоставлялась в мое распоряжение. Хотя вся эта информация шла под грифом "секретно" и "совершенно секретно", она в значительной мере представляла собой демагогически препарированные факты, подобранные совершенно под определенную точку зрения и освещающие проблемы только с одной стороны. Поскольку я никогда не порывал связи со своими коллегами, всегда получал информацию от различных кругов демократического движения, я очень легко мог сопоставить реальные факты с их изложением в документах, поступающих к Горбачеву. Более того, я мог легко убедиться, что многие реальные факты политической и экономической жизни просто замалчиваются и не доводятся до сведения первых лиц в государстве. Конечно, я пытался исправить положение, и это мне частично удавалось, но сейчас я не хотел бы в своем рассказе забежать вперед. Важно в данном случае подчеркнуть самоубийственный характер созданной в России системы управления. Жить к концу XX в. в условиях искаженной информации, информационного голода — это значит обрекать себя на гибель.

В этом контексте становятся понятными многие неуклюжие политические шаги наших руководителей и по сей день, становится ясным, в частности, почему так долго, мучительно и в конечном счете безус-

пешно Горбачев нащупывал реальный путь, ведущий к выходу из кризиса. К этому надо добавить идеологические шоры. Партийный аппарат, верхушка партии, ее идеологи в течение десятилетий осуществляли жесткую политику промывания мозгов всего населения Советского Союза. Выстраивалась целая система доказательств преимуществ социализма, в частности, в области экономики. В систему этих доказательств, естественно, входила и дезинформация населения о реальном положении дел в экономике. Был выработан специальный "социалистический" язык, включающий обязательный набор терминов, которые необходимо было использовать и употреблять в пропаганде, и не только в пропаганде, но и для написания научных статей. Через всю эту идеологическую обработку, естественно, проходили и те люди, которые шаг за шагом поднимались на партийный Олимп. Более того, обычно это были те, кто особенно удачно применял партийную фразеологию. К их числу относился, естественно, и Михаил Горбачев.

Можно легко представить, какая внутренняя драматическая борьба происходила в его сознании. С одной стороны, он чувствовал, что нужны изменения, с другой — он был во власти многочисленных идеологических штампов. Неудачи первых полутора лет экономических и политических реформ, очевидно, заставили его серьезно пересмотреть некоторые представления о путях выхода из экономического и политического кризисов в стране. А дела в экономике шли из рук вон плохо.

Банкротство социалистической организации производства было налицо. Пропагандистские лозунги социализма типа "Все — во имя человека, все — для блага человека" рухнули на глазах. Все говорило о том, что нужно искать политические и экономические альтернативы существующему тоталитарному режиму. Такой естественной альтернативой в области политики была демократия, в области экономики — рынок. 1987 г. дал надежду, что Горбачев, пройдя трудный и мучительный путь переоценки ценностей, сделал выбор в пользу демократии и рынка. Этот выбор он зафиксировал в решениях двух пленумов Центрального Комитета КПСС, один из которых состоялся в январе, а другой — в июне 1987 г. На первом пленуме была сформулирована задача построения демократического общества, провозглашена идея свободных выборов в парламент, утвержден курс на гласность, на обеспечение демократических свобод для всех граждан. Хотелось бы подчеркнуть, что толчок политическим реформам дал именно Горбачев, и процесс политических преобразований развернулся очень быстро, в скором времени опередив самого Горбачева. Можно сказать, что перестройка политической жизни и сознания народа осуществля-

лась существенно более высокими темпами, чем перестройка в сознании и мышлении инициатора всего этого процесса, но это стало очевидным значительно позже, к концу 1989 г. Что касается экономических воззрений Горбачева, то они также трансформировались, и трансформировались довольно медленно.

Уже к концу 1986 г. он понимал, что необходим переход к развитию рыночных отношений, и неоднократно высказывался за использование рыночных рычагов в управлении экономикой. Но при этом постоянно подчеркивал, что речь идет об управлении **именно плановой** экономикой. Приведу лишь одну фразу, сказанную Горбачевым на XXVII съезде Коммунистической партии: "Пора преодолеть предубеждения относительно товарно-денежных отношений и их недооценку в практике планового руководства экономикой". Этот тезис весьма характерен для мышления Горбачева в тот период. Для реконструкции рынок необходим, но необходим он только как подспорье к плановому ведению хозяйства. И тем не менее следует признать, что в 1987 г. был сделан серьезный шаг в продвижении экономических реформ. Было реабилитировано само понятие рынка, рассматривались возможности движения к нему, и это был крайне важный шаг.

Однако концепция, предложенная в 1987 г., страдала целым рядом недостатков. Прежде всего вызывала сомнение логика организации механизма проведения реформ. Было провозглашено, что надо раскрепостить деятельность первичного хозяйственного звена: предприятий и объединений, дать им максимальную экономическую свободу. Была выдвинута формула: самокупаемость, самофинансирование, самоуправление предприятий. По мнению авторов этого этапа реформ (а среди них были Абел Аганбегян, Александр Анчишкин, Вадим Медведев, Степан Ситарян), высшие экономические органы управления — Госплан, Госнаб, министерства и ведомства — должны были разработать систему льготных экономических нормативов, в рамках которых предприятиям была бы предоставлена возможность довольно широкой самостоятельности в области выбора инвестиционной политики, установления хозяйственных связей, выработке форм и методов оплаты труда своих работников. Все это внешне звучало чрезвычайно привлекательно. Рассуждения велись в духе господствующей концепции революции "сверху". Однако во всей этой конструкции был и существенный изъян. По сути дела, предполагалось, что огромный командно-административный монстр, созданный десятилетиями, должен был как бы самоликвидироваться, самораспуститься путем последовательного освобождения от обязанностей управления хозяйственными блоками, путем передачи функций управления рыночным структурам. Но при этом сами эти рыночные структуры не создавались.

Более того, ничего не предполагалось сделать в области демонополизации производства. В этих условиях самостоятельность предприятий, обещанная июньскими реформами 1987 г., по сути дела, создавала не конкуренцию, а монопольный эффект. Крупные предприятия и объединения в условиях диктатуры производителя освобождались от ценового контроля со стороны центральных органов и выходили непосредственно на потребителя, не защищенного ни антимонопольным законодательством, ни конкуренцией. В предложенной в 1987 г. схеме проведения реформ был и другой очень существенный изъян, приведший в конечном счете к глубочайшему политическому кризису в стране.

В этой схеме, по сути дела, сохранялись отраслевые министерства как органы управления экономикой. А ведь именно отраслевые министерства всегда составляли стержень сталинского государственного управления экономикой. Они внутренне были приспособлены для проведения мер, опровергающих рыночную логику развития.

Рынок и система управления на базе отраслевых министерств — это две антагонистические формы управления. В основе власти министерств всегда лежали дефицит, карточная система, фондовое распределение ресурсов и готовой продукции. Все звенья административной хозяйственной системы работают как раз на нерыночной основе. И было бы естественно предположить, что административная структура управления, в том числе министерства, сделают все, чтобы провалить курс на формирование в стране сбалансированного рынка. Сами же создавая дисбалансы, они ими и оправдывали право на свое существование.

Нереалистичность избранного пути реформирования систем управления экономикой вскоре подтвердилась на практике. Вместо реальных действий по расширению самостоятельности предприятий министерства и ведомства начали издавать одно за другим постановления о собственной самореорганизации. По сути дела, эти документы, рождавшиеся один за другим, как грибы после дождя, ничего существенного не меняли в функциях министерств и ведомств, сохраняли за собой право вмешательства во внутренние дела предприятий, право жесткого фондирования ресурсов. Премьер-министр Николай Рыжков и его команда стали действовать бесконтрольно, развернули кипучую деятельность, создающую видимость выполнения указаний Горбачева о проведении широких экономических реформ, а по сути дела, спасали старые управленческие структуры. Буквально в считанные месяцы Рыжков создал огромный аппарат Совета Министров, включавший порядка 2 тыс. сотрудников. К весне 1989 г. Горбачев, как мне кажется, понял, что он возлагал слишком большие и в основном неоправдав-

шиеся надежды на Николая Рыжкова. Надо сказать, что кругозор Николая Рыжкова сохранился на уровне генерального директора крупного объединения. Как известно, путь многих хозяйственных функционеров был довольно однообразен. Их карьера начиналась с самых низов, иногда с рабочего, иногда — с молодого специалиста, пришедшего на завод из института. Затем различные ступени: начальник цеха, заместитель генерального конструктора, генеральный конструктор и, наконец, генеральный директор объединения. Примерно этот путь прошел и Рыжков. Вслед за должностью генерального директора объединения последовал вызов в Москву, где ему предложили сначала кресло заместителя министра, затем — заместителя председателя Госплана, затем — секретаря Центрального Комитета КПСС по экономике и, наконец, Председателя Совета Министров СССР. Карьера столь же блестяща, сколь и типична.

Во главе хозяйственных ведомств и прежде всего Государственного планового комитета, Комитета по снабжению оказывались, как правило, люди с техническим образованием, вся жизнь которых была связана с производственными процессами в их натуральном выражении. Ни о какой экономике они обычно не имели представления, не знали, что такое финансы, кредит, ценообразование, да и это и не нужно было знать инженеру предприятия. А беда начиналась тогда, когда инженер — может, даже очень квалифицированный — приходил на пост руководителя крупного ведомства и начинал принимать решения уже народнохозяйственного уровня. Командная экономика осуществляла своего рода селекцию кадров для самой себя. Эти кадры были чисто технократическими. Они мыслили категориями административной системы, и поэтому уже по своему образованию, по своему жизненному опыту эти люди не могли реформировать административную систему. Таким образом, административная система защищала себя и интеллектуально. Она ставила к руководству людей, не знавших никаких альтернатив этой системе и не способных понять, что такая альтернатива возможна. Однако в тот период Горбачев упрямо делал ставку на Рыжкова, считая его преданным себе человеком. Правда, он потребовал резко обновить состав правительства, ввести в него экономистов, и Рыжков принялся за дело. Он пригласил в качестве своих замов академиков Абалкина и Лаверова. Один из них должен был заниматься экономической реформой, другой — научно-техническим прогрессом. Кроме того, проявился ряд новых людей: Николаю Воронцову было поручено заниматься вопросами экологии, Владимир Щербаков занял пост министра труда. Повышение получил и Валентин Павлов, который переместился с поста председателя Госкомитета цен на пост министра финансов.

Освободившееся место председателя Госкомитета цен Рыжков предложил мне. У нас состоялся двухчасовой разговор, на котором присутствовал Леонид Абалкин. В ходе этого разговора у меня сложилась убежденность, что рыночная реформа опять откладывается Рыжковым на неопределенное время. Вернее сказать, он несколько изменил свою фразеологию. Он долго и энергично рассказывал мне о преимуществах рыночной экономики, но в то же время подчеркнул, что это — дело довольно отдаленного будущего, что к рынку надо идти постепенно, что необходимо сначала с помощью, по сути дела, тех же административных методов стабилизировать экономику, повысить темпы экономического роста, укрепить хозяйственную дисциплину и только потом начать рыночные преобразования. Я выразил резко отрицательное отношение к такому подходу, сказав: "Было бы неверным считать, что кризис в экономике определяется тем, что предыдущие руководители плохо управляли экономикой, что якобы достаточно в рамках этой логики поменять людей, и система заработает сама собой. Если бы это было так, то вообще не нужно было бы переходить к рынку. Достаточно заменить глупых администраторов на умных, и задача подъема экономики будет решена". Рыжков пытался убедить меня, что я утрирую его точку зрения, что на самом деле он верит в рынок, верит в то, что именно рыночная экономика обеспечит нам хозяйственный подъем. Но сначала нужно создать стартовую площадку для рыночных реформ. На это я в шутку сказал ему: "Николай Иванович, Вы сейчас рассказываете мне о рынке, как о каком-то отдаленном светлом будущем. Примерно так мне рассказывали профессора университета о коммунизме, когда я учился. Теперь на место коммунизма ставится рынок, и это меня настораживает, поскольку коммунизм — это несбыточная мечта революционеров. Не превратится ли рынок у нас в такую же мечту?" Короче говоря, я отказался от поста министра в правительстве Рыжкова. Меня больше привлекала работа в планово-бюджетной комиссии парламента. Как раз в середине 1989 г. началась подготовка к составлению бюджета на 1990 г. Это была очень важная и ответственная работа. Надо было разработать мероприятия по сокращению бюджетного дефицита. Начав изучать проблему бюджетного дефицита, я вскоре убедился, что без решительного изменения структуры расходов бюджета и сокращения их объема невозможно проводить эффективную бюджетную политику, а также стабилизировать денежную систему.

По моим расчетам выходило, что объемы инвестиций необходимо было сократить уже в 1990 г. на 30—35 %. Денежный спрос на инвестиционные ресурсы со стороны министерств и предприятий существенно превышал реальные возможности капитального строительства.

Это приводило к ситуации, когда открывшееся финансирование строительства новых объектов не подкреплялось наличными материальными ресурсами и мощностями строительных организаций, а, следовательно, нормативные сроки строительства не выполнялись; объекты строились по 10—12 лет и более, что губительно сказывалось на научно-техническом прогрессе, подстегивало инфляционные процессы, приводило к омертвлению материальных ресурсов в так называемом незавершенном строительстве.

* *
*

В последнюю декаду декабря 1989 г. во время очередного заседания Съезда народных депутатов СССР я получил от Горбачева записку, которая состояла из одной строки: "Николай Яковлевич, прошу переговорить. Горбачев".

В перерыве Горбачев завел меня за кулисы Кремлевского Дворца съездов и предложил стать его помощником по экономике. Я спросил Михаила Сергеевича, отдает ли он себе отчет, что я всегда был и остаюсь сторонником рыночной ориентации нашей экономики и не отступлюсь от этих взглядов. Он ответил: "Конечно, я знаю о Ваших взглядах, и мне нужна именно такая помощь". "Мы с помощниками, — отметил он, — работаем в обстановке полной откровенности и взаимного доверия". Потом помолчал и спросил: "Ты мне доверяешь?" Я ответил: "Да, а Вы мне, Михаил Сергеевич?" В ответ он засмеялся. Я попросил два дня на размышления. С этим мы расстались.

Предложение Горбачева свергло меня в серьезные раздумья. Я понимал, что, приняв это предложение, я попадаю в совершенно чуждую для меня среду чиновников. Более того, это партийные чиновники самого высокого ранга. От общения с ними в предыдущие годы у меня сохранились самые отрицательные эмоции. Я полностью отдавал себе отчет, что в этой среде я окажусь "белой вороной". В то же время я понимал, что иду и на другого рода жертву: полное отсутствие свободного времени и возможности заниматься научными изысканиями. А на другой чаше весов были аргументы посерьезнее.

Во-первых, чувствовалось, что именно сейчас можно повернуть ситуацию в области перехода к рынку в нужное для страны русло. Да, команда Рыжкова занимала консервативную позицию. Но вокруг правительства с его кургузой и непоследовательной программой назревало недовольство. В конце концов с Рыжковым или без Рыжкова, все равно нужно было осуществлять курс на рыночную ориентацию нашей экономики. И все говорило о том, что в тот момент Горбачев также стремился к этому.

Кроме того, на мой выбор повлияло соображение чисто личностного и морального плана. В этой сложной обстановке было бы, на мой взгляд, не совсем честно оставаться в стороне от развернувшейся борьбы. Мне предоставлялся шанс для самореализации не только как ученого, но и как активного участника рыночных реформ. Отказаться от этого шанса значило бы, по сути дела, поставить крест на всем, во что я верил как ученый, специалист, да и просто как гражданин. Итак, после двухдневных размышлений я принял предложение Горбачева и уже в первых числах января переехал на Старую площадь, в большой серый дом.

Главная моя задача заключалась в разработке тактических и стратегических вопросов перехода к рыночной экономике. И здесь работа была организована в двух направлениях. С одной стороны, я получал прямые задания и поручения от Горбачева, а, с другой стороны, сам выступал с инициативами по тем вопросам, которые считал наиболее актуальными.

По своему положению я вынужден был участвовать в многочисленных заседаниях и обсуждениях самого различного уровня. Среди них, пожалуй, самыми любопытными для меня были регулярные заседания Политбюро ЦК КПСС. Я застал этот орган на закате его имперского величия, но надо сказать, что с января 1990 г. и вплоть до XXVIII съезда партии этот орган продолжал быть действительно всевластным олицетворением тоталитарного режима.

К началу 1990 г. состав Политбюро был очень неоднороден. Это бросалось в глаза. В нем были Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе. Эти яркие индивидуальности резко отличались от основной массы членов и кандидатов в члены Политбюро, а также секретарей ЦК, которых часто приглашали на эти заседания. По интеллектуальному уровню и взглядам на перестройку соответствовал этой яркой тройке, пожалуй, лишь Примаков. Основная же масса присутствующих производила убогое впечатление. Я был поражен низким уровнем обсуждения вопросов, низким качеством подготовки материалов к обсуждению, беспомощностью многих участников дискуссий, их ограниченным кругозором. Практически на каждом заседании Политбюро раздавались жесткие реплики, а то и просто ругань в адрес средств массовой информации (газет, радио, телевидения), в адрес демократов, межрегиональной группы. У каждого участника этих заседаний были свои любимые сюжеты. Так, Александра Бирюкова постоянно призывала прикрыть газету "Московские новости". Все, что там писалось, вызывало ее раздражение. Секретарь ЦК Манаенков неоднократно требовал расследования, почему перед программой "Время" под традиционной заставкой с часами появляется реклама фирмы "Оливетти". Он считал,

что это унижает достоинство страны и его лично. Егор Лигачев произносил гневные филиппики в адрес кооператоров, арендаторов, спекулянтов. Рыжков буквально вел досье по всем высказываниям в прессе в его адрес. Естественно, что большинство этих высказываний было не в его пользу. Он периодически требовал от Горбачева оградить его от нападков прессы. Лукьянов делал специальные подборки карикатур и заметок, посвященных непосредственно Горбачеву, и почти на каждом заседании передавал папочку с вырезками этих материалов. Часто на заседании Политбюро приглашался Ненашев, руководитель Гостелерадио, и выслушивал гневные упреки, а то и угрозы в свой адрес. Создавалось такое впечатление, что эти люди ничем другим не занимаются, кроме как непрерывно смотрят все телепередачи, читают все газеты и выискивают, что же пресса и телевидение пишут и говорят о них. Горбачеву с большим трудом удавалось сворачивать эти дискуссии и переходить к повестке дня. Повестка дня тоже была довольно разношерстная. Наряду с действительно важными государственными вопросами обсуждались и вопросы, которые под стать чиновнику среднего звена, а уж никак не мозговому центру страны. Помню, как однажды более получаса обсуждался вопрос, сколько демонстрантов пришло на митинг на Зубовскую площадь в поддержку демократов и с требованием отставки правительства Рыжкова. Журналисты писали, что на Зубовской площади и на прилегающих улицах собралось около полумиллиона москвичей. Крючков решительно опровергал эти заявления, приводил расчеты площади, занимаемой демонстрантами, сколько человек помещается на квадратном метре, и утверждал, что демонстрантов было не более ста двадцати тысяч. У Бакатина была своя версия. В течение этой перепалки ни слова не было сказано о существовании требований, которые выдвигались митингующими, не обсуждалась и политическая линия, которую нужно проводить во взаимоотношениях с демократически настроенными избирателями. А оценка сил демократического движения была явно нереалистична. Это сказалось, в частности, при обсуждении итогов выборов народных депутатов России. Лукьянов в своем сообщении на Политбюро заявил, что демократы, блок "Демократическая Россия" получили только одну треть мест на Съезде народных депутатов России. И сделал на этом основании оптимистический вывод, что Ельцин ни при каком раскладе не будет избран Председателем Верховного Совета РСФСР. Теперь мы уже знаем, чего стоил этот политически наивный, а профессионально примитивный прогноз. Лукьянов и его коллеги пребывали в мире политических иллюзий и создавали точно такой же мир вокруг Горбачева.

А вот типичный пример, показывающий, на каком уровне обсуждались экономические вопросы. В феврале 1990 г. на Политбюро был поставлен вопрос о дополнительных закупках фуражного зерна в США. Докладчиком по нему был тогдашний председатель Госагропрома Никитин. Он заявил, что если в ближайшие несколько недель не будет закуплено дополнительное количество зерна на сумму 4—4,5 млрд. долл., то намечается крупный падеж скота в колхозах и птицы на крупных птицефабриках. Вслед за Никитиным выступил Ситарян, возглавлявший в то время комиссию по внешнеэкономическим связям, и объяснил, что свободной валюты в стране нет и валютные поступления в ближайшем будущем крайне ограничен. Третьим выступавшим был председатель Совета Министров Рыжков, который буквально заявил: "Зерна нет, валюты нет, положение безвыходное". На этом, собственно, дискуссия и закончилась. Никаких альтернативных вариантов не рассматривалось, а ведь они были.

* *
*

Михаил Горбачев жил в этом маразме. Но главное, что он, судя по внешним реакциям, отнюдь не тяготился этой средой. Скорее наоборот, чувствуя свое интеллектуальное преимущество над ближайшими соратниками, их вошедшую в плоть и кровь партийную дисциплину, он ощущал себя всегда на коне, хозяином ситуации. Другое дело, когда Горбачев оказывался не среди партийных функционеров, а среди критически настроенных интеллигентов (кстати, в большинстве своем в ту пору ему искренне сочувствовавших и готовых поддержать). Здесь ощущалась старательно скрываемая, но все же заметная неуверенность, может быть, даже робость, которая иной раз обращалась ничем не спровоцированной агрессивностью (один окрик и отключение микрофона А.Д. Сахарову чего стоят).

Карьера партийного функционера, очевидно, подгоняла любого индивидуума под жесткие стандарты, отрешиться от которых не дано никому. Человек интеллектуальный либо сознательно подчиняется этой машине, либо, восстав против нее, выходит на свет Божий инвалидом. Этот горб — уродливое восприятие мира — функционер, поднявшийся хоть на несколько ступеней в иерархии партийной системы, не может сбросить до конца дней своих.

Партийный инкубатор большевиков тиражировал руководителей, обладавших одними и теми же чертами.

Их перечень невелик:

политический инфантилизм, самовнушенное (а затем внушаемое ближайшим окружением) убеждение в знании основных пружин влас-

ти, общественного развития, локальных и мировых тенденций. Короче — мнимая интеллектуальная самодостаточность;

барское отношение к своим соратникам и сотрудникам, атрофия понимания различия между слугой и государственными служащими;

информационная замкнутость, зависимость от целенаправленно фильтруемой информации;

физическая зависимость от спецслужб, постепенно трансформирующаяся в потерю чувства политического самосохранения;

нарастающее презрение к общественному мнению;

фетиш демагогии как орудия власти над массами.

Природа этих ситуационных проблем российского властелина мне до конца не понятна: русскость ли это (проявление национального характера), большевизм ли, мировая ли закономерность функционирования высших эшелонов власти? Или все вместе? Впрочем, какая разница? В России всегда будет править человек, обремененный вышеперечисленными проблемами.

Экономическая программа Президента — отвергнутый шанс ускорения реформ

Очень трудно писать об очевидных вещах.

Лев Ландау

Общая оценка экономической ситуации свидетельствовала о нарастании в 1990 г. кризисных явлений в производственной и финансовой сферах. Размеры бюджетного дефицита, неудовлетворенного текущего платежеспособного спроса населения, эмиссия наличных денег, приросты незавершенного строительства неуклонно возрастали. Чтобы остановить этот лавинообразный процесс, нужны были широкомасштабные акции. Специалисты из окружения Рыжкова все чаще и чаще начали поговаривать о необходимости введения чрезвычайных мер в экономике. Что это за чрезвычайные меры и для чего они нужны? Чтобы сохранить, спасти старую систему управления или для того, чтобы полностью перестроить принципы управления экономикой?

В течение 15 лет ключевым понятием всех преобразований в управлении экономикой был термин "совершенствование". Иными словами, подразумевалось, что централизованная система управления и планирования во всех своих основных компонентах сформирована правильно, и поэтому необходимо лишь усовершенствовать, отладить отдельные ее узлы и стыки. Эта позиция преобладала в руководящих партийных кругах, а также в правительстве Рыжкова. И вот этот пункт как раз, по моему мнению, явился главным моментом нестыковки в позиции команды Рыжкова, руководства КПСС и радикально настроенных экономистов. По мнению последних, речь должна была идти не об улучшении старой, а о создании новой модели функционирования народного хозяйства. При такой постановке вопроса психология конструктора должна вытеснить психологию автомеханика. Надо было думать не о ремонте старого "экономического" автомобиля, а о создании совершенно новой для нашей страны управленческой конструкции. Я считал, что Горбачев

должен был выступить инициатором и активным пропагандистом именно второго подхода. Он должен был провозгласить, что ныне надо думать не о рыночных заплатках на одежде централизованного планирования, а о возвращении страны в лоно мировой рыночной системы хозяйствования. Вопрос этот должен был быть поставлен масштабно и звучать как важнейшая политическая задача. Возможности для такой акции представились довольно быстро.

В феврале 1990 г. была выдвинута идея о введении поста Президента СССР, для ее реализации был срочно созван внеочередной съезд народных депутатов, который внес необходимые изменения в Конституцию страны и провел выборы Президента СССР. Естественно, что в той политической ситуации и при той формуле избирательного процесса Президентом страны стал Михаил Горбачев. За три дня до официального вступления Горбачева в эту должность я положил на стол будущему Президенту документ, который назывался "Экономическая программа президента СССР". По моему убеждению, этот документ должен был стать одним из первых, а может быть, и самым первым официальным актом Горбачева в качестве Президента СССР. Эта программа была подготовлена мною совместно с Борисом Федоровым, работавшим в тот период в социально-экономическом отделе ЦК КПСС. В феврале 1990 г. мы, засучив рукава, работали над документом, который, как нам казалось, может действительно качественно изменить ситуацию в деле преобразования советской экономики. Мы считали, что Горбачев должен четко сформулировать, почему экономические реформы оказались в тупике. По нашему мнению, ошибка состояла в том, что рыночные реформы пытались осуществить в рамках принятого ранее пятилетнего плана, сохраняя все его показатели. Тем самым осталась нетронутой основа административных методов хозяйствования. Недопустимо затянулся процесс перераспределения функций экономической власти. По сути дела, ничего не было сделано для создания частного сектора в экономике и развития конкуренции. Прежними оставались политика в области цен, налоговая система, ничего не делалось для реформирования банковской системы. Политика государства в экономической сфере должна была превратиться из альтернативы рынку, чем она являлась всегда в условиях советского режима, в политику активной государственной поддержки рыночных структур. Проект экономической программы Президента был им изучен очень тщательно, и, надо сказать, что этот документ понравился Горбачеву. Но он не решился обнародовать его за своей подписью. Более того, в общем и целом Горбачев не дал этому документу никакого хода, хотя некоторые его устные выступления

в марте-апреле 1990 г. свидетельствовали о том, что этот материал произвел на него впечатление. Горбачев как бы занял выжидательную позицию, наблюдая за тем, что происходит в стране и ожидая от Рыжкова каких-то новых разработок. Дальнейший ход событий показал, что ожидания эти были напрасными. Я столкнулся с парадоксом: смысл введения президентства в стране заключался в том, чтобы у Президента были развязаны руки для решительных действий, для дальнейших преобразований во всех сферах политической и экономической жизни. Но, стремясь к посту Президента, Горбачев, оказывается, во всяком случае в марте 1990 г., не был готов к решительным действиям. Для того чтобы читатель мог убедиться в правоте этих слов, приведу основные фрагменты экономической программы Президента.

Центральным пунктом нашей программы было обеспечение финансовой стабилизации и переход к бездефицитному государственному бюджету. Мы исходили из того, что дефицит государственного бюджета и в целом финансового баланса страны является важнейшим фактором несбалансированности экономики и нарастания инфляционных процессов. Это обстоятельство, по сути дела, блокировало все возможные мероприятия по повышению эффективности экономики, структурной, инвестиционной политики, развитию экспортного и потребительского секторов нашей экономики.

Поэтому первоочередной мерой должно было стать принятие до 1 мая **чрезвычайного бюджета** на вторую половину 1990 г. Такой бюджет должен включать следующие мероприятия:

- пересмотр всей программы централизованных капитальных вложений в целях резкого сокращения развертывания новых строек;

- сокращение всех несоциальных программ в равной мере (на 5—10 %);

- программу продажи законсервированных объектов;

- программу сокращения различного рода дотаций.

В результате чрезвычайных мер дефицит бюджета за весь год должен был быть снижен до 25—30 млрд. руб. Этот дефицит будет покрыт за счет государственных ценных бумаг.

Государственный бюджет на 1991 г. должен составляться на таких новых принципах, как:

- заблаговременное определение предельного размера дефицита президентским указом (5 млрд. руб.);

- исключение любых форм прямого использования средств банковской системы;

- финансирование дефицита за счет размещения ценных бумаг на добровольной основе среди населения и банков;

принятие Верховным Советом СССР только союзного бюджета; инициативу по расходам имеет только Совет Министров СССР, а Верховный Совет СССР принимает или отвергает предложения; бюджет представляется в Верховный Совет СССР не позднее 1 июля;

в случае непринятия бюджета ставится вопрос о вотуме доверия правительству.

В перспективе ежегодный план и бюджет будут слиты в единый программный документ экономической политики правительства, включающий все основные мероприятия предстоящего года.

Таким образом, в области бюджетного регулирования надо принять: 1) Указ Президента СССР "О чрезвычайном бюджете на вторую половину 1990 года" (март 1990 г.); 2) Указ Президента СССР "О государственном бюджете на 1991 год" (май 1990 г.).

Для того чтобы избавиться от постоянного нарастания инфляционных процессов, необходимо радикально перестроить весь механизм денежной системы.

Основой основ является ликвидация искусственного разделения наличного и безналичного денежного оборота и переход к цивилизованному регулированию совокупного обращения денег. В то время мы были единственной страной в мире, где существовало такое разделение, где не было понятия совокупной денежной массы.

По нашему мнению, следовало перейти к современной системе денежно-кредитного регулирования с опорой на Центральный банк, который должен определять показатели совокупной денежной массы, установить жесткие ограничители ее роста.

Для того чтобы денежную систему сделать безинфляционной, предстояло существенно изменить взаимоотношения между Госбанком СССР и бюджетом. Прежде всего необходимо было прекратить практически бессрочное и бесплатное кредитование бюджета, которое, по существу, вылилось в увеличение инфляционного долга, составлявшего уже 400 млрд. руб. (в ценах 1989 г.). Как и в других странах, кредитование бюджета должно быть запрещено или жестко ограничено по срокам, суммам, обеспечению.

Денежная и кредитная система не может нормально функционировать в условиях нежизненной структуры процентных ставок, которые не связаны с инфляцией, не стимулируют рачительное отношение к кредиту и хранение населением денег в банках. Необходимо существенное повышение уровня процентных ставок и изменение их структуры в соответствии с общепринятыми в мире нормами. Рост расходов на выплату процентов по вкладам должен полностью компенсироваться повышением ссудных ставок.

Надо отказаться от административной, крайне централизованной системы выдачи разрешений на наличную эмиссию. Такая эмиссия должна проводиться в форме продажи банкнот Госбанком СССР коммерческим банкам. В этих условиях количество денег в обращении будет тесно связано с реальным состоянием хозяйства.

Необходимо всеми возможными средствами ограничить удельный вес наличных денег в обращении. Для этого будет взят курс на всемерное развитие безналичных платежей и стимулирование хранения денег в банках. Хранить наличные деньги должно быть невыгодно, крупные наличные платежи следует исключить.

Здоровая денежная система всегда основывается на единственном законном платежном средстве. Следовательно, укрепление советского рубля требует жесткого контроля за проникновением во внутренний платежный оборот иностранной валюты, денежных суррогатов типа облигаций и сберегательных сертификатов. Рубль должен иметь равную покупательную способность в любых операциях, в любой точке СССР. Многое здесь зависит от эффективности кредитной системы, свободы перелива денежных ресурсов.

Все эти проблемы должны быть отражены в законе о Госбанке СССР. Проект такого закона был к тому времени уже подготовлен, но нас волновало, что практически он мог быть принят только на осенней сессии Верховного Совета СССР. Поэтому мы считали, что безотлагательно, уже весной надо издать Указ Президента СССР "О неотложных мерах по государственному регулированию денежно-кредитной сферы" (апрель 1990 г.).

Полноценная реформа денежной системы предполагает кардинальное преобразование кредитной системы, которая должна включать:

- создание современного полномочного Центрального банка как ключевого элемента банковской системы;

- перевод всех банков на чисто коммерческую основу.

Необходимо в кратчайшие сроки вывести Госбанк СССР из подчинения Совету Министров СССР и сделать его подотчетным только Верховному Совету СССР. Одновременно Госбанк СССР должен получить соответствующие полномочия и инструменты для регулирования эмиссии, кредита, банковской деятельности, а также нести прямую ответственность за состояние всей денежно-кредитной сферы.

Все другие банки, в свою очередь, должны функционировать на чисто коммерческой основе. Этот принцип подразумевает преобразование государственных специализированных банков в акционерные общества. Коммерческие банки должны осуществлять операции в пре-

делах собственных и привлеченных денежных средств. Клиенты будут иметь подлинную свободу выбора банка, получит развитие межбанковская конкуренция.

Кредитное воздействие на развитие важнейших отраслей, в том числе обеспечивающих научно-технический прогресс, должно осуществляться через общегосударственную систему льготных кредитов, гарантий, субсидий, выборочного ограничения кредитования неприоритетных отраслей. Для операций за счет бюджетных ресурсов целесообразно создать один или несколько банков развития, кредитующих на льготных условиях важнейшие общегосударственные проекты.

Система коммерческих банков должна быть дополнена различными специализированными финансово-кредитными учреждениями — фирмами по торговле ценными бумагами и аренде (лизингу) оборудования, кредитными кооперативами, страховыми и пенсионными фондами, инвестиционными и крестьянскими банками и др.

Формирование финансового рынка — сложный и достаточно длительный процесс, но без него не будет радикальных перемен в инвестиционном процессе, фактически невозможно создание развитого товарного рынка. Следовательно, уже сегодня нужно принять меры, которые обеспечат юридические и организационные основы финансового рынка.

В целях коренной перестройки кредитной и банковской системы мы предлагали принять Указ Президента СССР "О неотложных мерах по перестройке банковской системы" (май 1990 г.) и постановление Совета Министров СССР "Об обращении ценных бумаг и биржах" (май 1990 г.).

Предыдущие несколько страниц представляют собой дословные выдержки из текста документа, который был передан мною М. Горбачевым в марте 1990 г. Почему это нельзя было реализовать тогда?

Создание новых денежных, кредитных и банковских систем, писали мы Президенту, имеет целью не допустить в дальнейшем нарушения денежного оборота, нарастания инфляции. Однако уже сегодня общая масса денег, которая находится в распоряжении населения и практически в любой момент может быть востребована и истрачена на покупку товаров, составляет более 400 млрд. руб. В условиях хронического дефицита потребительских товаров большая часть этих денег представляет собой вынужденный, а не отложенный спрос.

Поэтому для достижения финансовой сбалансированности экономики необходимо ограничить давление на рынок платежеспособного спроса населения. От этого прямо зависел успех многих других реформ, безболезненность перехода к рыночному механизму экономического регулирования.

Логика моих предложений состояла в следующем. Ликвидация избыточной денежной массы обычно связывается с денежной реформой, конфискацией части сбережений населения. При этом денежная реформа рекламируется в качестве эффективного инструмента борьбы с нетрудовыми доходами.

Однако анализ показывал, что денежная реформа с конфискацией в сложившейся к 1990 г. ситуации не могла дать необходимых результатов. Для этого нужен был фактор внезапности. Было ясно, что "потолок" эквивалентного обмена денег даже в 10 тыс. руб. не сработает. Снижение этого предела неприемлемо, так как пострадают широкие массы трудящихся. Кроме того, цивилизованное проведение такого изъятия излишков предполагает, что у населения имеются годами сложившиеся декларации о доходах. У нас их нет, что неизбежно вызовет массовые конфликты.

Поэтому в качестве оперативной программы должен был быть осуществлен комплекс мероприятий по "связыванию" денег населения. На практике это сводилось бы к стимулированию хранения денег в банках, приданию сбережениям стабильного долгосрочного характера (повышение процентов по вкладам), расширенной продаже квартир за счет сокращения доли бесплатного жилья, дач, мелких предприятий, садовых участков, акций и облигаций.

Наряду с этим могли быть использованы и другие формы, а именно: временное замораживание части свободных средств предприятий; выпуск государственных обязательств, которые предприятия будут заинтересованы покупать.

Доходы государства, полученные за счет различных форм "изъятия" денег, должны были, по моему мнению, не перераспределяться через бюджет, а списываться (уничтожаться), чтобы уменьшить совокупную денежную массу. Такому уничтожению должна была подвергнуться прежде всего часть денег, полученных от продажи населению и предприятиям централизованных резервов валюты, квартир, дачных участков, излишних материальных запасов, отчисления от аукционов и другие.

Основные положения нового финансово-денежного механизма Президент СССР объявляет в первый же день вступления в должность (наряду с комплексной программой вывода экономики из состояния застоя). Свод таких мер, по предложению Бориса Федорова, мы условно назвали "финансовой конституцией".

В этом документе, по нашему мнению, должны были быть следующие положения.

1. Вывод Госбанка СССР из подчинения Совету Министров СССР с подотчетностью только Верховному Совету СССР; государственные

специализированные банки получают статус коммерческих учреждений с преобразованием в акционерные общества в кратчайшие сроки.

2. Запрет Госбанку СССР осуществлять прямое кредитование бюджета или покупку государственных ценных бумаг. В экстренных ситуациях по специальному разрешению Президента СССР может предоставляться кредит на срок до 3 месяцев и сумму не свыше 5 млрд. руб. по средней ставке для краткосрочных кредитов.

3. Запрет принятия государственного бюджета на 1991 г. с дефицитом более 5 млрд. руб. Дефицит должен финансироваться только размещением государственных облигаций среди населения и предприятий на добровольной основе.

4. Утверждение Верховным Советом СССР всех инвестиционных проектов (каждого отдельно) сметной стоимостью свыше 500 млн. руб., или 100 млн. инвалютных руб., если они финансируются за счет государственных средств.

5. Установление абсолютного (на уровне 1 января 1990 г.) и относительного (коэффициент обслуживания — 25 %) пределов роста внешнего долга страны в конвертируемых валютах.

6. Создание на базе КНК СССР независимого союзно-республиканского Центра финансового контроля.

Данную "конституцию" Президент вводит специальным Указом.

Другим ключевым звеном экономической реформы должно было стать преобразование государственных предприятий в подлинно самостоятельные эффективные организации.

Единственным радикальным средством решения этой проблемы, как мы считали, является массовое и планомерное преобразование предприятий в акционерные общества.

В материалах, представленных Горбачеву, содержалось и предложение о создании специального государственного органа (Комитета по управлению государственным имуществом), подотчетного только Верховному Совету СССР.

Предполагалось, что по мере развития системы акционерных обществ и финансового рынка будет осуществляться выпуск акций в свободное обращение, включая выход контрольного пакета акций из рук государства.

Мы предлагали довольно жесткие сроки реформ: в марте-апреле 1990 г. подготовить и принять необходимые нормативные документы, в мае-июне сформировать соответствующие организационные структуры и с 1 июля приступить к последовательной реализации программы акционирования.

Далее предлагалось в апреле 1990 г. создать Комитет по проведению земельной реформы. Сущность его работы должна была состоять в следующем:

1) повсеместно при райсоветах создать комиссии народных депутатов по проведению земельной реформы;

2) провести инвентаризацию земли, особенно выделить плохо используемые земли;

3) выявить желающих самостоятельно или артельно вести хозяйство на земле и создать для них реальные условия получения земельных участков;

4) изучить новые формы перестройки экономических отношений на селе, в частности, создание арендных коллективов, переход к долевой собственности на имущество колхозов и др. С учетом эффективности этих форм развернуть соответствующую практическую работу.

Не забыли мы в своих предложениях и о необходимости наполнения потребительского рынка уже на первых шагах реформы.

Важной поддерживающей мерой стабилизации экономики могла бы быть разовая крупная закупка потребительских товаров за границей, чтобы сделать реформу и в целом переходный период менее социально болезненными. По моим оценкам, речь, видимо, должна была идти в то время о льготном кредите в сумме не менее 3—5 млрд. долл., что было эквивалентно минимум 40—70 млрд. руб. внутреннего товарооборота в зависимости от ассортимента товаров. Данная программа должна была основываться на следующих принципах:

займования должны производиться от имени государства (а не Внешэкономбанка СССР), на возможно лучших условиях в форме выпуска облигаций одновременно в нескольких западных странах в расчете на все классы кредиторов, включая население;

заем должен иметь политическую, а не чисто коммерческую окраску, что требует определенных дипломатических усилий;

займования должны быть одним из элементов широко объявленной программы рыночных реформ (без этого не будет доверия);

закупка и продажа потребительских товаров на рубли должны проводиться по нетрадиционным торговым каналам, исключающим расхищения, со списанием части рублевой выручки (не пропускать ее через бюджет).

Чрезвычайный заем следует осуществить, не прекращая усилий по сокращению дефицита платежного баланса за счет урезания неэффективных валютных ассигнований, переориентации на кредитное и аукционное распределение валюты.

Формируя основные положения и наше видение экономической реформы, мы особо подчеркивали: "Успех всей программы экономи-

ческих преобразований может быть обеспечен только при принятии решительных мер по усилению социальной защищенности трудящихся. В этой связи необходимо ускорить принятие уже подготовленных законов о пенсиях, отпусках, молодежи.

Одновременно надо предпринять ряд экстренных мероприятий, которые создадут у трудящихся уверенность в завтрашнем дне.

1. Ввести индексацию доходов для отдельных групп населения, у которых возможность роста доходов ограничена.

2. Образовать специальные фонды и систему пособий по временной незанятости в связи с ликвидацией или реорганизацией предприятий и учреждений.

3. Разработать и ввести в действие комплексную государственную систему трудоустройства и бесплатной переподготовки высвобождающихся работников.

4. Утверждать новые крупные проекты за счет бюджетных ресурсов только после тщательного изучения их влияния на занятость. Ориентировать государственные капитальные вложения на создание новых рабочих мест в трудоизбыточных регионах.

5. Резко расширить возможности для индивидуального жилищного строительства в городах и пригородах путем массовой продажи участков с подготовленной инфраструктурой, предоставления льготных кредитов, переориентации промышленности строительных материалов, поощрения создания строительных кооперативов.

6. Принять систему жестких экономических санкций (наряду с уголовной ответственностью) за экологические преступления".

Таковые были основные положения экономической программы Президента. По сути дела, это была развернутая концепция трансформации тогда еще советской экономики в цивилизованную рыночную систему. Готовя ее, я исходил из того, что, став Президентом, Горбачев будет проводить более активную внутреннюю политику. Особенно такая потребность ощущалась в области экономики. Правительство Рыжкова явно запаздывало в осуществлении реформ, боясь расстаться с отраслевыми министерствами, системой административного распределения ресурсов, военно-промышленным комплексом. Горбачев это чувствовал. На одном из заседаний Политбюро в феврале 1990 г. он разразился резкой критикой в адрес правительства. "Сколько можно переминаться с ноги на ногу, — воскликнул Горбачев. — Ноги уже затекли. Когда же будут реформы на деле? Прошло полгода, а кроме абалкинского налога¹ ничего нового нет!".

¹ Имеется в виду налог, ограничивающий рост заработной платы, автором которого был Л.И. Абалкин.

Казалось, что Горбачев полон решимости заставить Рыжкова энергично действовать или подать в отставку.

Президентские полномочия развязывали Горбачеву руки. Иначе зачем вводить пост Президента СССР и тратить столько энергии на пробивание соответствующих изменений в Конституции и организацию процедуры выборов? Однако поведение Горбачева не соответствовало этой логике. Программа ему как будто понравилась, но ходу он ей не дал. Единственный результат — резкое увеличение внимания к экономическим вопросам в первых президентских выступлениях.

Горбачев в марте-апреле 1990 г. не пошел на конфликт с Рыжковым, хотя видел его нежелание проводить радикальные преобразования. Видели это и люди, далекие от большой политики. На митингах появились плакаты "Горбачев + Ельцин — ДА, Рыжков — НЕТ". Но Горбачев был как раз политиком. Я впервые убедился, что политика и интересы страны для Горбачева не одно и то же. Он балансировал. Не исключаю, что чисто по-человечески Горбачев считал себя морально обязанным перед Рыжковым за его безоговорочную поддержку на первом этапе борьбы за власть. А между тем экономическая катастрофа надвигалась со скоростью экспресса, и этому процессу не было дела до того, обидится Рыжков на Горбачева или нет.

Поняв, что Горбачев по сути дела проигнорировал представленный мною документ и счел политически более выгодным сделать ставку на программу правительства, я решил, что необходимо публично заявить о своей позиции. Я понимал, что это против правил аппарата, по которым еще можно отстаивать свою точку зрения при закрытых дверях, но на публике, в СМИ надо быть предельно лояльным (а лучше преданным) руководству и изображать единомыслие. Отступление от этого принципа должно было вызвать волну возмущения (и я не ошибся). Однако я считал, что вошел в окружение Горбачева не на правах статиста, разменной картой в колоде правящей верхушки и поэтому имею право на публичное высказывание своего личного мнения. В июне-июле 1990 г. я опубликовал несколько статей и интервью. Чтобы читатель составил представление о характере тогдашних моих высказываний, я позволю себе процитировать интервью, которое я дал газете "Московские новости" 24 июня 1990 г., т.е. в самый разгар обсуждения программы правительства Рыжкова.

Вопрос корреспондента: "Насколько мне известно, Вы не разделяете правительственную концепцию перехода к рынку?".

Ответ: "Я считаю, что нельзя начинать строительство рынка с административного повышения цен на товары первой необходимости. Конкуренция — душа рынка. На "черном" и кооперативном рынках конкуренции нет, сплошная монополия, которую пока правительство

с успехом поддерживает. Также монополизирован и государственный рынок. В правительстве нет программы приватизации, скорее наоборот: практика хозяйственной жизни свидетельствует о том, что правительственные учреждения всячески сдерживают развитие частного сектора и в том числе развитие кооперации.

Для меня самый наглядный пример — это первый кооперативный ресторан Федорова в Москве. На одной Кропоткинской улице должны были открыться пять-шесть кафе, а не одно. Но ресторан Федорова на Кропоткинской как был монополистом, так и остается. Государственные чиновники всячески препятствуют выдаче лицензий на открытие аналогичных ресторанов кафе".

Вопрос: "Как же начать демонополизацию?"

Ответ: "Я считаю, что в течение ближайших недель необходимо принять решение о превращении государственных предприятий в акционерные общества, создать комитет по распоряжению государственным имуществом, с тем чтобы он организовывал работу по оценке стоимости фондов. Далее. Организовать продажу акций, чтобы их смогли купить государственные органы, банки, местные советы, частные лица. Разумеется, и работники предприятий, при покупке у них могут быть даже некоторые привилегии".

Вопрос: "А зарубежные фирмы и банки"?"

Ответ: "Несомненно. Без открытия экономики, уверен, эффективную реформу не провести. Когда они смогут покупать акции, то сразу решатся бесконечные проблемы, с которыми ныне сталкиваются совместные предприятия. Необходимо создать максимально льготные условия для иностранных инвестиций. Мы должны видеть: перед западными инвесторами сегодня открывается рынок в Восточной Европе. Вложения будут сделаны именно там, а не у нас. Надо преодолевать догму. Почему, например, не может быть предприятий, которые бы целиком принадлежали иностранным компаниям? И не стоит тут прикрываться мнением народа. Уже сейчас люди охотно идут работать на совместные предприятия. Конечно, не все можно открыть для иностранных вложений. Есть стратегические сферы, оборона, но проблема-то не в наплыве иностранного капитала, а в его отсутствии".

Вопрос: "Вы говорите: в течение ближайших недель начать создание акционерных компаний. Для этого потребуется разработать сложный механизм".

Ответ: "Сделаны конкретные подробные разработки. Они готовы. Этим мы занимались с моими коллегами-экономистами. Почему так важен рынок акций? Это и возможность людям вложить сбережения в

производство, получить наконец собственность, и появление условий для конкуренции и распределения капитала.

Если акции никто не покупает, то сокращаются возможности развития. Таким образом, возникает рыночный механизм выявления общественных приоритетов. Сегодня приоритеты устанавливают чиновники из министерств и ведомств. С помощью же рынка ценных бумаг эти функции переходят к обществу. Экономика становится демократичной. Появляется инвестиционный рынок".

Вопрос: "Вы думаете, акции не оставят шансов министерствам?"

Ответ: "Пора промышленных министерств прошла. При переходе к рынку они не только не нужны, но вредны. Министр нужен предприятию лишь потому, что оно само ничего не может себе купить. Что же, министры — самоубийцы, чтобы способствовать настоящему рынку? В докладе правительства говорится, что министерства будут постепенно переходить на экономические методы. Но они органически против этих методов. Государство должно не когда-то, а сегодня заняться разрушением этих монополий, а также таких, как Интурист, Аэрофлот и т.п."

Вопрос: "И все же сомнительно, что с помощью одних лишь акционерных компаний мы преобразуем свою экономику".

Ответ: "Государство должно не просто разрешить мелкий бизнес, частные предприятия, но и немедленно начать стимулировать этот процесс. Кто из советских граждан способен сегодня купить прачечную или парикмахерскую? Таких людей крайне мало. Государство льготным налогом, дешевым кредитом должно помочь деловым людям, не имеющим пока средств. Придет покупатель с солидным капиталом — тоже хорошо. Процесс должен развиваться с двух сторон: сверху — появление крупных акционерных компаний, снизу — мелкий бизнес. Если создадим условия для конкуренции, тогда освобождение цен государством (именно освобождение, это не его дело — цены устанавливать) уже не так страшно. Но в наших условиях одной конкуренции недостаточно. Требуется стабилизировать денежную систему. Необходимо, и тоже в ближайшие недели, начать реформу банковской системы. Развивать сеть коммерческих банков, а Центральный банк вывести из подчинения правительству, сделав его подотчетным лишь Верховному Совету. Нельзя разрешать печатать деньги тому, кто их тратит. Так делают только фальшивомонетчики — сами печатают и сами тратят.

По сути дела, наша денежная система в настоящее время обеспечена неполноценными деньгами. Наши рубли похожи на лотерейные билеты".

Вопрос: «По официальным оценкам, люди сегодня готовы предьявить за товары 165 млрд. таких "лотерейных билетов". Это так называемые вынужденные сбережения, или отложенный спрос».

Ответ: "Мне совершенно не понятно, почему правительство фактически уходит от проблемы, что делать с этими деньгами. Я против любых вариантов административной расправы со сбережениями людей. Против того, чтобы избыточную денежную массу отобрать или заморозить. Есть множество привлекательных для людей способов вложения денег. Например, можно было бы не только резко повысить проценты по срочным вкладам, но, например, дать обязательство платить проценты в свободно конвертируемой валюте, если, конечно, удастся привлечь иностранные инвестиции. Нужно создать рынок там, где его до сих пор нет. Рынок жилья. Тут огромные возможности, если отменить надуманные ограничения. Причем если сократить объемы производственного строительства, которое ведется крайне медленно, появится и рынок строительных материалов".

Вопрос: "Мне кажется, что есть опасность, что предложенный вариант с ценами вообще опрокинет рыночную реформу".

Ответ: "Людей необходимо постепенно вводить в условия гибких цен, к чему они не привыкли.

Если начинать, то с рынка ювелирных изделий, других товаров, которые не затрагивают основную массу людей. Но цены, скажем, на ювелирные изделия рыночными так и не сделали. Очереди за ними не уменьшились. Коммерческие магазины с продажей деликатесов и предметов роскоши тоже не открыли, а правительство начинает с товаров, которые затрагивают каждую семью. А может быть, люди согласились бы с иным вариантом? То мясо, которое обычно продают в магазине, с костями, жилами, мороженое оставляем по 2 рубля за 1 кг. Парное, вырезка, мясные деликатесы — по свободным ценам. Тот же хлеб. На несколько основных сортов сохраняется нынешняя цена, а различные сорта и деликатесные выпечки — по свободным ценам. Государство должно взять на себя контроль за ограниченным кругом цен и только на товары первой необходимости. Необходимо ввести системы бесплатных столовых для инвалидов и пенсионеров. Плюс талоны на приобретение дешевой одежды. Такие способы поддержки малоимущих гораздо эффективнее компенсаций со всех точек зрения. Переход к рынку не должен выглядеть как жест отчаяния. Мол, все перепробовали, давайте попробуем и это. У правительства наблюдается какое-то странное сочетание, с одной стороны, медлительности, нерешительности, а с другой стороны — спешки, лихорадочности".

Вопрос: "Так какой же выход?"

Ответ: "Сейчас становится реальной опасность утонуть в спорах. Но споры о ценах не должны блокировать само движение к рынку. Хотим сэкономить через цены хлеб — давайте обсуждать плюсы и минусы, но переход к рынку тут не при чем. А его структуры необходимо создавать прямо сегодня. Пакет мер для этого готов. Нужно уже до конца года перевести 2 тысячи крупных государственных предприятий на акционерную форму. Это примерно 70 % основных фондов промышленности. Чего еще ждать? Параллельно надо ввести создание фондовой биржи, причем здесь не требуется изобретать велосипед. Этот опыт есть во всем мире. Максимум, что нужно, — это заплатить за его покупку.

В этом же году надо резко сократить административные расходы".

Вопрос: "Все, о чем Вы говорили, — это Ваша программа?"

Ответ: "Это моя точка зрения. Я рад, что в последнее время убедился: она совпадает с мнением как моих советских, так и зарубежных коллег".

Повторяю: все это было опубликовано 24 июня 1990 г. в "Московских новостях".

Тень партии над реформами

Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.
Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнется!
Полицейский! Будь покоен —
Старый гнет вернется...

Саша Черный

Коммунистическая партия была самой крупной проблемой всей реформаторской деятельности Горбачева. Существовавшая многие десятилетия в стране так называемая однопартийная система, по сути дела, была альтернативой демократии, т.е. опорой диктатуры и тоталитаризма. Коммунистическая партия Советского Союза — это вообще специфическое формирование, которое лишь по недоразумению может называться партией в привычном смысле этого слова. По сути дела, это была структура, охватывающая все сферы общественной жизни, контролирующая и управляющая всеми общественными процессами. Более того, партийные структуры активно вмешивались и в личную жизнь членов партии, да и не только членов партии, но и беспартийных. Партийные комитеты активно рассматривали жалобы жен на неверность своих мужей, доносы сотрудников друг на друга, причем длительное время эти доносы могли быть и анонимными. Так называемая советская власть практически не существовала. Производственные и управленческие структуры также дублировались партийными органами. Эта схема дублирования была всепроникающей. Парткомы контролировали деятельность руководителей на уровне колхозов, предприятий, городских организаций, областей, республик и вплоть до всех центральных властей Советского Союза; причем чаще всего речь шла даже не о контроле, а об управлении. Партийные органы были центрами принятия окончательных решений в политической, экономической, социальной сферах жизни общества. Всевластие партийного аппарата, партийных функционеров было безграничным. Можно ли было такую властную структуру перевести на демо-

кратические принципы? Могла ли такая структура самореформироваться? Облагородиться? Превратиться в противоположность самой себе? Горбачев считал, во всяком случае, в 1990 г., что да, могла. У меня создалось впечатление, что он искренне верил в возможность трансформировать эту партию на подлинно демократических началах и приспособить ее к деятельности в условиях демократического общества, в условиях многопартийности. Для меня эта позиция была тем более удивительной, что я отлично понимал, какую школу жизни прошел Горбачев. Ведь он изнутри знал всю эту партийную систему, ее всевластие, ее внутреннюю жесткую дисциплину, способность ее функционеров только командовать, приказывать и требовать беспрекословного выполнения своих приказов.

Было совершенно очевидно, что и по кадровому составу профессиональных партийных функционеров партия не способна к самореформированию. Селекция партийных руководителей осуществлялась на принципах противоестественного отбора. Я имею в виду, что по партийной иерархии поднимались люди, не обремененные большими талантами, как правило, не преуспевшие ни в какой другой профессиональной деятельности. Для них общественная и политическая работа была способом сделать карьеру. Кроме того, вся когорта партийных руководителей представляла собой функционеров, у которых полностью отсутствовали навыки демократического диалога с инакомыслящими. В духовной сфере убеждение повсеместно вытеснялось принуждением. Партийные функционеры никогда не утруждали себя разработкой убедительных аргументов в пользу своих концепций. С первых лет прихода большевиков к власти они убедились в эффективности тайной политической полиции. Беспомощность политической доктрины компенсировалась мощным аппаратом подавления других взглядов и позиций. В конечном счете, сложилась ситуация, когда КПСС уже не могла существовать без КГБ, а КГБ, в свою очередь, было ничем иным, как филиалом КПСС с совершенно определенной функцией исправлять идеологический брак в работе партийных функционеров. Если партийные чиновники устанавливали моральный и идеологический террор над народом, то чиновники тайной полиции осуществляли физический террор над непокорными или подозреваемыми в непокорности. Надо было обладать огромной силой самовнушения, чтобы не видеть всего этого.

К сожалению, Горбачев стал одной из жертв тотальной коммунистической демагогии. Он явно преувеличивал популярность коммунистической партии в народе. Преувеличивал он и роль так называемых здоровых сил в партии. Безусловно, такие здоровые силы

были, но, как правило, они концентрировались в самом нижнем звене партийной пирамиды. Это были в основном рядовые коммунисты, а как раз их кипучая партийная жизнь не интересовала. В условиях тоталитарного режима только причастность к партии зачастую давала возможность действительно эффективно, творчески работать, получать достойную зарплату, иметь доступ к различным материальным ценностям, научной и иной профессиональной информации. Таким образом, в своем большинстве это были "вынужденные" коммунисты, а лицо коммунистической партии составлял как раз партийный аппарат.

В ходе реформаторской деятельности Горбачева назревал конфликт между простыми коммунистами, которые одобряли его курс на развитие демократии, и партийным аппаратом, не желавшим отдавать власть, в том числе и власть над простыми коммунистами. Конечно, у Горбачева был шанс обратиться к широким партийным массам через голову партийного аппарата. Это был бы эффектный политический ход. И мы, помощники Горбачева, вместе с ним неоднократно обсуждали такой вариант развития событий. К нему возвращались всякий раз, когда у Горбачева происходили ожесточенные стычки с секретарями областных комитетов и руководителями республиканских компартий. Однако во всех таких острых дискуссиях, проходивших, как правило, за закрытыми дверями, Горбачев неизменно одерживал победу, так же, как он одерживал победы на каждом пленуме, предшествовавшем съезду партии. Сказывалась внутренняя трусость и привычка к партийной дисциплине, которая была характерна для всего среднего звена партийных бюрократов. Это убаюкивало Горбачева. Он все откладывал и откладывал момент, когда нужно было бы объявить открытую борьбу партийному аппарату и призвать на помощь в этой борьбе рядовых коммунистов.

В конечном счете, как мы уже теперь знаем, партийный аппарат предал своего Генерального секретаря. Но Генеральный секретарь так никогда и не отважился вступить в открытый бой с партийной бюрократией.

Иллюзии, что партию можно реформировать, еще имели некоторое основание после XX и XXII съездов КПСС, когда Никита Хрущев разоблачил так называемый культ личности Сталина. Тогда была открыта часть преступлений партии перед страной. Но Хрущев не сделал главного: он не мог и не хотел вскрыть преступный характер самой коммунистической доктрины. Деятельность Сталина была представлена в то время как деятельность человека, отошедшего от принципов коммунистической морали и нравственности,

человека, который предал свою партию, угнетал коммунистов, а сама то партия была, по мнению Хрущева, очень хороша и очень нужна нашему обществу. Не случайно тогда из всех преступлений Сталина были выхвачены и гипертрофированы те преступления, которые он совершил в 1935—1938 гг., когда осуществлял чистку партийных рядов и направил террор против самих коммунистов. Хрущев осудил Сталина за излишнюю подозрительность, за то, что он подводил под расстрел людей, преданных политике партии, преданных лично товарищу Сталину. Он умолчал в то же время, что многие из коммунистов, пострадавших от сталинского террора, сами в тот или иной период развития революции осуществляли жесточайший террор. Но их террор был направлен против дворянства, против крупных землевладельцев, против крестьян, взбунтовавшихся после того, как они поняли, что большевики их обманули. Репрессии обрушивались и на рабочих в Петрограде, Астрахани, Ярославле только потому, что эти рабочие не были приверженцами большевистских идей. Вся коллективизация была, по сути дела, чудовищным геноцидом, осуществляемым большевиками против своего собственного народа. Но все эти виды и направления террористической деятельности большевиков, очевидно, не вызывали возражений у Хрущева. Это была, в понимании коммунистов, классовая борьба, в которой все средства хороши. Поэтому Хрущев вскрыл незначительную часть фактов о преступной деятельности лидеров большевистского движения и, по сути дела, осудил Сталина только за то, что он посмел поднять руку на "своих". Но вся эта картина стала ясной спустя уже много лет. Хрущеву удалось с помощью той же партийной пропагандистской машины изобразить дело таким образом, что действительно коммунистическая партия способна на самоочищение. Эти иллюзии в тот период, к сожалению, разделял и я. Именно после XXII съезда КПСС, когда культ личности Сталина, казалось, был окончательно осужден и возврата к прошлому быть не может, я вступил в партию. Это был октябрь 1964 г. Именно в этот месяц и в этот год был совершен очередной государственный переворот, и Хрущев был снят со всех занимаемых им постов. Такова ирония судьбы. Вслед за этим последовали 20 лет, которые воочию показали, чего же на самом деле стоят коммунисты. Удивительно, но создавалось впечатление, что эти 20 лет ничему не научили Горбачева, да и не только 20 лет, а еще и четыре первых года перестройки, когда партийный аппарат яростно сопротивлялся каждому его шагу в направлении построения нормального общества с цивилизованными понятиями об общечеловеческих ценностях.

Огромной заслугой Горбачева явилось то, что он изменил формулу классовой борьбы на формулу приоритета общечеловеческих ценностей. Но именно это и предредило невозможность реформировать партию коммунистов на принципах общечеловеческих ценностей. Коммунистическая партия — это партия борьбы, а не партия мирного созидания, это партия навязывания своей идеологии, а не партия плюрализма мнений. Горбачев не понял, что коммунистическая партия — это партия, которая не может существовать в рамках правового государства, о строительстве которого он заявил.

Партия большевиков с самого своего возникновения задумывалась как партия государственного заговора. Расхождения между меньшевиками и большевиками на II Лондонском съезде Российской социал-демократической рабочей партии — это были расхождения не по первому пункту Устава партии, а по поводу принципа построения партии: это должна была быть или партия парламентского типа, или партия заговора, партия переворота, партия захвата власти, партия, которая не хочет и не будет действовать в конституционных рамках.

Ленин создал партию большевиков как партию государственного переворота, и вся история ее деятельности свидетельствует о том, что в этом своем качестве она выступала всегда. Свержение Временного правительства и Октябрьский переворот — это был государственный заговор. Далее, разгон Учредительного собрания — антиконституционный шаг. Внутрипартийная жизнь также подчинялась законам группы заговорщиков. Вспомним, что в 1923 г., когда высказывания создателя партии большевиков стали неуютны ряду ведущих руководителей этой партии, Ленин был подвергнут жестокой информационной блокаде. Дальше — больше. После смерти Ленина руководители партии скрыли от членов партии его письмо, обращенное делегатам XIII съезда большевиков. Уже тогда совершенно отчетливо формировался двойной стандарт и в области политической этики, и даже в области элементарной человеческой морали. Политика внутрипартийных заговоров, которую взял на вооружение Сталин, еще больше закрепила криминогенный тип мышления у партийных руководителей. Он не только не исчез, но полностью сохранился и после смерти Сталина. Достаточно вспомнить "дворцовые перевороты" Хрущева, направленные в 1953 г. против Берии, а в 1957 г. — против бывших соратников Сталина — Молотова, Кагановича, Булганина... Впрочем, та же участь в дальнейшем постигла и Хрущева, который был устранен в 1964 г. Похожие сценарии и техника исполнения этого переворота впоследствии были использованы при попытке свергнуть Горбачева в 1991 г.

Партия государственного заговора, естественно, должна была иметь и соответствующую структуру и очень жесткую внутреннюю дисциплину. Сталин в свое время дал очень четкую характеристику партии такого типа. Он назвал ее Орденом меченосцев. В основе внутренней дисциплины коммунистической партии всегда лежал страх. Страх и полное бесправие рядовых членов партии. В случае индивидуального или коллективного неповиновения директивам вышестоящих партийных структур они всегда наказывались самым жестоким образом. Первичные партийные организации не имели права даже избрать своего партийного руководителя вопреки воле райкома КПСС. Любое проявление самостоятельности влекло за собой так называемые оргвыводы, включая и изгнание из партии. За этим изгнанием, как правило, следовало увольнение с занимаемой должности и часто невозможность найти работу в соответствии со своей специальностью. А на другом полюсе, в высших структурах власти накапливался потенциал вседозволенности, всевластия, пренебрежения к личности. Могла ли такая партия трансформироваться в партию демократического типа?

Конечно, нет. Но тогда правомерно возникает и другой вопрос: а верил ли в преобразование своей партии Горбачев?

Возможно, да. Даже в неофициальной рабочей обстановке он часто возвращался к идее социалистического выбора, причем подчеркивал, что это не только выбор партии, но и выбор всего народа. Правда, в его рассуждениях часто сквозили парадоксальные моменты. Так, например, он не раз публично говорил о том, что его дед в свое время сделал выбор в пользу создания колхозов как основы землепользования в Советском Союзе. В то же время в узком кругу он рассказывал, что его дед в период коллективизации был арестован, жестоко избит в следственной тюрьме ГПУ и чудом после нескольких месяцев издевательств выпущен на свободу. Из уст Горбачева этот рассказ я слышал неоднократно. Но ни разу Михаил Сергеевич не заканчивал его соответствующим выводом: социалистический выбор был сделан нашим крестьянством под непосредственным физическим насилием партии, которую он возглавлял.

Возможна и другая версия. Быть может, Горбачев отлично понимал, что партия уже не способна возглавить перемены в обществе. Он знал партию изнутри, не мог не чувствовать весь внутрипартийный маразм бюрократической верхушки. Но в то же время он знал и силу этого аппарата, его всепроникающую власть над любой стороной общественной жизни. Он чувствовал мстительность этого аппарата. В нем постоянно жил страх. Он боялся, что эта огромная всепожирающая

система раздавит своего реформатора, раздавит человека, посягнувшего на незыблемость устоев этой системы. И поэтому он избрал тактику постоянного лавирования, тактику мимикрии и неискренности. "С кем Вы, Михаил Сергеевич?" — вопили демократы на митингах. Но с тем же вопросом, я этому свидетель, к нему обращались секретари обкомов и члены ЦК партии на каждом партийном пленуме. Думаю, что Горбачев боялся партийной мафии. В частных беседах он часто вспоминал, как неприязненно восприняли его приход в Москву, его возвышение члены старого Политбюро (старого именно физически). Он был им неприятен уже своей молодостью. Чтобы утвердиться в этой среде, нужно было пройти большую школу лицемерия и демагогии. Чтобы победить, нужно было в совершенстве овладеть этими методами, стать мастером политического компромисса. Но после победы едва ли хватит сил освободиться от приобретенного багажа, вряд ли можно стать другим. Средства пожирают цель.

Внутри партийного аппарата сформировалась оппозиция Горбачеву, но он делал попытки идти в обход, не вступая в явный конфликт с партийной элитой. Он создал Президентский совет с полномочиями, которыми в прежние времена обладало лишь Политбюро ЦК КПСС. Надо сказать, что Президентский совет создавался Горбачевым впопыхах и непродуманно. Он включил в него часть государственных деятелей, которые и раньше по своему рангу входили в Политбюро. Это — председатель Совета Министров, министр обороны, министр иностранных дел, председатель КГБ, а дальше шли приятные (как он сам однажды выразился) для Горбачева люди: писатели — Распутин и Айтматов, представители науки — академики Осипьян и Шаталин, "верный" начальник Общего отдела ЦК Валерий Болдин. Далее — самые прогрессивные партийные функционеры Александр Яковлев и Евгений Примаков. Здесь же Вадим Бакатин (думаю, не столько по должности, сколько по тогдашним симпатиям Президента). Наконец, от рабочего класса — Вениамин Ярин. Столь пестрый состав членов Президентского совета заведомо не обеспечивал возможности глубокого и квалифицированного обсуждения проблем социально-политического развития страны. Думаю, что в тот период, когда Горбачев формировал персональный состав Президентского совета, он четко не представлял себе, зачем этот орган нужен Президенту. Если Президентский совет должен был представлять различные социальные слои общества, то он явно не выполнял свои функции. В Совете не были представлены промышленные круги, сторонники аграрной реформы, а самое главное, не было представителей оппозиционных сил. Таким образом, он уже изначально не мог помочь Президенту в выявлении

общественных настроений в стране. Для выработки серьезных политических решений Президентский совет не подходил из-за недостаточной профессиональной подготовки многих его членов. Большинство членов Совета также не в состоянии были выполнять роль полномочных представителей Президента при необходимости улаживания тех или иных социальных или межнациональных конфликтов. И тем не менее Президентский совет стал совершенно явным противовесом Политбюро ЦК КПСС. Большинство тех вопросов, которые раньше решались только на Политбюро, теперь уже обсуждались на Президентском совете, а также на Совете Федерации, состоящем из первых лиц союзных республик. Таким образом, Горбачев резко принизил роль Политбюро ЦК КПСС и тем самым нанес существенный удар всевластию партийного аппарата. Более того, оставаясь Генеральным секретарем партии, он почти демонстративно стал редко появляться на заседаниях Политбюро ЦК.

Отмена 6-й статьи Конституции СССР, а также перемещение центра принятия политических решений в Президентский совет нанесли существенный удар по позициям коммунистической партии. В этой обстановке я и другие помощники Горбачева рассчитывали на то, что на XXVIII съезде КПСС Горбачев продолжит линию на ограничение роли партии в управлении обществом. Для этого Горбачев должен был решиться на очень ответственный в политическом отношении шаг: он должен был отказаться от совмещения постов Генерального секретаря и Президента СССР.

Этого шага ожидала от него вся демократически настроенная общественность. Стоять во главе партии, дискредитировавшей себя в глазах народа и своим прошлым, и неумной борьбой за власть в новых, изменившихся условиях, — это значило прежде всего дискредитировать себя. Но Горбачев проявлял упорное нежелание расстаться с постом лидера партии на предстоящем XXVIII съезде КПСС.

Был и другой вариант.

В политической обстановке того времени вполне разумным, на мой взгляд, шагом было бы осуществление раскола партии, размежевание со старым, консервативным и, можно сказать, реакционным крылом партийной бюрократии.

Незадолго до съезда все три советника Горбачева — Черняев, Шахназаров и я — написали ему докладную с обоснованием необходимости на съезде раскола КПСС на две крупные партии. По сути этот раскол уже спровоцировало реакционное крыло КПСС, создав КП РСФСР во главе с Полозковым. Но Горбачев побоялся пойти не только на раскол,

но даже на формальное переименование партии¹. Это, безусловно, было определенной победой консерваторов. Ведь с уходом Горбачева реакционное крыло партии просто потеряло бы всякое влияние в общественной среде. Представители старого мышления ненавидели Горбачева и в то же время понимали, что он им необходим для самосохранения. В этом был один из парадоксов того периода.

Раскол был необходим Горбачеву, и его страшились как раз реакционные силы. К сожалению, в этот момент Горбачев не проявил политической дальновидности и решительности действий. Возможно, здесь сыграло роль его аппаратное прошлое. В нем взял верх аппаратчик над реформатором.

Среди интеллигенции, готовой поддержать партийную реформу, было широко распространено мнение о том, что партия должна осуществить акт гражданского покаяния перед обществом. Покаяния за те злоупотребления, за тот геноцид против своего народа, который совершался в течение многих десятилетий именем партии и руками партийного аппарата. Говорилось о необходимости морального очищения. Это выглядело очень эмоционально, но, тем не менее, действительно такой акт как раз мог бы провести водораздел между двумя лагерями членов коммунистической партии. С одной стороны, покаяние было неприемлемым для партийного аппарата, сохранившего большевистскую криминальную психологию, продолжавшего исповедовать принцип двойного стандарта в области политики, морали, доходов, информации. Оно было неприемлемо для людей, которые еще вчера жестоко преследовали инакомыслие, а сегодня выступали против гласности, свободы слова и печати, против отмены 6-й статьи Конституции. С другой стороны, акт покаяния был вполне естествен для людей, которые не участвовали во всех партийных злоупотреблениях, но считали себя морально ответственными за то, что, по сути дела, их именем пользовались для осуществления тотальной диктатуры в обществе. Из разговоров с Горбачевым складывалось мнение, что он не понимал глубинного смысла такого акта. Он полностью и решительно отвергал какие-либо попытки включить в его доклад на съезде элементы, которые могли бы быть истолкованы как общественное покаяние коммунистической партии². Его аргументы выглядели наивно и сводились к тому, что партия уже осудила сталинско-брежневское прошлое, а, с

¹ Во многих первичных партийных организациях коммунисты перестали перечислять партвзносы в райкомы партии. Они требовали ответа на вопрос: к какой партии они принадлежат — Горбачева или Полозкова? КП РСФСР юридически входила тогда в КПСС, но ее руководство фактически выступало против Горбачева.

² В этом отношении он ничем не отличался тогда от нынешних руководителей КПРФ, не говоря о других партиях — осколках КПСС.

другой стороны, она возглавила перестройку в стране. Он считал, что этого вполне достаточно. При этом не бралось в расчет то обстоятельство, что преступник, признавший себя виновным в совершенных преступлениях, и преступник, раскаявшийся в содеянном, — не одно и то же.

Горбачев утверждал, что без всякого покаяния ясно, что возврата к прошлому нет, и процесс перестройки, как он тогда выражался, необратим. Но эта его уверенность не разделялась значительной частью интеллигенции и политизированных слоев населения. В обществе сохранялся страх перед возможностью возвращения тоталитарного режима. И одним из оснований для такого рода опасений было сохранение партийного монстра. Без его ликвидации, без создания на освободившемся месте нормальной парламентской партии невозможно было движение вперед по пути демократии. Но, похоже, что Горбачеву больше нравилась идея перевоспитания. Однако реакционное крыло партии и не собиралось перевоспитываться, оно понимало, что политическая обстановка накалилась до предела, и решило провести перегруппировку сил, приступив к коллективным действиям против либерально настроенной части общества, да и против самого Горбачева. Не осуществив раскол партии, Горбачев, по сути дела, создал в тылу у себя потенциально активный очаг сопротивления.

"500 дней" до капитализма

Вода струей холодной льется,
С земли встает и чад и пар,
И в форме новой создается
Капитализма новый дар.

*Первый номер газеты "Правда",
1912 г.*

В разгар лета 1990 г. состоялись выборы председателя Верховного Совета России, завершившиеся победой Ельцина, правда, с небольшим перевесом голосов. Возникла качественно новая политическая ситуация. Основной соперник и оппонент Горбачева из отставного функционера-оппозиционера превратился в лицо, наделенное государственной властью. Горбачев не был готов к такому повороту событий, до последнего дня он не верил в победу Ельцина, поэтому в его поведении стала чувствоваться определенная растерянность. Как политический деятель крупного масштаба, Горбачев понимал, что в этой новой ситуации ему нужно пойти на контакт с Ельциным, что он уже не может продолжать жесткую конфронтационную линию. Именно этим Горбачев выгодно отличался от своего тогдашнего окружения. Ни Рыжков, ни Лукьянов, ни Маслюков, ни Крючков не понимали качественного изменения в политической ситуации.

Чтобы представить, насколько натянутыми к моменту избрания Ельцина на пост главы российского парламента были отношения между ним и Горбачевым, достаточно напомнить, что Горбачев так и не нашел в себе силы официально поздравить Ельцина с победой на выборах. Ельцин как победитель занял выжидательную позицию и, естественно, не делал никаких шагов к примирению. Хотя и не разжигал конфликт. Думаю, в июле 1990 г. Горбачева мучил вопрос, как, сохранив достоинство, сделать шаг к примирению с Ельциным.

Такова была ситуация, когда в моем кабинете раздался звонок, и Григорий Явлинский попросил срочно встретиться. Через час он уже сидел напротив меня и излагал причины столь поспешного визита.

Идея его сводилась к следующему. Радикальную экономическую реформу можно провести только в рамках территории Советского Союза. Ни одна республика, в том числе и Россия, не могут эффективно реформировать свою экономику, поскольку экономика страны представляет единый хозяйственный комплекс. Он очень скептически оценил попытку Михаила Бочарова и других людей из окружения Ельцина создать свою российскую программу выхода из кризиса и формирования рынка. Я был согласен с этой оценкой, и мы начали размышлять над вопросом, как можно организовать работу над единой комплексной программой перехода к рынку для всего Союза. При этом мы понимали, что такая программа должна быть альтернативой программе правительства Рыжкова, той самой программе, которую, по сути дела, забраковал Верховный Совет СССР, но забраковал в характерной для этого парламента форме. Программа Рыжкова не была категорически отвергнута, а была направлена на серьезную доработку. Собственно, команда Рыжкова в тот момент и занималась выполнением этого поручения, хотя мы с Явлинским отлично понимали, что ничего нового Рыжков и Абалкин осенью не представят. В ходе обсуждения мы пришли к общему выводу, что надо попытаться объединить Горбачева и Ельцина, с тем чтобы они дали совместное распоряжение по подготовке новой программы перехода к рынку, программы, единой как для России, так и для Советского Союза в целом. Я предложил Григорию Явлинскому написать лично письмо Михаилу Сергеевичу Горбачеву, в котором следует изложить свои соображения по волновавшему нас вопросу. На следующий день Явлинский привез составленное им послание. Я направился с этим письмом к Горбачеву. В его кабинете в Кремле сидели Яковлев и Примаков. Я подключился к общей беседе. Сейчас уже не помню, какой точно вопрос обсуждался, но хорошо помню, что этот вопрос был далек от экономических проблем. Я воспользовался небольшой паузой в разговоре и молча положил перед Горбачевым письмо Явлинского. Горбачев сначала бегло стал просматривать текст, потом его внимание мгновенно обострилось, и он уже вторично вчитался в послание Явлинского. "Где этот парень?" — обратился он ко мне с явными признаками радостного оживления. "Он сидит у себя на работе". "Где он работает?" "Он ни много, ни мало заместитель председателя Совета Министров России", — ответил я. "Зови его скорее". Я вышел из кабинета и попросил секретаря Горбачева связать меня с Явлинским. Через 20 минут Явлинский был в Кремле. Пока он добирался до кабинета, Михаил Сергеевич подробно расспросил меня о том, что это за человек и как я к нему отношусь. Естественно, я дал Явлинскому самые лестные характеристики, поскольку за период нашего непродолжительного знакомства

почувствовал, что Явлинский — грамотный, профессиональный экономист, энергичный и достаточно честолюбивый человек. Кроме того, он обладал большой работоспособностью, а документы, выходявшие из-под его пера, всегда отличали четкость мысли и логическая стройность концепции. К этому надо добавить, что научные взгляды у нас с ним полностью совпадали, так же как и совпадали оценки правительства Рыжкова. Согласны мы были и в основных направлениях, по которым должна развиваться экономическая реформа в Советском Союзе. Итак, я пригласил Явлинского в кабинет Горбачева, и состоялось их первое знакомство.

Горбачеву предложенная нами идея чрезвычайно понравилась. Чувствовалось, что, наконец, воздвигнут мостик, благодаря которому он может установить прямой контакт с Ельциным, причем повод для установления нормальных деловых взаимоотношений выглядел весьма убедительным и не унижал ни одну из сторон. Я обратил внимание Горбачева на то, что разработка альтернативной программы экономических реформ, по сути дела, является ударом по Рыжкову. Я обязан был это сказать, зная амбициозность Рыжкова. Это ни в коей мере не смутило Горбачева, он высказался в том духе, что в конце концов важнее всего дело. Если программа будет добротной и устроит все республики, это будет большим прорывом вперед.

Итак, Горбачева мы уговорили. Теперь очередь была за Ельциным. Эту миссию взял на себя Явлинский, поскольку в то время он непосредственно входил в ельцинскую команду. Ельцин в тот период отдыхал в Юрмале, в Латвии. Буквально в тот же вечер Явлинский, поговорив с Силаевым и сделав звонок в Юрмалу о необходимости срочного безотлагательного разговора, вылетел в Ригу.

Как мне потом рассказывал Явлинский, Ельцин, выслушав суть предложения, долго колебался. За годы конфронтации с Горбачевым у него сильно развилось чувство недоверия к этому человеку. Буквально целый день Ельцин не мог принять какого-либо решения, долго гулял по пляжу Юрмалы, но в конце концов принял положительное решение. Возможно, определенную роль в этом выборе сыграл звонок Горбачева в Юрмалу. Об этом звонке я попросил Горбачева, предчувствуя, что выбор Ельцина будет нелегким, и личный разговор его с Горбачевым, пусть даже для начала по телефону, должен рассеять сомнения в искренности позиции Президента. А Горбачев действительно казался искренне заинтересованным в разработке этой программы и в открытии нового витка взаимоотношений со своим соперником. Он выглядел радостно возбужденным, как шахматист, нашедший удачное продолжение, казалось бы, уже проигранной партии.

После возвращения Явлинского из Юрмалы мы решили, что самой лучшей формой, которая могла бы юридически закрепить работу над экономической программой, является подготовка совместного поручения Горбачева и Ельцина и создание независимой комиссии.

Персональный состав группы ученых, которая должна работать над проектом программы "500 дней", мы решили отобрать сами. Мы понимали, что наши предложения могут встретить сопротивление, однако договорились с Явлинским, что будем твердо стоять на избранных кандидатурах, вплоть до предъявления ультиматума, если состав группы будет каким-то образом меняться в угоду политическим соображениям. Мы очень опасались, что в группу будут навязываться различного рода высокопоставленные чиновники и хозяйственные руководители из Госплана и других союзных ведомств. В то же время мы, конечно, понимали, что от нас потребуют представительства в этой группе команды Рыжкова. Поэтому мы с Явлинским сошлись на том, что сами назовем кандидатуры из команды Рыжкова, с тем чтобы потом нам не навязали людей, с которыми мы не смогли бы сработать. Наш выбор остановился на трех работниках аппарата в Совете Министров СССР. Это — академик Абалкин, мой давнишний коллега по работе в Академии наук Евгений Ясин и совсем молодой сотрудник Сергей Алексашенко. Последнего мы подключили к работе несколько позже, а в первоначальный список группы он не попал, хотя в дальнейшем принимал самое активное участие в разработке программы "500 дней". Вообще мы решили с Явлинским составить преимущественно молодежную команду из ученых, мало известных широкой публике, людей, которым мы доверяем в профессиональном отношении и знаем об их потенциальных возможностях. Очень сложной была проблема выбора руководителя группы. Естественно, мы отвергли вариант, при котором группу возглавлял бы кто-нибудь из людей, готовивших правительственную программу. Явлинский предложил, чтобы я возглавил эту группу, но тогда возникала бы чисто политическая проблема, связанная с занимаемой мною должностью. Группа и соответственно, программа, разработанная ею, выглядели бы слишком прогорбачевскими. Российский парламент мог бы просто не одобрить работу группы, возглавляемой советником Президента СССР. Здесь могла бы сыграть свою роль политическая подозрительность. Перебирая фамилии возможных кандидатур, мы в конце концов остановились на фамилии академика Шаталина. В тот период он занимал довольно пассивную позицию в политической жизни страны, что объяснялось его плохим состоянием здоровья. К моменту начала всей

нашей затее Шаталин в очередной раз находился в больнице. В результате наших раздумий родился проект следующего документа. Приведу его полностью.

"ПОРУЧЕНИЕ

В целях подготовки согласованной концепции программы перехода на рыночную экономику как основы экономической части союзного договора, максимального учета всего положительного, что уже накоплено при подготовке и обсуждении проектов аналогичных документов и в первую очередь разрабатываемой российской программы и поступающих предложений союзных республик считаем необходимым:

1. Образовать рабочую группу для подготовки концепции союзной программы перехода на рыночную экономику как основы союзного договора в составе: Шаталина, Петракова, Абалкина, Явлинского, Вавилова, Григорьева, Задорнова, Мартынова, Машица, Михайлова, Федорова, Шмелева, Ясина¹. Включить в состав группы полномочных представителей правительств союзных республик. Разрешить при необходимости привлекать для участия в работе над концепцией ученых и специалистов независимо от учреждений и ведомств, в которых они работают.

2. Поручить рабочей группе подготовить концепцию программы не позднее 1 сентября 1990 г.

3. Обязать все министерства, ведомства, организации и учреждения предоставлять в распоряжение рабочей группы всю необходимую экономическую и другую специальную информацию без ограничений.

4. Поручить управлению делами Президентского совета и Совета Министров РСФСР обеспечить техническое обслуживание рабочей группы. Непосредственный контроль за работой группы будут осуществлять Горбачев и Ельцин".

Когда мы принесли этот документ на подпись Горбачеву, он не сделал ни одного исправления, молча взял ручку и поставил свою подпись. Некоторая заминка состоялась в другом. Горбачев хотел, чтобы

¹ Практически для всех молодых (да и не только молодых) разработчиков программы "500 дней" она стала мощным катализатором их деловой карьеры. Андрей Вавилов долгое время был первым заместителем министра финансов РФ (пересидел на этом месте шестерых министров), Ляня Григорьев — заместитель министра внешнеэкономических связей, затем представитель России в различных международных организациях, Миша Задорнов — председатель бюджетного комитета Государственной Думы, затем министр финансов, Володя Машец — министр по делам СНГ, Алексей Михайлов — председатель Думского комитета, Боря Федоров — дважды министр финансов РФ, Сергей Алексашенко — заместитель председателя Центрального банка РФ, Таня Ярыгина — заместитель председателя комитета Госдумы (двух последних мы привлекли к работе буквально с первых дней существования группы), наконец Женя Ясин — министр экономики, министр без портфеля и т.д. О Григории Явлинском я не говорю — его знают все.

это поручение было подписано четверкой: Президентом СССР, председателем Верховного Совета РСФСР, председателем Совета Министров СССР и председателем Совета Министров России (т.е. Горбачевым, Ельциным, Рыжковым, Силаевым). Аргументировал он это тем, что главам правительств нужно будет выполнять эту программу, если она будет одобрена и принята. Я понял, что Горбачеву важно заполучить подпись Рыжкова на этом документе, поскольку он, по сути дела, перечеркивал старую программу правительства СССР и дезавуировал постановление Верховного Совета СССР о доработке правительственной программы к осени 1990 г. Ведь в поручении шла речь о разработке новой программы на базе альянса с Россией и о совершенно новой команде разработчиков. Но здесь нашла коса на камень. Ельцин терпеть не мог Рыжкова. Антипатия была взаимной, что чувствовалось, ощущалось всеми. Ельцин не хотел, чтобы тень Рыжкова витала над этим документом. Он говорил об этом Горбачеву и по телефону, и потом в напутствии Явлинскому, который снова совершил вояж в Юрмалу и обратно. Но в конце концов Горбачев настоял на своем, и подпись Рыжкова появилась под этим документом, но должен сказать, что не без сопротивления со стороны Рыжкова. Рыжков сразу заупрямился. На все уговоры Горбачева он отвечал решительным отказом. Время поджимало — Горбачев, как всегда, собирался в отпуск в Крым, а подписи Рыжкова под документом все еще не было. Уже в аэропорту перед посадкой в самолет Горбачев продолжал уговаривать Рыжкова поставить свою подпись, но тот продолжал отбиваться. В конце концов рассерженный Горбачев при мне передал бумагу Болдину, на этой бумаге стояли только три подписи. Строчка, отведенная Рыжкову, была пуста. И только через двое суток Болдин переправил мне документ с автографом Рыжкова.

Вся история с созданием группы заняла меньше недели. 27 июля 1990 г. — окончательная дата формирования группы разработчиков программы "500 дней".

На разработку программу нам был отпущен всего лишь месяц, поэтому мы незамедлительно выехали в подмосковный дачный поселок Архангельское. Это была база отдыха, принадлежащая Совету Министров России. Мы разместились в комфортабельных коттеджах, которыми раньше пользовались министры бывшего российского правительства. В одной из дач были организованы импровизированные залы заседаний, рабочие кабинеты, установлены множительная техника, сейфы для хранения секретных материалов. Работа закипела. К сожалению, в ней приняли участие не все члены группы. Мартынов и Шмелев отказались прерывать свой летний отпуск и подключиться к работе. Шаталин в силу своей болезни лишь несколько раз появился

на знаменитой шестой даче, в штаб-квартире нашей команды. Что касается Абалкина, то он сразу занял негативную позицию по отношению ко всей группе, да и к самой идее разработки единой концепции перехода к рынку. Он отлично понимал, что это, по сути дела, альтернатива правительственной концепции, и не мог отказаться от своего детища.

Но даже в урезанном виде наша группа начала незамедлительную работу над выполнением поручения Горбачева и Ельцина. Мы понимали, что эту работу нужно выполнить во что бы то ни стало и на высоком научном уровне.

О политическом значении этой работы я уже упоминал выше. Это был действительно шанс на установление политического мира в стране. Два лидера — Горбачев и Ельцин, используя эту программу, могли бы объединить политические силы и действительно создать левый центр, на котором настаивали демократы. Эта программа имела огромное значение и для ученых-экономистов. Во-первых, впервые была создана группа на таком высоком уровне, состоящая из профессионалов без оглядки на занимаемые ими должности. Во-вторых, впервые такая группа работала на официальной основе. Ей был придан очень высокий юридический статус. И, наконец, в-третьих, руководители страны допустили возможность альтернативных программ. Была официально разрушена монополия правительства СССР на составление концепции и программы экономической политики. Наша группа действительно работала под наблюдением и Ельцина, и Горбачева.

Они весьма скрупулезно выполняли последний пункт подписанного ими документа. Несмотря на поездки по стране, которые осуществлял Ельцин в августе 1990 г., он все же выкроил время для двух довольно продолжительных встреч с членами группы. Что касается Горбачева, то такой активности с его стороны я не наблюдал за все время работы с ним. Не было ни одного дня, включая воскресенья, чтобы Горбачев не звонил мне из Фороса. Иногда мне приходилось разговаривать с ним и по два-три раза в день. Он живо интересовался ходом работы, стремился вникнуть не только в общие подходы, но и в детали, требовал присылать ему промежуточные материалы по различным разделам программы. У меня до сих пор хранятся черновые фрагменты программы "500 дней", буквально испещренные пометками и записями на полях, принадлежащими Михаилу Сергеевичу. Он был полон энтузиазма и с нетерпением ожидал результатов работы.

Со временем в Архангельское стали собираться представители республик. Идея программы вызвала неподдельный интерес буквально во всех республиках. Первым у нас появился представитель Казимиры Прунскене. Это было особенно знаменательно, поскольку непокор-

ность Литвы вызывала в то время явное раздражение Центра. Дело дошло до экономической, энергетической блокады Литвы. Вслед за литовским представителем появились и представители всех союзных республик. Началась нелегкая работа не только над основным текстом программы, но и над согласованием позиций отдельных республик. У нас возникла идея выделить специальный раздел в программе, посвященный экономическому союзу между республиками. Уже тогда я пришел к мысли, что экономический союз должен быть первичен, а политический союз должен следовать за экономическим. Политические проблемы назревали десятилетиями. Это и вопросы о границах, о положении национальных меньшинств на территории тех или иных республик, политические обстоятельства включения тех или иных территорий в состав Советского Союза, вопросы языка, культуры. Некоторые из этих вопросов могли быть решены довольно быстро путем переговоров и нахождения разумных компромиссов, а некоторые неразрешимы вообще. В конце концов дело политиков искать выходы из сложных межнациональных конфликтов.

Но есть общий цементирующий интерес. Это — экономика. Экономические интересы устойчивы, жизненно важны, и здесь легче всего добиться разумного компромисса. Я считал, что если добиться стабилизации экономической жизни, то и острота межнациональных конфликтов в значительной мере сгладится. Раздражение населения сложностями на рынке потребительских товаров переносилось автоматически на национальную почву. Олицетворением тоталитарного государства была Москва. Москва — столица России, значит, во всех экономических бедах виноваты русские. Это была простая, примитивная, обывательская логика, с которой трудно бороться.

Все мы, участники группы, работавшей над программой, понимали, что объявленный республиками политический суверенитет — это реальность, с которой нужно считаться. Поэтому мы записали в своей программе, что основным субъектом государственного регулирования экономики является союзная республика. Органы управления экономического союза действуют в соответствии с полномочиями, переданными им республиками. Таким образом, мы сразу стремились подчеркнуть, что не центр дарует часть экономических свобод республикам, а республики устанавливают объем прав, делегируемых на совершенно добровольной основе вновь создаваемому центру. Мы подчеркивали, что суверенные республики имеют исключительное право на законодательное регулирование владения, пользования и распоряжения всем национальным богатством, находящимся на их территории. Земля, ее недра, внутренние территориальные воды, континентальный шельф, воздушное пространство и другие природные ресурсы, созданный эко-

номический и научно-технический потенциал являются достоянием их народа, материальной основой государственного суверенитета республик. Все функции и полномочия членов экономического союза должны реализоваться исходя из принципа верховенства их законодательства. В соответствии с этим суверенные государства несут полную ответственность за экономическое развитие своих территорий. Они проводят собственную аграрную, жилищную и внешнеэкономическую политику, осуществляют земельную реформу.

В то же время мы считали, что экономический союз должен способствовать созданию и развитию единого экономического пространства. Поэтому мы специально подчеркнули в программе, что основой экономики является предприниматель, а роль государства в экономике ограничивается проведением макроэкономической политики, формированием рыночной инфраструктуры и обеспечением социальной защищенности граждан. В рамках экономического союза республики должны проводить согласованную политику для формирования условий для свободной предпринимательской деятельности всех действующих субъектов, включая предприятия, коммерческие организации, частных лиц: государство призвано защищать рынок. Такой подход импонировал представителям союзных республик, работавших вместе с нами, и это позволило договориться о том, что центральным органам управления в экономическом союзе делегируются довольно обширные полномочия. Одно их перечисление свидетельствует о том, что в 1990 г. была возможность сохранить единое государство на широкой демократической основе. Что же это за полномочия, делегируемые республиками Центру?

1. Создание экономических условий для поддержания обороноспособности, обеспечение государственной безопасности и борьбы с организованной преступностью.

2. Разработка перспективных прогнозов экономического и социального развития страны. Формирование и реализация крупных народнохозяйственных программ общесоюзной значимости.

3. Реализация согласованной кредитно-денежной и валютной политики, направленной на укрепление покупательной способности рубля.

4. Разработка и введение единых таможенных правил, обеспечивающих защиту общесоюзного рынка. Недопущение использования квот, ограничений или таможенных барьеров на пути движения согласованного перечня товаров внутри экономического союза.

5. Регулирование в общесоюзном масштабе цен на ключевые виды энергоносителей, сырья, товаров и услуг, круг которых согласовывается всеми субъектами экономического союза.

6. Выработка и согласование с республиками принципиальных моментов внешнеэкономической политики. Формирование и использование общесоюзного валютного фонда, выполнение обязательств Союза ССР перед международным сообществом.

7. Разработка и осуществление мер общесоюзного значения по обеспечению экологической безопасности населения.

8. Организация единой патентной и метрологической служб, службы единого времени, мер и весов, установление общесоюзных и внедрение международных стандартов, организация общесоюзной статистики.

9. Управление теми сферами деятельности и целевыми программами, которые по своему характеру требуют единого руководства, а именно: важнейшими фундаментальными исследованиями, оборонными программами, единым магистральным железнодорожным и трубопроводным транспортом, атомной энергетикой, космическими системами и исследованиями, общесоюзной системой связи, информации, государственной общесоюзной системой по предупреждению и действию в чрезвычайных обстоятельствах. В целях решения общих для суверенных республик задач они образуют совместную собственность всех республик — союзную собственность. Решение вопросов по созданию и управлению союзной собственностью осуществляется на договорной основе.

Казалось бы, ну что еще нужно Центру в экономической сфере? Какие привилегии, какая дополнительная власть? На мой взгляд, возникла уникальная возможность достичь разумного компромисса между политическими амбициями республик и экономической целесообразностью. Но Горбачев и его окружение вели себя как известный персонаж из сказки Пушкина о золотой рыбке. Им было мало той власти и тех управленческих функций, которые в августе 1990 г. согласны были делегировать республики. Ровно через год они остались у разбитого корыта.

Еще в телефонных разговорах со мной из Крыма Горбачев отвергал идею экономического союза как союза приоритетного по отношению к политическому союзному договору. Все мои аргументы отвергались, не принималось также во внимание и то обстоятельство, что согласованный перечень функций, которыми наделяется центр, готовит хорошую почву для дальнейших политических шагов Президента.

Еще более жестко негативное отношение к нашим идеям об экономическом союзе высказывали Рыжков и Абалкин. Перед возвращением Горбачева из Крыма Рыжков, Абалкин, министр финансов Павлов, тогдашний министр труда Владимир Щербаков приехали к нам в Архангельское. Они с ходу и решительно отвергли идею экономичес-

кого союза, даже не вникая в суть наших предложений, даже не прочитав предлагаемого текста. Особенно резок в своих суждениях был Абалкин. Он заявил, что все, что предложено в программе "500 дней", приведет к развалу Советского Союза и к капитализму. В его понимании и то, и другое было чем-то ужасным и совершенно неприемлемым. Спустя несколько дней, уже в присутствии Горбачева он повторил эти обвинения в наш адрес.

Хотя мы и уделяли много внимания рассмотрению вопросов взаимоотношений между республиками, тем не менее главным стержнем нашей программы был переход к рыночной экономике. Мы исходили из того, что человечеству не удалось создать ничего более эффективного, чем рыночная экономика. Она формирует мощные стимулы самореализации возможностей человека к повышению трудовой и хозяйственной активности, резко ускоряет научно-технический прогресс. Вместе с тем рынок — это единственный механизм, который позволяет на добровольной основе соединять различные государства и их экономические системы, поэтому только переход к нему позволит создать основу для добровольного объединения суверенных республик в рамках обновленного Союза. Для эффективного функционирования рыночной экономики необходимы предпосылки, которые должны быть созданы в течение переходного периода. Они образуют каркас, принципы функционирования новой экономической системы. Нужно было создать совершенно новые несущие конструкции экономического здания. Основу этого каркаса должны составлять максимальная свобода экономического субъекта, признание важной социальной роли наиболее активных, квалифицированных и талантливых людей. Далее — полная ответственность экономического субъекта за результаты своей хозяйственной деятельности. Третий момент — это конкуренция, которую мы рассматривали как важнейший фактор стимулирования экономической активности; развитие здоровой конкуренции требовало демополизации экономики, осуществления широкой программы приватизации. Четвертым элементом мы выделяли свободное ценообразование. Рыночные механизмы могут эффективно функционировать только в том случае, если подавляющее большинство цен устанавливается на рынке свободно, балансируя спрос и предложение. По нашему мнению, государственный контроль за ценами допустим только в ограниченной сфере и без грубого нарушения законов рыночного ценообразования, которое неизбежно ведет к дефициту. Далее мы отмечали, что товарный рынок должен быть дополнен и подкреплен рынком рабочей силы и финансовым рынком, которые обеспечивают высокую мобильность общественных ресурсов, их быстрый перелив в сферы наиболее эффективного использования. Осо-

бое внимание в нашей программе обращалось на обеспечение открытости экономики. Мы подчеркивали необходимость последовательной интеграции нашей экономики в систему мирохозяйственных связей. Мы исходили из того, что любому экономическому субъекту должно быть предоставлено право осуществлять внешнеэкономические операции. Иностранным юридическим и физическим лицам на равных условиях со всеми производителями должно быть предоставлено право действовать на внутреннем рынке в соответствии с общепринятыми международными нормами.

Логика нашей программы заключалась в том, что на первом этапе проводится жесткая денежно-кредитная и финансовая политика, направленная на ограничение денежной массы в обращении. Мы исходили из того, что разбухание денежной массы и относительный избыток денег и дефицит товаров были неотъемлемыми свойствами административно-командной системы. Участники группы разработчиков согласились со мной и Борисом Федоровым, что отправной точкой начала реформ должны быть мероприятия по связыванию этой денежной массы. Собственно, этот мотив был основным в той мартовской экономической программе Президента СССР, которую мы подготовили с Борисом Федоровым и о которой я писал в предыдущих главах этой книги. В тексте программы "500 дней" было прямо записано, что без жесткого ограничения денежной массы снятие контроля над ценами привело бы к высоким темпам инфляции. Вслед за мероприятиями по ужесточению денежно-кредитной и финансовой политики предлагалось развернуть работу по приватизации и постепенному отпуску цен из-под контроля государства. В нашей программе предусматривалось уже в первые сто дней сократить на 15 % финансирование Министерства обороны и Комитета государственной безопасности. В частности, предлагалось снизить на 50 % закупки вооружений и военное строительство с сохранением на год средней заработной платы работникам предприятий-изготовителей. Сэкономленные материальные ресурсы, по нашему мнению, необходимо было направить на свободный рынок. Мы предлагали также не менее 30 % экономии от сокращения расходов по Министерству обороны и КГБ направить на повышение заработной платы для офицерского состава и строительства жилья для военнослужащих, передислоцируемых в СССР из других стран.

Предлагалось приостановить сооружение всех объектов с окупаемостью более 5 лет, кроме тех, которые предназначены для расширения производства потребительских товаров и жилищного строительства. Мы предлагали провести инвентаризацию всех незавершенных строек, объявить мораторий сроком на один год на принятие крупных

бюджетных программ свыше 100 млн. руб. Предлагалось организовать распродажу объектов незавершенного строительства, сооружаемых за счет бюджетных ассигнований, а также военного имущества двойного назначения, неустановленного оборудования, строительных материалов и нежилых помещений.

Уже с 1 января 1991 г. предусматривалось прекращение выплаты всех дотаций и субсидий предприятиям; все централизованные фонды министерств в эти же сроки предлагалось передать в государственный бюджет, а сами союзные отраслевые министерства — ликвидировать.

Эти и другие меры были направлены на то, чтобы **максимально мобилизовать все ресурсы государства в момент перехода к рынку. И только тогда, когда все возможности в этом направлении будут исчерпаны и люди будут знать об этом, руководство страны вправе обратиться к народу и просить его "затянуть пояса" ради выхода из экономического кризиса.**

По нашему мнению, государство должно было продемонстрировать перед народом, что все резервы, которыми оно располагает, брошены в оборот, использованы для подъема экономики. Только в этом случае правительство могло рассчитывать на народное доверие и поддержку. Правительство народного доверия не возникает само по себе. Оно должно показать народу, что делается все возможное для предотвращения падения жизненного уровня населения в период перехода к рынку. Если это было бы достигнуто, то мы считали возможным выпустить специальный заем реформы на сумму примерно в 10—15 млрд. руб. сроком на три года, облигации этого займа должны были размещаться на коммерческих началах среди населения и за рубежом, в том числе под залог акций государственных предприятий, преобразуемых в акционерные общества.

Особое внимание в нашей программе было уделено политике ценообразования. Мы подчеркивали, что политика цен в период становления рыночной экономики будет исходить из следующих принципов.

1. Государство отказывается от административного повышения розничных цен на товары народного потребления. Установление государством цен на товары оправдано лишь при условии доступности этих товаров для всех. Если государство не в состоянии обеспечить необходимое количество товаров по установленной цене, оно обязано доверить установление цен самим продавцу и покупателю. Административное повышение цен не способно обеспечить сбалансированность рынка и создать предпосылки для ликвидации распределительной системы. Таким образом, в этом пункте мы принципиально разошлись с программой Рыжкова, предусматривавшей как раз резкое административное повышение цен. К сожалению, эта часть программы

правительства без всяких изменений переключалась несколько месяцев спустя в программу Валентина Павлова и была им реализована в апреле 1991 г.

2. Цены на потребительские товары и услуги постепенно освобождаются от административного контроля. На первом этапе снимается контроль за ценами на предметы роскоши и широкую группу продовольственных и непродовольственных товаров не первой необходимости.

Прежде всего речь идет о золоте, драгоценностях, деликатесах, сложной бытовой технике, высококачественной мебели, импортных изделиях. Вместе с тем в целях социальной защиты населения на год замораживаются цены примерно на 150 детализированных товарных групп или конкретно товаров и услуг, образующих основу прожиточного минимума семьи.

Республиканские и местные органы размещают заказы на дополнительное производство этих товаров и при необходимости вводят их нормированное распределение. В дальнейшем контроль за розничными ценами снимается последовательно по товарным группам с учетом конкретной обстановки и ситуации на рынке.

К концу 1991 г., по нашему мнению, доля свободных цен должна была составить до 75 % объема покупок товаров и услуг. В 1992 г. цены предполагалось контролировать только по узкому кругу потребительских товаров первой необходимости, таких, как определенные сорта хлеба, мяса, молоко и растительное масло, сахар, основные виды медикаментов, школьные учебники, транспортные тарифы, тарифы на отдельные виды коммунальных услуг. При этом мы исходили из того, что чем шире круг товаров, реализуемых по свободным ценам, тем скорее цены стабилизируются и начнут снижаться. Появится дифференциация цен по качеству товаров. Конечно, это могло стать реальностью только в том случае, если получаемая предприятиями прибыль в основной своей части направлялась бы на инвестиции и расширение производства товаров, пользующихся повышенным спросом.

3. Поскольку в переходный период государство не может сразу отказаться от политики поддержания низких розничных цен на некоторые товары, естественно, сохраняются в определенном размере дотации к ценам. Однако необходимо принципиальное изменение порядка выплаты дотаций к ценам на продукты питания. Они должны выплачиваться только магазину на ограниченный круг конкретных продуктов. Сумма дотаций при этом будет прямо связана с количеством товаров, проданных через магазины.

4. С либерализацией розничных цен должна быть увязана либерализация оптовых и закупочных цен. Она должна проводиться следую-

щим образом. Сначала осуществляется административное повышение оптовых цен на основные топливно-энергетические и сырьевые ресурсы. Это повышение должно было производиться в несколько этапов, с тем чтобы в течение года или полутора лет выйти на уровень мировых цен. Повышение цен на сырье и энергоносители будет компенсироваться в производственных отраслях ресурсосбережением, правом применять свободные цены на свою продукцию, а также частично через специальные стабилизационные фонды. Государственному регулированию подвергаются также цены на продукцию предприятий-монополистов.

Цены на остальные виды продукции устанавливаются на рыночных основаниях, т.е. совершенно свободно.

Особое внимание в нашей программе было уделено проведению земельной реформы. По нашему мнению, цель земельной реформы заключается в создании условий для эффективного хозяйствования в разнообразных формах, ликвидации монополии на землевладение, введении частной собственности на землю и купли-продажи земли. Мы считали, что уже в первых числах октября 1990 г. Президент СССР должен был заявить о неотъемлемом праве народа на землю и подтвердить полномочия местных Советов по распоряжению ею. Земли колхозов и совхозов должны были быть объявлены суммой наделов их работников. Сразу за этим заявлением Президента должны были быть созданы республиканские комитеты по земельной реформе с развитой структурой местных отделений. На комитеты по земельной реформе возлагались землеустроительная, консультативная, контрольная и арбитражная функции. В целях нейтрализации возможного саботажа на местах предусматривалось внесение изменений в гражданское и уголовное право. По предложенной в программе "500 дней" схеме перерегистрация должна была производиться местными советами во взаимодействии с комитетами по земельной реформе с учетом фактического использования земли. Крестьянам предоставлялось право на земельный надел. Земля, входящая в личное подсобное хозяйство, объявлялась личной собственностью крестьянской семьи либо передавалась ей за небольшую плату. В колхозах и совхозах происходила приватизация земли и основных производственных фондов. Крестьяне, пожелавшие совместно вести хозяйство в рамках единого крупного формирования, могут образовать кооператив с полной ответственностью либо кооператив, артель с ограниченной ответственностью. Такой же порядок распространяется на совхозы. После подписания соответствующих уставов, договоров новые формирования регистрируются советом. Законодательно закрепляется право свободного выхода работника из колхоза с переходящими в его собственность земельным

наделом и долей накопленного имущества в натуральной форме либо в виде приносящих дивиденды ценных бумаг.

По нашим оценкам, можно было ориентироваться на создание в ближайшие год—два 180 тыс. крестьянских хозяйств. Мы прогнозировали, что процесс их организации более активно пойдет в Нечерноземной зоне, отдельных районах Сибири, республиках Прибалтики, горных и предгорных районах Закавказья, на Западе Украины. Наибольшее развитие получат крестьянские хозяйства в производстве молока и мяса, овцеводстве и свиноводстве, а также в производстве картофеля, овощей открытого и закрытого грунта, фруктов, а в ряде зон — экологически чистой продукции. Ориентировочные оценки потребности в инвестициях для создания такого числа хозяйств составляли порядка 25 млрд. руб. Источниками финансирования должны были быть государственные ассигнования, кредиты и денежные накопления населения.

В программе предусматривалось создание в республиках земельных банков. В функцию земельных банков входили долго- и краткосрочное кредитование фермеров, приобретение в собственность земли, ипотечный кредит, распространение и покупка акций, паевых взносов кооперативов. Наиболее действенным рычагом земельной реформы является платность земли. В ходе инвентаризации земельного фонда условно исчисляется предварительная стоимостная оценка земли, вводится земельный налог, побуждающий к эффективному использованию земли. Вопрос о купле-продаже земли стал камнем преткновения споров с Горбачевым после возвращения его из Крыма.

Горбачев продолжал считать, что введение земельного рынка может привести к спекуляции землей, а этого нельзя допустить ни при каких условиях. Он твердо стоял на своем. И в последнем варианте программы "500 дней" тезис о необходимости введения свободной купли-продажи земельных участков был снят... Однако мы предполагали, что если основная схема земельной реформы будет принята, то в дальнейшем вновь возникнет вопрос о земельном рынке и в конечном счете он будет создан. Аграрную реформу мы рассматривали как один из главных факторов выхода из кризиса.

Другим, не менее важным потенциалом оздоровления экономики считалось проведение ускоренной конверсии. Разрядка международной напряженности, большие усилия по снятию взаимных претензий между главными ядерными державами — СССР и США — создавали благоприятную почву для демилитаризации советской экономики. Военно-промышленный комплекс пожирал огромное количество природных ресурсов, концентрировал интеллектуальные силы, высококвалифицированных инженеров и рабочих. Военная доктрина, осно-

ванная на поддержании паритета в вооружениях со странами НАТО, была самоубийственной для Советского Союза. Страна, имевшая производительность труда существенно более низкую, чем США, была обречена на экономический кризис. Выход из него виделся только в грамотно и эффективно проводимой конверсии. Но чтобы составить и реализовать такой план перевода оборонных предприятий на выпуск гражданской продукции, необходимо было прежде всего снять ореол секретности с военно-промышленного комплекса. По нашим оценкам, до 70 % предприятий оборонного комплекса могли бы быть рассекречены без всякого ущерба для обороноспособности страны. Эта секретность была необходима руководству военно-промышленного комплекса для того, чтобы оградить себя от контроля общества. По нашему мнению, конверсия оборонной промышленности должна была преследовать следующие цели: снижение государственных расходов за счет сокращения военных программ, повышение технического уровня гражданского производства путем передачи передовых технологий, ноу-хау, а также более качественных видов сырья и материалов, перераспределение материальных и трудовых ресурсов из военного в гражданский сектор экономики, активизации новых наукоемких источников экспорта. Конечным итогом конверсии должно было стать создание современных производств с новой технологией, проектированием и тиражированием потребительских товаров длительного пользования.

Таковы основные проблемы, которые рассматривались в программе "500 дней".

Я отметил только принципиальные центральные моменты этой программы. Ее текст охватывал значительно более широкий круг вопросов, включающих и социальную защиту населения от возможных неприятностей в период перехода к рыночной экономике, и проблемы создания рыночных инфраструктур, изменение банковской и бюджетной политики, налоговой системы; рассматривался и довольно необычный для программных документов вопрос о теневой экономике, ее влиянии на общее экономическое развитие страны и возможности ее ликвидации по мере перехода к открытому рынку. К работе над программой мы привлекли значительное число специалистов, использовали аналитические материалы отдельных ученых и научных коллективов, широко пользовались статистикой. К сожалению, далеко не все организации предоставили нам необходимые материалы, несмотря на прямое указание Горбачева о предоставлении информации нашей группе. Это было своего рода актом саботажа со стороны правительства. Рыжкову не нравилась президентская затея, и он перешел практически к открытому неповиновению решениям Горбачева и Ельцина

по разработке единой программы перехода к рынку. В части непредоставления необходимой экономической информации ему это было сделать очень легко, поскольку практически вся экономическая информация концентрировалась в правительственных ведомствах, которые непосредственно подчинялись указаниям председателя Совета Министров. Информационный бойкот осуществлялся двумя методами: или прямой отказ в выдаче информации, т.е. прямое игнорирование распоряжения Президента СССР, или затягивание времени предоставления информации под предлогом сложности ее обработки и компоновки в необходимой форме. Это был тонко рассчитанный ход бюрократов, поскольку они отлично понимали, что мы ограничены во времени сроками подготовки программы, а программа без расчетов обречена стать пустой декларацией.

Я посоветовался с Шаталиным и Явлинским, и мы приняли совместно решение, что единственный способ борьбы с бюрократическими играми наших оппонентов — это открытость и гласность. Мы решили не делать для журналистов никаких секретов из нашей работы, наших трудностей, принципиальных положений готовящейся программы. Мы решили удовлетворить естественный интерес журналистов к нашей деятельности и не прятать наши исследования под покровом таинственности, как это делали правительственные чиновники. Результаты не замедлили сказаться. Вот, например, что писал корреспондент газеты "Правда" 12 августа 1990 г.: «В "Архангельское" практически никакой информации от большинства союзных ведомств не приходит. Предположим, что в вопросах военных еще можно возложить вину на ржавый стопор нашей пресловутой секретности, хотя какие секреты могут быть от советника президента Н. Петракова или члена Президентского совета С. Шаталина? Но и по вполне штатским запросам глухое молчание. Кстати, приезжая к разработчикам новой концепции, я надеялся взять интервью у Л. Абалкина. Но, к своему удивлению, так ни разу его здесь и не встретил. Прочитав же его выступление в "Аргументах и фактах", понял, что удивляться нечему. Леонид Иванович там прямо сказал, что его группа работает от Верховного Совета, а эта — от Президента. Поразмыслив, думаю, что это понятно. Не может же один человек искренне и плодотворно работать над двумя разными концепциями.

Эта выдержка из корреспонденции журналиста Михаила Гуртового. Он правильно подметил, что уже к середине августа Рыжков и Абалкин взяли курс на создание двух параллельных программ, коль скоро не удалось им заблокировать разработку программы "500 дней". Таким образом, Николай Рыжков, по сути дела, начал осуществлять открытый саботаж решений Президента СССР уже не только по линии

ограничения выдаваемой статистической информации, но и в части разработки единой концепции перехода к рынку, единой программы рыночных преобразований. Рыжков, постоянно призывавший к соблюдению дисциплины, четкому выполнению директив Центра, сам оказался (и не без удовольствия) в роли слушника прямых указаний своего Президента. Борьба была объявлена по всему фронту. Правительство Рыжкова стало искать союзников. С этой целью оно, в частности, обратилось к руководству государственных профсоюзов. Почему именно к профсоюзам? Расчет был прост: в то время профсоюзы были организацией, покорно следовавшей за правительственными чиновниками. Профсоюзные лидеры обладали немалыми демагогическими способностями. Схема действий была проста: объявить программу "500 дней" программой перехода к капитализму, программой наступления на жизненно важные интересы рабочего класса, использовать профсоюзных лидеров для охаивания программы "500 дней".

Чтобы читателям было понятнее, как в тот период накалялась обстановка и какие методы борьбы использовались, приведу выдержку из репортажа корреспондента Ирины Демченко, опубликованного в газете "Известия" 27 августа 1990 г.

"Два минувших выходных — субботу и воскресенье — более 1000 профсоюзных активистов страны вырабатывали на своем совещании позицию профсоюзов в связи с переходом страны к регулируемой рыночной экономике. Перед собравшимися выступили: заместитель председателя Совмина СССР, директор Института экономики Л. Абалкин с докладом о правительственной программе перехода к рынку; его заместитель по Институту Б. Мильнер — с докладом об альтернативных вариантах перехода к рынку; секретарь ВЦСПС А. Яковлев — о позиции профсоюзов. Представителей рабочей группы по подготовке концепции перехода к рынку под эгидой М. Горбачева и Б. Ельцина на этом совещании не было. Последнее обстоятельство, впрочем, не помешало докладчикам и выступавшим обсуждать работу, с которой они, по собственному признанию, не знакомы, и критиковать ее. Особенно негативно оценил деятельность рабочей группы ее член, заместитель председателя Совмина СССР, предварительно заявив с трибуны, что не видел еще ни одной страницы текста, этой группой написанного. Нежелание правительства сотрудничать с конкурентами вылилось, судя по заявлению, сделанному Л. Абалкиным на совещании профсоюзного актива, в открытую конфронтацию. Между тем общественное мнение явно симпатизирует новой команде. Опросы, проводимые социологами Всесоюзного центра изучения общественного мнения, показывают, что авторитет союзного правительства падает. Эти обстоятельства, думается, и побудили известного идео-

лога правительственной программы к поиску союзника в лице профсоюзов — самой массовой общественно-государственной организации страны. Выступление Абалкина было встречено с пониманием. Без обсуждения и оценок были выслушаны заявления заместителя председателя Совмина СССР о том, что он выступает против обсуждения на Верховных Советах СССР и РСФСР различных программ перехода страны к рынку. Программа должна обсуждаться одна — правительственная. А также о том, что правительство держит в запасе варианты прямого обращения к народу за поддержкой, через голову парламента или созыва внеочередного съезда народных депутатов. Кроме того, он просил не трогать правительство в течение очередных полутора лет, дав ему возможность спокойно работать".

В значительной мере вся эта психологическая война, направленная против группы, образованной Горбачевым и Ельциным, имела своей целью выбить нас из привычного рабочего режима, создать психологический дискомфорт. Однако надо отдать должное моим молодым коллегам, что, невзирая на свою неопытность, они сразу расценили все эти демарши со стороны команды Рыжкова как мышиную возню. Мы сосредоточенно продолжали работать, периодически посылая Григория Явлинского то на встречи с российскими депутатами, то на встречи с рабочими коллективами. Он блестяще справлялся с задачами формирования общественного мнения, разъясняя наши позиции. После поездки Ельцина по различным регионам России к нам в Архангельское приехала довольно значительная депутация рабочих-шахтеров, представителей стачечных комитетов Воркуты, Караганды, Донбасса и других угольных центров страны. Они внимательно вслушивались в наши дискуссии, изучали наши подходы к экономическим реформам, как губка впитывали все происходящее в нашей рабочей группе. Беседы с этими молодыми и умными ребятами вселяли уверенность, что мы нащупываем правильный путь экономических реформ и что он будет воспринят в рабочей среде.

Итак, работа уже приближалась к завершению. Нам оставалась последняя декада августа, но ситуация именно в эту последнюю декаду довольно существенно изменилась. Дело в том, что 23 августа Горбачев вернулся из Фороса. За несколько дней до своего возвращения в очередном телефонном разговоре Горбачев предупредил меня, что он хотел бы прямо в аэропорту Внуково-2 получить хотя бы промежуточный текст нашей программы. Я обещал ему это сделать. Мы, естественно, оказались в цейтноте, но тем не менее к указанному сроку материал, на мой взгляд, вполне добротный, был у меня в руках.

И вот 23 августа, вторая половина дня, аэропорт Внуково-2. По ритуалу туда съезжаются все члены Президентского совета, находя-

щиеся в то время в Москве. От руководства партии — Ивашко, председатель Верховного Совета СССР Лукьянов. Казалось бы, ничего необычного, все как всегда, но Рыжков был крайне возбужден вчерашней нашей беседой во время его единственного визита в Архангельское. Войдя в зал ожиданий, я это почувствовал сразу. Рыжков стоял вместе с Лукьяновым, оживленно жестикулируя, вполголоса что-то ему рассказывал. Лукьянов слушал насупленно, неопределенно глядя в пространство. Обычный ритуал рукопожатия. Когда дело доходит до Рыжкова, он произносит в мой адрес фразу: "Ну, ты войдешь в историю". "Николай Иванович, Вы уже вошли в историю", — сразу отвечаю ему. Следующая протянутая рука Лукьянова. Тот свирепо смотрит на меня: "Не позволим". Реплика загадочная, но зловещая. Оставляю ее без внимания. Иду дальше. Вежливо-вялый Крючков совершенно непроницаем, Язов по-солдатски формален. Чувствуется внутреннее напряжение. Наконец, самолет приземляется, обычные приветствия, затем по традиции образуется кружок вокруг Президента, оптимистичного, загорелого. И тут происходит необычная сцена. Рыжков, Маслюков, Лукьянов, перебивая друг друга, требуют от Горбачева завтра же утром встретиться с правительством, с тем чтобы руководители министерств и ведомств могли объяснить Горбачеву всю сложность ситуации, сложившейся в связи с подготовкой программы "500 дней". "Михаил Сергеевич, Вы должны выслушать нас и прежде всего нас, — говорит Рыжков. — И это надо сделать немедленно, чтобы Вас не успели дезинформировать". Я не верю своим ушам. Горбачев тоже обескуражен, пытается отшутиться, перевести разговор на другие вопросы, но массированная атака продолжается. К ней подключается Крючков. Болдин в разговоре не участвует, он в стороне беседует с Раисой Максимовной. Это его обычная диспозиция при всех встречах и проводах. Горбачев сворачивает разговор и начинает быстро прощаться со встречавшими. Подходит и ко мне, пожимает руку и скороговоркой произносит: "Я тебе позвоню в машину. Пока".

Рванули с места машины Президента и его охраны, затем стали разъезжаться встречавшие. Я еду, естественно, в Архангельское. Через 10—15 минут звонок в машину. Говорит Горбачев. "Слушай, Николай, завтра к 10 часам в Кремль приезжай вместе со всей своей командой". Смотрю на часы — 8 часов вечера. Приезжаю в Архангельское. На 6-й даче все в сборе, все ждут от меня известий. Сообщаю новость ребятам. Немножко рассказываю о ситуации в аэропорту. Все возбуждены, понимают, что это большой успех, что Горбачев решил прежде всего встретиться с группой разработчиков. И все-таки такая быстрая встреча для многих неожиданность. Оказалось, что у двух членов группы даже нет пиджаков и галстуков. Так они и поехали на встречу на

следующий день в летних рубашках. Не по протоколу. Для многих это была первая встреча с Горбачевым. И не просто для многих, фактически для всех, кроме меня, Шаталина и Явлинского. Ощущалось сильное волнение и чувствовалось, что все члены группы воспринимают эту встречу как историческое событие.

Горбачев как всегда очаровал собравшихся своей раскованностью, а главное — деловитостью. Встреча продолжалась почти 5 часов. Высказались все. Разговор шел откровенный, и чувствовалось взаимопонимание. Горбачеву явно нравился наш подход. Он назначил уже на 30—31 августа заседание Президентского совета совместно с Советом Федерации. До этого он собирался встретиться с Ельциным, который все еще продолжал свою поездку по стране. В конце заседания он обратился ко мне и Шаталину и сказал, что завтра в это же время, т.е. в 10 утра, он собирается встретиться с Рыжковым и руководством правительства СССР и желал бы, чтобы мы присутствовали на этой встрече. Единственное, о чем он просил, это не участвовать в обсуждении, а только слушать. Таким образом, мы с Шаталиным приглашались в свидетели беседы с правительством. Этим Горбачев недвусмысленно подчеркивал свою лояльность к нашей группе и открытость в своем поведении.

На встрече Горбачева с правительством, которое было представлено Рыжковым и 7—8 его заместителями, для меня не было почти ничего неожиданного. Пожалуй, лишь уровень откровенности в высказываниях был необычен. Рыжков, Абалкин, а затем и другие заместители председателя Совета Министров СССР многословно говорили о том, что их программа — самая лучшая, реалистичная, хорошо обдуманная, а то, что делалось в группе, сидевшей в Архангельском, на самом деле — дилетантство, направленное на капитализацию нашей экономики и на развал Союза. При этом выступавшие, не смущаясь, признавались, что ни одной строки программы "500 дней" они не читали. Много говорилось о наведении порядка, режима политической стабильности, подчеркивалось, что это — основное условие выхода из экономического кризиса. Политический хаос мешает правительству спокойно работать, приводит к непослушанию, особенно в Прибалтийских республиках и в России. Очень негативные высказывания были в адрес Ельцина. Министры своими высказываниями буквально подогревали друг друга. Дело дошло до того, что Маслюков, вскочив со своего места, заявил: "Необходимо во что бы то ни стало убрать Ельцина. Как хотите, Михаил Сергеевич, но любой ценой убрать, без этого не обойтись". "Прекратите говорить ерунду", — оборвал Маслюкова Горбачев. Это была кульминация встречи. Вырвалось то, ради чего, собственно, и настаивали на разговоре с Горбачевым руководи-

тели советского правительства. Далее разговор скатился на мелочи, но в конце беседы Горбачев твердо заявил, что очень надеется на положительный исход своей встречи с Ельциным, на то, что будет выработана и принята единая программа экономических реформ, что ради дела надо умерить свои политические амбиции. Это относится ко всем присутствующим.

До Президентского совета и Совета Федерации, назначенного на 30 августа, оставалось еще несколько дней. За эти дни Горбачев самым внимательным образом прочитал довольно объемистый текст нашей программы, затем вызвал меня к себе, и мы вдвоем, буквально постранично проштудировали весь материал, разбираясь с каждой сомнительной, по мнению Горбачева, формулировкой, вникая в графики и цифровой табличный материал. На это ушел фактически весь рабочий день. Горбачев не принимал никого и не отвечал на телефонные звонки. По всему чувствовалось, что программа ему нравится, и он увлекся самой идеей и подходами к реализации этой программы. Конечно, текст представленного нами проекта выгодно отличался от обычной правительственной жвачки, которой кормили Горбачева Рыжков и его команда.

Горбачев живо интересовался экономическими нюансами, особенно хотел понять механизмы и методы борьбы с инфляцией, проявлял очень большую осторожность во всех вопросах, касавшихся приватизации, особенно, как я уже отмечал, в вопросах частной собственности на землю. Но чувствовалось, что он окрылен не столько экономическими идеями, сколько новыми политическими возможностями, открывающимися перед ним в связи с предстоящей встречей с Ельциным. Все эти дни у Горбачева было отменное настроение, он шутил, вспоминал истории из жизни, читал на память стихи и частушки. Наконец, состоялась долгожданная встреча-примирение Горбачева с Ельциным. Если мне память не изменяет, это произошло 29 августа.

Встреча продолжалась около 5 часов при закрытых дверях. Оба участника встречи предстали перед корреспондентами и телекамерами довольными и полными надежд на прекращение политической конфронтации, на улучшение экономического положения страны. Сразу после встречи с Ельциным Горбачев вызвал меня к себе. Я нашел его действительно в хорошем расположении духа. Рассказав в общих чертах о беседе и характере достигнутых договоренностей, Михаил Сергеевич заключил свой монолог такими словами: "Знаешь, Николай, состоялся хороший мужской разговор. Мне с Борисом легче найти общий язык, чем со многими, кто только что втянулся в политический процесс и много о себе мнит. Все-таки мы с Ельциным прошли одну школу, понимаем друг друга с полуслова. Конечно, вначале высказали

друг другу обиды. Он мне говорит: «"Что же перед моими выборами Вы собирали коммунистов и требовали любой ценой меня не избирать. Это что же, Михаил Сергеевич, кирпичом по голове?" Но я ему говорю: "Брось, Борис, а ты как меня честил в Америке публично, в книжках, в интервью?" Ну, в общем потом перешли к деловому разговору, и мне кажется, он у нас получился».

На следующий день на совместном заседании Совета Федерации и Президентского совета Ельцин выступил с короткой речью, где в очень жестких и четких формулировках подчеркнул, что его союз с Горбачевым основан не на конъюнктуре, а продиктован интересами развития страны, и что он, со своей стороны, будет придерживаться всех достигнутых договоренностей, о чем заявляет со всей ответственностью. Другие руководители республик также доброжелательно отзывались о программе "500 дней". И, казалось, ждали сигнала от Горбачева, чтобы подписать экономический союз и принять на вооружение подготовленную нашей группой программу. Однако сигнала не последовало. Хотя Горбачев несколько раз в ходе обсуждения подчеркивал свою симпатию к программе "500 дней", решительность в его словах отсутствовала. В то же время Рыжков распространял среди участников совместного заседания документ, подготовленный Госпланом СССР, об организации работ по завершению подготовки взаимоувязанных планов и бюджетов на 1991 г. и принципах функционирования народнохозяйственного комплекса в 1991 г. Этот документ должен был играть, по мнению Рыжкова, роль альтернативы подписанию соглашения о создании экономического союза. Это был чисто технократический документ, подробно регламентирующий взаимные межреспубликанские поставки, формируемые и регулируемые из прежнего Центра. В этом документе подчеркивалось, что законодательной основой, определяющей экономические и хозяйственные отношения союзных республик в составе Союза ССР в 1991 г., являются принятые Верховным Советом СССР основополагающие законодательные акты по экономической реформе. Таким образом, на республиканские суверенитеты накладывалось вето центрального правительства. Кроме того, в этом же документе говорилось, что в качестве исходной информации для завершения разработки союзными, автономными республиками планов и бюджетов на 1991 г. необходимо принять сообщенные предприятиям, объединениям и организациям преysкуранты новых цен и тарифов. Из этого текста большинство из нас впервые узнало, что, оказывается, отвергнутая Верховным Советом СССР летом этого года реформа оптовых и розничных цен успешно, но подпольно продвигается правительством вперед. Предприятиям уже были сообщены новые цены и тарифы, которых никто не утверждал, и эти проекты

новых цен предлагалось использовать для разработки планов на следующий год.

Такие заявления выглядели прямым вызовом Верховному Совету страны, который ставился перед фактом игнорирования правительством принятых решений, а также Президенту страны, который не только не высказал своего одобрения правительственной программе, но инициировал разработку альтернативной программы, где вопрос по поводу цен решался совершенно иначе.

На заседание 30 августа было приглашено очень много министров. Это было против обычных правил работы Президентского совета и Совета Федерации. Думаю, что это было сделано по инициативе Рыжкова и реализовано непосредственно Болдиным, возглавлявшим аппарат Президента. Министры на этом заседании вели себя очень активно, создавая по количеству выступлений явный перевес в свою пользу. Создавалось впечатление, что идет заседание не Президентского совета и Совета Федерации, а заседание правительства. Всем было ясно, что если будет принята программа "500 дней", то Рыжкову с его отвергнутой программой надо уходить в отставку. Думаю, что Ельцин настаивал на срочном принятии программы "500 дней" не по экономическим соображениям, а потому, что он хотел убрать из окружения Горбачева ненавистную ему фигуру Рыжкова. Рыжков также не строил никаких иллюзий на этот счет. В моем присутствии он пугал Горбачева тем, что удар якобы направлен не столько на Рыжкова, сколько на Горбачева. Концепция была проста и примитивна. "Я нахожусь в передовом окопе, — говорил Рыжков, — весь обстрел направлен против меня. Я — олицетворение центра, но не будет меня, и все стрелы полетят прямо в Вас, Михаил Сергеевич. Так что не сдавайте передовые рубежи". Похоже, такие речи оставляли след в душе Горбачева, тем более что произносил их не только Рыжков. Безусловно, в тот период у Горбачева работало чувство самосохранения, но вряд ли он очень сильно опасался демократов.

Да, демократы требовали от Горбачева жертвы. Но это должна была быть своего рода ритуальная жертва, демонстрирующая, что Горбачев порвал с административно-командной системой. И фигура Рыжкова как нельзя лучше подходила для этого. Именно Рыжков был в глазах демократов олицетворением административно-командной системы. Но Горбачев знал, что Рыжков является также представителем военно-промышленного комплекса. Именно это обстоятельство ставило Горбачева в затруднительное положение.

Экономические реформы — разменная карта в политической игре

Первое время после 17 октября Его Величество меня слушал, затем государь начал избегать меня слушать, хитрить, принимать различные действия помимо меня и даже в секрете от меня.

С. Ю. Вумме

Наметившийся альянс Горбачева с Ельциным означал его поворот к демократическому движению, набиравшему силу. Угроза реального создания левого центра пугала очень многих, и прежде всего партийный аппарат. Партийные функционеры отлично понимали, что им с Ельциным не по пути. Уж он-то их знает как облупленных. Он сам выходец из их среды, и если Ельцин вступил на тропу войны с этим бюрократическим аппаратом, то борьба будет бескомпромиссной. Поэтому для партийцев были важны не столько содержательная часть программы "500 дней", сколько то обстоятельство, что она служила фундаментом для политического союза Ельцина и Горбачева. И хотя партийные функционеры много шумели по поводу недопустимости быстрой приватизации собственности, капитализации экономических отношений, незыблемости социалистических ценностей — все это было своего рода демагогической дымовой завесой и привычным для партократов методом борьбы за выживание.

Более мощную оппозиционную силу представлял военно-промышленный комплекс. Даже не столько армия, традиционно стоявшая в стороне от политических, а тем более от экономических дискуссий, сколько руководство предприятий оборонных отраслей промышленности, т.е. люди, которые руководили проектированием, созданием и тиражированием военной техники. В рыночных структурах, да еще в условиях разрядки международной напряженности их привилегиям наступал конец, а ведь это были отрасли, традиционно находящиеся на особом положении и в смысле заработной платы, обеспечения жильем, социальными льготами работников этих предприятий, и в

смысле обеспечения отраслей инвестиционными ресурсами, а предприятий — сырьем, материалами и комплектующими деталями. Эти отрасли функционировали в условиях отсутствия дефицита. Любое их требование, а иногда и каприз руководителей выполнялись мгновенно. Можно было недостроить текстильную фабрику, прекратить финансирование строительства метрополитена, урезать расходы на жилищное строительство, но инвестиции в оборонную промышленность — святое.

ВПК был мощной силой, которая уже давно продвинула в высшие эшелоны управления своих представителей. Среди них был не только Рыжков, но и Воронин, Величко, Догужиев, Маслюков, Белоусов, Бакланов и еще полтора-два десятка министров, возглавляющих оборонное министерство с ничего не говорящими широкой публике названиями типа Министерство среднего машиностроения, Министерство общего машиностроения и т.п. И наконец, третьей силой, выступавшей чрезвычайно активно против экономических реформ, была аграрная группировка. Уже начиная со второй половины 1989 г. председатели крупных и, как правило, богатых колхозов и совхозов почувствовали, что начинается посягательство на незыблемость колхозно-совхозного строя. Это для них послужило сигналом к объединению. Основой для объединения явились депутаты верховных советов и съездов народных депутатов как союзного, так и республиканского уровней. В парламентах создалось мощное аграрное лобби, в котором не было ни одного подлинного крестьянина. Я их в то время называл "Союз красных помещиков". И действительно, в скором времени они объединились в союз, но под демагогическим названием "Крестьянский союз". И там не последнюю роль играл Егор Лигачев, чей дилетантизм в сельском хозяйстве был предметом шуток многих журналистов и телекомментаторов. Эти люди, что называется, генетически не воспринимали идеи частной собственности на землю, стояли буквально горой за сохранение так называемых преимуществ колхозного строя. Цинизм их позиции бросался в глаза. Производство сельскохозяйственных продуктов, а главное, их продажа городу неуклонно сокращались. В то же время столь же неуклонно председатели колхозов и совхозов требовали дополнительных инвестиций, материальных ресурсов, товаров народного потребления для села и даже иностранной валюты в оплату за свое зерно. И это в то время, когда государство ежегодно тратило 5—6 млрд. долл., получаемых на продаже нефти и газа, на покупку продовольствия и прежде всего зерна за рубежом. Колхозно-совхозный строй довел страну до того, что невозпроизводимые энергетические ресурсы страны десятилетиями обменивались на воспроизводимое зерно. Это был мучительный финал безумной поли-

тики большевиков, получившей в 20—30-е гг. название "индустриализация" и "коллективизация". В конце 20-х гг. большевики за счет огромных по тем временам продаж зерна западным странам в ущерб своему населению, живущему на голодном пайке, создавали тяжелую промышленность, в том числе и отрасли нефтяной и газовой промышленности. По идеологическим соображениям их не устраивала Россия как аграрно-промышленная страна, они стремились создать промышленную сверхдержаву. И они создали ее, но за счет почти полного разрушения сельского хозяйства. Итог печален.

Промышленные изделия, создававшиеся в стране большевиков, не были конкурентоспособны, а большевистское сельское хозяйство не было способно прокормить свою страну. Все это было настолько очевидно, что бесконечные заклинания председателей колхозов и директоров совхозов о преимуществах коллективного хозяйства никем не воспринимались всерьез, но тем не менее эти заявления ложились на чашу весов в политической борьбе.

После летнего затишья и растерянности эти три силы: партийная бюрократия, военно-промышленный комплекс и "красные помещики" — стали объединяться в блок. На Горбачева оказывалось давление с самых разных сторон, разными методами. Секретари обкомов, бывая довольно часто наездами в Москве, использовали каждую возможность, чтобы сообщить Горбачеву так называемые сведения с мест, "настроение простых людей". Их информация в значительной степени была односторонней и сводилась к тому, что если в ближайшие дни или недели не будут наведены жесткий порядок и хозяйственная дисциплина, то остановятся заводы и фабрики, люди выйдут на улицу, сметут руководство. Короче говоря, секретари обкомов намекали, что нужно вернуться к старым, испытанным методам работы. Они чувствовали падение действенности их приказов, поскольку власть партийного аппарата на местах держалась не на ее реальном авторитете (конечно, за небольшим исключением), а на страхе потери работы и ничтожных привилегий, которые давала любая мало-мальски руководящая должность. В конечном счете эта власть базировалась на силе Центра. Десятилетиями всеисилие того или иного регионального босса находилось в прямой зависимости от того, какие отношения у него сложились в Москве с партийным руководством. Это был главный аргумент в борьбе за власть внутри области или республики. Как и во времена Золотой Орды, новые "князья" с партийными билетами в кармане ехали для разрешения своих споров теперь уже не к татарскому хану, а в Москву. Ехали они и с информацией с мест, но с информацией, хорошо дозированной, скоординированной и часто согласованной в соответствующих отделах ЦК партии.

В сентябре 1990 г. вся эта машина дезинформации заработала в полную силу и в одном направлении — антиельцинском. Резко активизировались и работники оборонного комплекса. Это было необычно. Как правило, они решали свои дела в тиши кабинетов, вполголоса, за закрытыми дверями. На разного рода партхозактивах, в том числе и на высших партийных форумах, они, как правило, отмалчивались или выступали очень скромно и малозаметно. В сентябре ситуация изменилась кардинально. Особенно был активен Тизяков — президент Ассоциации государственных промышленных предприятий. Тизяков открыто, повсеместно афишировал поддержку, которой он пользуется у Рыжкова и других руководителей Совета Министров СССР. В то же время он демонстративно игнорировал президента Научно-промышленного союза СССР Аркадия Вольского, хотя Ассоциация организационно входила в состав Научно-промышленного союза.

В конце первой декады сентября, когда дискуссии в российском и союзном парламентах шли полным ходом, мне позвонил Горбачев и сказал: "Тут некоторые директора предприятий настойчиво требуют, чтобы я встретился с ними в узком кругу и выслушал их мнение по программам. Заходи, Николай, поучаствуй. Они ко мне придут в три часа".

Я явился. В Ореховом зале собрались 12 человек во главе с Тизяковым. Одиннадцать из них были директорами крупных военных предприятий, двенадцатый представлял предприятие системы Главалмаз-золото. Говорил в основном Тизяков, остальные одобрительно поддакивали.

Первое, что сделал Тизяков, — достал из кейса огромный фолиант страниц на 600 машинописного текста и сказал: "Михаил Сергеевич, передаю Вам по поручению директоров предприятий критический анализ программы "500 дней"».

После длинного монолога Тизякова директора вдохновились и начали, перебивая друг друга, просвещать Горбачева по поводу причин неурядиц в советской экономике и обществе в целом. Согласно их точке зрения, причин бедственного положения страны было много, но все они лежали вне военно-промышленного комплекса. Конечно, главные беды, по их мнению, от демократов. Упоминался и сионизм.

По мере того, как у этих директоров развязывались языки, я видел, как Горбачев заводится. В конце концов он довольно резко пресек откровения собравшихся и разразился резким монологом в защиту экономических реформ и необходимости движения к рыночной экономике.

Директора тут же стали согласно кивать головами. Встреча завершилась довольно миролюбиво. Эту атаку Горбачеву удалось отбить, но уверен, что это была не единственная попытка воздействовать на него.

Рыжков не скрывал своей симпатии в отношении Тизякова.

Однажды на заседании Президентского совета зашел разговор о расширении его состава за счет представителей культуры, промышленности и сельского хозяйства. Реакция Рыжкова была мгновенной. Он предложил от промышленности кандидатуру Тизякова. Чувствовалось, что в колоде консерваторов остались одни политические шестерки, люди малоинтеллектуальные и даже чисто физиономически непривлекательные.

Главная задача, стоявшая перед консерваторами в то время, — любой ценой не допустить политического союза Горбачев — Ельцин. В ход пускались дезинформация, фабрикация политического компромата, сбор клеветнических материалов. 8 сентября Горбачев передал мне вырезку одной статьи. Эта статья была напечатана в газете "Утро Юрмалы" (№ 3) и называлась "Борис Ельцин и Горбунов — мужские игры на свежем воздухе". Статья эта была помещена в рубрике "Светская хроника". Некто О. Шентов писал, что 21 июля Борис Ельцин и Анатолий Горбунов участвовали в возложении цветов на могилы солдат русской армии, погибших в первую мировую войну, а затем направились охотиться на кабанов. Заметка в газете носила характер политического доноса. Журналист, не обладая никакими фактическими материалами, всячески пытался представить в неблагоприятном свете Бориса Ельцина. Очередная клевета, шитая белыми нитками и опубликованная в провинциальной газете. Но к этой статейке была приколота записка следующего содержания: "ЦК КПСС. Секретариат тов. Горбачева М.С. Прошу показать эту вырезку Михаилу Сергеевичу. А. Лукьянов. 7 сентября 1990 года".

Собственноручный автограф Лукьянова я храню у себя до сих пор. Думаю, что такого рода ходов было в арсенале Лукьянова достаточно много. Такими методами Лукьянов боролся за своего студенческого друга Горбачева. Осуществлялась обработка Горбачева и в отношении председателя Гостелерадио СССР Ненашева. Очень профессионально обыгрывалась обидчивость Горбачева. Эта черта его характера была хорошо известна и Болдину, и Лукьянову, и они искусно вылавливали из потока телевизионных передач комментарии и заявления журналистов, которые были лично неприятны Горбачеву. В обстановке целенаправленной психологической обработки Горбачева формировался проект закона о защите чести и достоинства Президента СССР, закона по своей сути довольно нелепого и двусмысленного.

Жертвой противников политического компромисса стал в тот период Аркадий Вольский. В нашей программе была выдвинута идея создания Межреспубликанского экономического комитета. Эта идея импонировала Горбачеву. На одном из заседаний Совета Федерации осенью 1990 г. Горбачев в присутствии почти всех первых лиц союзных республик высказал мнение, что он хотел бы видеть на посту председателя Межреспубликанского экономического комитета Аркадия Вольского. Это предложение Горбачева было встречено доброжелательно. Даже азербайджанский представитель не высказал никаких сомнений по поводу этой кандидатуры. Данное обстоятельство было особенно существенным, поскольку Аркадий Вольский провел несколько месяцев в Нагорном Карабахе в качестве личного представителя Президента СССР.

Через два дня состоялся Президентский совет. На нем произошел небольшой скандал вокруг кандидатуры Вольского. Лукьянов информировал, что группа депутатов во главе с Александром Крайко высказывает серьезные сомнения по поводу кандидатуры Вольского на пост председателя Межреспубликанского экономического комитета и считает, что более приемлемой фигурой на этом посту был бы депутат Журавлев. Оставалось загадкой, каким образом депутат Крайко узнал о предложении Горбачева, ведь оно было высказано только на Совете Федерации, в очень узком кругу, в котором, естественно, находился и председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов. Такая суперинформированность депутатов парламента, а также их мгновенная реакция не оставляли сомнений в том, что речь идет об очередной интриге Лукьянова. Горбачев предложил членам Президентского совета обсудить создавшуюся ситуацию. За кандидатуру Вольского высказались лишь три академика — Примаков, Осипьян и Шаталин, последний — с определенными оговорками. Против Вольского в самой категоричной и даже грубой форме высказались Рыжков и Маслюков. Рыжков прямо и недвусмысленно заявил: или я, или Вольский. Горбачев проглотил этот ультиматум, кандидатура Вольского была снята с обсуждения, как, впрочем, позже был снят и вопрос о создании Межреспубликанского экономического комитета. Он был реанимирован лишь спустя год, уже после августовского путча.

Все свидетельствовало о том, что Горбачев отступает под давлением организованной оппозиции союзу Ельцин — Горбачев. Вместо программы "500 дней" уже готовились аморфные "Основные направления перехода к рыночной экономике". Ельцин чувствовал, что его обманывают. Он нервничал. На одной из встреч в начале октября Ельцин потребовал, чтобы все договоренности между ним и Горбаче-

вым были запротоколированы и подписаны доверенными лицами Горбачева и Ельцина. В качестве таких доверенных лиц со стороны Ельцина были названы Геннадий Бурбулис, со стороны Горбачева — Николай Петраков. Мы несколько раз встречались с Геннадием Бурбулисом, он подготовил проект совместного протокола. Но Горбачев так и не удосужился даже прочесть подготовленный текст. Он явно начал менять свою позицию.

В этих условиях Ельцин решил выступить с ультимативным заявлением, используя трибуну проходившей в то время сессии Верховного Совета России. Выступление состоялось 16 октября 1990 г. и произвело эффект разорвавшейся бомбы. В этом выступлении Ельцин, в частности, заявил: "Сегодня очевидно, что главные усилия Центра направлены на то, чтобы не допустить укрепления экономической основы нашего суверенитета. Жестко блокируются те предприятия, которые хотели бы перейти под управление российских структур. Всячески тормозится формирование банковской системы России. Идет вмешательство в национальные дела республики. Мы испытываем большие трудности в получении иностранных кредитов и помощи из других стран. Неужели правительству Рыжкова неясно, что расплачиваются за такую политику простые люди? Понятно, что игнорировать волю 150-миллионной России можно только при одобрении и поддержке высшего руководства страны. Верховный Совет РСФСР, приняв решение об отставке союзного правительства, высказал не только свое отношение к его программе, но и оценил деятельность кабинета Рыжкова за предыдущие 5 лет, справедливо считая, что пришло время ответить за катастрофическое положение в экономике. Решение Верховного Совета осталось как бы незамеченным. Более того, последние две недели в средствах массовой информации идет кампания по дискредитации российского парламента... Самое главное и сложное, — продолжал Ельцин, — это программа стабилизации экономики, перехода к рынку, вопросы продовольствия и товаров для населения. Историю вы знаете. Одна, другая улучшенная программы союзного правительства не приняты и не могут быть одобрены. Президент поддержал предложение организовать группу под руководством академика Шаталина по разработке реальной, четко союзной программы на базе российской. Горбачев контролировал работу группы. Когда программа была подготовлена, он высказался за нее. Верховный Совет РСФСР ее одобрил как союзную. Во время нашей беседы Президент сказал, что будет поддерживать только эту программу. Реально было начать отсчет с 1 октября. Мы к этому были готовы. Но тонущее союзное правительство нажало на Президента, и он в очередной раз меняет свое реше-

ние; появляется программа академика Аганбегяна. Можно было бы с некоторыми поправками и ее принять. Но Рыжкова она не устраивает. Опять нажим, и вот появляется реферат еще одной союзной программы как программы Президента, где сделана попытка механически объединить программы группы Шаталина и правительства. Делается очередная попытка сохранить ставшую ненавистной народу систему. Одновременно, еще до решения этого вопроса Верховным Советом СССР издаются указы Президента, направленные по существу на реализацию программы правительства Рыжкова. Правительства, которое завело страну в тупик, а сейчас ведет к хаосу. Какую позицию занять России в этих условиях? Обреченная на провал программа Президента СССР, видимо, будет одобрена парламентом страны. В любом случае она фактически уже осуществляется. Руководство республики может выбрать в этих условиях один из трех вариантов своих действий. Это необходимо и на случай, если Центр вообще не предложит никакой программы, а примет только основные направления. Первый вариант. Россия объявляет о неучастии в исполнении программы Президента. Делит бюджет, собственность и все структуры, осуществляет свою программу "500 дней" независимо. В этом случае придется вводить свою валюту, устанавливать таможи на всех границах республики, организовать независимую банковскую систему и внешнеэкономическую деятельность. Делить армию и вооружение. Мы не имеем права выжидать. Лимит времени давно исчерпан. Если проявим нерешительность в такой ситуации, потеряем доверие и уважение избирателей. Какова бы ни была позиция Верховного Совета, правительства СССР, Россия начнет радикальную экономическую реформу в 1990 г., и пусть не говорят, что это амбиция. Если еще тянуть и откладывать, нечего будет реформировать. Экономика просто развалится. Конечно, это дорогой и сложный вариант.

Второй вариант. В его основе — реальная коалиция. Новый кабинет министров должен формироваться на паритетных началах. Часть кандидатур предлагает Президент, часть — мы, сторонники радикальных реформ. Этот вариант позволит изменить безнадежно устаревшую структуру союзного правительства. Станут ненужными часть министерств, деятельность Центра будет эффективной, способной осуществить радикальную экономическую реформу с учетом сложившейся реальности. И наконец, третий вариант. Если союзным парламентом принимается сегодня бесперспективная программа, то потребуются не более полугодия для того, чтобы убедиться в очередной ошибке избранного пути. Мы все равно будем вновь и вновь предлагать экономические шаги для всего Союза. Время нам понадобится для того, чтобы

развить, насколько это возможно, экономическую реформу и, главное, максимально защитить народы России от негативных последствий принимаемых Центром решений. В этих условиях необходимо каждый указ, закон СССР ратифицировать Верховным Советом РСФСР, а каждое постановление Совмина — Президиумом Совета Министров России".

Выступление Ельцина вызвало ярость у Горбачева и неподдельное ликование в стане Лукьянова и Рыжкова. "Мы же говорили Вам, Михаил Сергеевич, что не надо связываться с этим Ельциным".

В эти дни особенно усердствовал обычно молчаливый Болдин. Неудовольствие Горбачева распространилось и на меня. «Ты видишь, Николай, что вытворяют твои дружки? Это же нож в спину. За два дня до принятия "Основных направлений", которые всех консолидируют, объединят, выступать с такой речью? Что же это такое? Что они творят?» И так далее, в том же эмоциональном духе.

По сути дела, Ельцин призывал к гражданскому неповиновению. С его стороны это была политическая шокотерапия. Но она произвела на Горбачева обратный эффект. Во всяком случае, в тот период он чувствовал себя достаточно уверенным и отвергал такой стиль разговора. Расстроило Горбачева и то, что Ельцин свои опасения и нарастающее недоверие к наметившемуся альянсу с Горбачевым изложил публично на всю страну и на весь мир. Горбачева больше устраивало политическое маневрирование за закрытыми дверями без свидетелей.

Не знаю, были ли между Ельциным и Горбачевым договоренности по поводу неразглашения характера их переговоров и взаимных претензий, но Ельцин, во всяком случае, пошел на открытый вариант. Объективно это толкнуло Горбачева в объятия Лукьянова, Рыжкова и военно-промышленной элиты. Однако, думаю, что выступление Ельцина сыграло здесь лишь роль катализатора. Очевидно, Горбачев уже был психологически готов к отступлению по всему фронту, и это отступление буквально через месяц, 17 ноября 1990 г. приняло характер панического бегства.

Но до этого произошли некоторые другие события, более близкие мне как экономисту, поскольку речь шла о судьбе нашей экономической программы. Ельцин совершенно правильно предвидел, что спустя два дня Верховный Совет СССР проштампует предложенный Горбачевым реферат синтетической программы, даже и не программы, а так называемых "Основных направлений перехода к рыночной экономике". После этого нам, разработчикам программы "500 дней", стало ясно, что Горбачев похоронил идею программы, предпочел альянс с

командой Рыжкова. Вместо единой экономической программы намечалась длительная, тяжелая и бесперспективная война между Центром и Россией.

Российское правительство объявило о том, что оно будет самостоятельно, без Центра и без других республик, осуществлять программу "500 дней". Конечно, это был блеф. Но нас, разработчиков, это ставило в двусмысленное положение. Мы разрабатывали единую программу для всех республик, и она не была приспособлена к реализации даже в рамках самой большой республики, такой, как Россия. Опять политические заявления, теперь уже Силаева, ставили крест на экономических проблемах. Поняв это, подал заявление об отставке с поста заместителя председателя Совета Министров России Григорий Явлинский. Чуть позже такую же демонстративную акцию совершил министр финансов России Борис Федоров. Демарши Григория Явлинского и Бориса Федорова казались нам в тот период недостаточными. Мы должны были выразить отношение разработчиков программы "500 дней" к тому, что происходило в нашей экономике. Мы хотели выразить это публично, именно все вместе, кто работал в Архангельском в августе 1990 г. В результате родилась статья, носившая характер открытого заявления, декларации тех, кто подготовил экономическую программу, альтернативную программе Рыжкова.

4 ноября 1990 г. в газете "Комсомольская правда" эта декларация была опубликована под названием: «Почему сегодня неосуществима программа "500 дней"?» Приведу некоторые выдержки из этого документа, подписанного Шаталиным, Петраковым, Явлинским, Алексашенко, Вавиловым, Григорьевым, Мартыновым, Задорновым, Машицем, Михайловым, Федоровым, Ярыгиной и Ясиным. «Мы считаем необходимым объяснить наше понимание происходящего. Суть программы "Переход к рынку" состоит в стабилизации экономического положения страны на основе ускоренного развития рыночных отношений. Основной замысел программы предполагал энергичные и безотлагательные меры по оздоровлению финансов и денежного обращения, за которыми должна была следовать либерализация цен. В противном случае снятие контроля за ценами ведет к их общему неконтролируемому росту. Параллельно высокими темпами должны проводиться разгосударствление, развитие предпринимательства и рыночной инфраструктуры, демонополизация экономики, призванные в относительно короткие сроки — те самые "500 дней" — обеспечить запуск рыночного механизма саморегулирования, позволяющего открыть для экономики возможность подъема. Реализация программы предусматривала ряд общеполитических условий: единство, быстроту

и решительность действий, согласованность всех экономических и политических решений органов власти и их подчиненность задачам проведения реформ, перестройку союзных органов управления, их кадровое обновление для восстановления доверия к ним со стороны республик и населения.

К сожалению, придется констатировать, что эти условия не выполняются. Более того, фактически осуществляется иная программа реформ, исходящая из других документов, подготовленных правительством СССР. Что же произошло, если через два месяца после завершения работы над программой "500 дней" приходится говорить о ее срыве?

Во-первых, программа базировалась на фактическом состоянии экономики, и именно быстрым нарастанием кризисных тенденций продиктованы предусмотренные в ней предельно сжатые сроки стабилизации. Между тем вследствие затягивания обсуждения программы в Верховном Совете СССР и решения о ее доработке на основе совмещения с правительственной программой начало реформы оказалось отложенным как минимум на месяц. Естественно, пришлось отложить все запланированные на этот период мероприятия. Часть их должна была закончиться до конца года. Среди них перестройка банковской системы, реформа бюджетного устройства, реформа налога с оборота. На сегодня практическая разработка многих из этих вопросов близка к нулю. Кроме того, попытка объединения программы "500 дней" и программы правительства СССР, ради которой это время было упущено, исходила из предпосылки, что соединение лучших частей этих программ позволит снять их недостатки. Но несовместимость двух документов — это не каприз разработчиков и не их авторское самолюбие. Внешняя схожесть предлагаемых мер обманчива. Наличие общей цели — переход к рынку — еще не гарантия успешного объединения. В программах была заложена разная логика. И за общностью слов скрывается различное содержание. Необходимо было делать выбор.

Во-вторых, программа "500 дней" основывалась на признании государственного суверенитета республик. Вместе с тем осознание ими общности проблем и целей давало возможность заключить экономический союз для совместного проведения реформы. На этот счет в августе была достигнута договоренность с экспертами — представителями всех республик, кроме Эстонии. Они проявляли готовность отказаться от протекционистской политики, разрушающей общесоюзный рынок, от введения собственных валют, от дележа общегосударственного имущества. К сожалению, Верховный Совет СССР, не приняв ни одну из предложенных программ, отдал

их на рассмотрение республикам, которые, как и следовало ожидать, единодушия не проявили. Часть республик высказывается за одну программу, часть — за другую, часть разрабатывает собственные планы реформы... Возможность быстрого заключения экономического союза оказалась упущенной, а эта идея была одним из главных достижений программы "500 дней". Более того. Сейчас мы наблюдаем обострение отношений между республиками, вызванное несогласованностью их действий. Повышение розничных цен в Эстонии и закупочных в России, квоты на вывоз из Украины, система ограничений в Белоруссии и т.д.

В-третьих, за последнее время предпринят ряд шагов в области ценообразования, которые серьезно осложнили обстановку и сделали невозможной реализацию самого замысла программы "500 дней". Еще майским решением союзного правительства без достаточных на то оснований были повышены с 1 июля закупочные цены на зерно с увеличением дефицита бюджета на 9 млрд. руб. Это было началом реализации намеченного правительством административного повышения цен. Мы исходили из того, что закупочные цены на зерно еще можно согласовать с ценами на другие товары при переходе к договорным ценам и избежать увеличения дефицита государственного бюджета. Набором нескоординированных мер развитие событий переведено в принципиально иную плоскость. Ключевой момент программы правительства СССР — реформа всех видов цен — практически принят. Логика действий, предложенная в программе "500 дней", — начать с финансового оздоровления — отклонена. Переход к рыночным отношениям будет происходить теперь не через стабилизацию рубля, а через инфляцию и запоздалые меры по ее преодолению, которые окажутся весьма болезненными. Принятые наконец Верховным Советом СССР "Основные направления" — это не практический план реформ, а общая схема такого плана. Вопрос о необходимости согласованных, конкретных действий республик и регионов, о единстве планов и синхронизации сроков проведения реформ остался открытым. Конечно, это дает определенную свободу как республикам, так и Центру. Но в этом кроется и опасность. Будущее, возможно, покажет, что осуществление большей части мер, предусмотренных программой "500 дней", по-прежнему необходимо. Об этом говорит и объективная логика развития событий, и опыт многих стран мира.

Как план последовательной радикальной реформы она сохраняет свое значение, однако этап стабилизации экономики, хотя и остается тем же по смыслу, будет иным по набору мер. Снижение жизненного уровня населения будет значительным еще до стабилизации. Любая

программа в такой обстановке по необходимости приобретет более жесткий характер, слишком серьезно изменяются стартовые условия реформы, слишком быстро закручивается инфляционная спираль и нарастает развал потребительского рынка. Экономика все дальше удаляется от состояния равновесия. Это будет цена, которую мы заплатим за нерешительность и непоследовательность в выборе пути в сентябре 1990 г.».

К великому сожалению, это предсказание в дальнейшем полностью оправдалось. Да оно и не могло не оправдаться, поскольку исполнителями программы перехода к рынку оставались ее ярые противники. Рыжков, а затем и сменивший его Павлов лишь имитировали движение к рынку, а на самом деле были больше всего обеспокоены сохранением ведущего положения военно-промышленного комплекса и колхозно-совхозного строя в сельском хозяйстве, т.е. двух опорных колонн, на которых держалось здание большевизма.

* *
 *

Публикация в "Комсомольской правде" не прошла для меня бесследно. Уже вечером 4 ноября Горбачев позвонил мне домой и раздраженно начал разговор с фразы: "Что же, мы теперь с тобой будет объясняться только через газеты?" На это я ответил: «Михаил Сергеевич, все, что написано в газете "Комсомольская правда", я Вам многократно говорил в личных беседах. Вы все проигнорировали». Мой ответ только подлил масла в огонь. Почти полчаса продолжался разговор на довольно высоких нотах. Я говорил свое, Михаил Сергеевич — свое. Суть его претензий ко мне заключалась в том, что он очень рассчитывал на консолидацию сил вокруг того суррогата, который был представлен вместо программы "500 дней" на утверждение Верховного Совета СССР и принят послушным парламентом Союза. Проголосовав за этот документ, представленный Президентом СССР, союзные парламентарии были искренне рады, что с них снята вся ответственность за дальнейший ход событий в нашей экономике. Больше всего они боялись сделать выбор между двумя альтернативными программами. Я же считал, что представленный документ не может стать основой для консолидации, а наоборот, послужит оправдательной бумагой для центрального правительства при проведении своей линии.

Великий мастер политического компромисса, Горбачев не мог понять, что эти методы нельзя переносить в область экономики. Взаимные уступки во внешней или внутренней политике, естествен-

но, могут принести положительный результат, ликвидировать конфронтацию, найти взаимоприемлемые политические формулы. В экономике ситуация иная. Все мероприятия экономической политики должны быть взаимосвязаны и проникнуты единой логикой. Здесь можно выбирать между хирургом и терапевтом, но нельзя ставить вопрос так: немножко хирургии, немножко терапии. Если выбор сделан, то курс лечения должен осуществляться по единому плану и в полном объеме.

На следующий день после нашего бурного объяснения состоялось заседание Президентского совета. Статья в "Комсомольской правде" стала стержнем дискуссии на этом заседании. Наши с Шаталиным сторонники отмалчивались. Зато бурно реагировали наши противники. Естественно, главными обвинителями выступали Рыжков, Маслюков и Лукьянов. Лукьянов сделал прямой выпад в мой адрес. Он заявил: "Я не понимаю, Михаил Сергеевич, что это за стиль работы в Вашем ближайшем окружении. Помощник Президента публично в прессе выступает против позиции Президента. С этим надо кончать и немедленно". Горбачев довольно миролюбиво ответил: «Я уже вчера имел разговор с Николаем Яковлевичем по телефону. Ты пойми, Анатолий Иванович, ведь программа "500 дней" — это их с Шаталиным детище. Как же они могут не защищать ее?» Мягкотелость Горбачева явно не нравилась Лукьянову. Ему хотелось видеть Горбачева более решительным и более определенным в своих позициях. Как это сделать? Я думаю, что в голове Лукьянова в этот период возник план припугнуть Горбачева, иначе я не могу объяснить, почему послушный и удовлетворенный сентябрьскими и октябрьскими событиями Верховный Совет СССР после непродолжительных каникул явился в облике воинствующего и грозного сборища депутатов, которые требовали (конечно, от имени своих избирателей) немедленного отчета Президента.

12 и 14 ноября Верховный Совет СССР буквально бурлил. Это был бунт против Президента, с которым они три недели тому назад полюбовно расстались. Члены Верховного Совета сменяли друг друга на трибуне, прокручивая одну и ту же пластинку: страна в ужасном экономическом положении, все рухнет, во всем виноват Президент, Президента — к ответу. Попытки некоторых депутатов сказать, что ответственность за экономический кризис прежде всего несет правительство и Рыжков лично, и поэтому нужно именно его заслушать на Верховном Совете, были с ходу отвергнуты. Группа "Союз" срочно поставила на голосование заранее разработанную ими, а может быть, самим Лукьяновым, резолюцию, требующую немедленного отчета Президента перед Верховным Советом. Поскольку никаких альтерна-

тивных резолюций представлено не было, она получила большинство голосов. Горбачев все еще благодушествовал. Я находился в кабинете Горбачева, когда ему позвонил Лукьянов и передал требование депутатов. "Ну что же, — сказал Горбачев, — выступить — так выступить. Давай, назначай мое выступление на 16 ноября". Тут же он пригласил Шахназарова, стенографисток и стал надиктовывать текст своего выступления. Текст был явно вялым и аморфным и контрастировал с тем духом истерического обсуждения в Верховном Совете СССР, который мы с Шахназаровым уже успели уловить. Мы прямо сказали Горбачеву, что выступление должно быть очень коротким и предельно конкретным. Попросили его ознакомиться со стенограммами некоторых особо оголтелых выступлений, содержащих прямые обвинения в бездеятельности и слабости Президента СССР. Горбачев отмахнулся. Мол, не сгущайте краски. В результате его выступление 16 ноября на Верховном Совете СССР было крайне неудачным. Он говорил почти час и вызвал разочарование зала.

Одним из первых после выступления Горбачева к микрофону подбежал депутат Игитян, который заявил: "Уважаемый Михаил Сергеевич! Такое впечатление, что Вы прибыли в нашу страну после длительной эмиграции. Ваш анализ — это набор абстрактных умозаключений". Привожу эти реплику Игитяна по памяти, однако с полной уверенностью утверждаю, что смысл ее был именно таким. Дальше уже пошли запланированные Лукьяновым выступления. В каждом выступлении содержалась жесткая критика Президента. Ее эпицентром являлось экономическое положение в стране. Всего три недели тому назад Горбачев одержал победу над союзным парламентом, сохранив правительство Рыжкова. Но это оказалась Пиррова победа. Все как будто забыли, что Рыжков в области экономики все последние годы оставался главным действующим лицом. Режиссура Лукьянова была безупречной. Организованный гнев членов союзного парламента был направлен через голову Рыжкова прямо и непосредственно на Горбачева. Снаряды критики благополучно перелетали через самый передовой окоп, в котором, по его собственным словам, сидел Николай Рыжков. Разница заключалась в том, что российские демократы почему-то стреляли именно по передовым позициям, а союзные парламентарии решили обстреливать штаб фронта и непосредственно его главнокомандующего — Президента Горбачева. Создавалось впечатление, что иррациональность ситуации никого не удивляет.

Заседание закончилось в 8-м часу вечера. Лукьянов объявил, что на следующий день продолжится дискуссия. После заседания я вернулся в свой рабочий кабинет и просидел там около полутора часов, занима-

ясь текущими делами. Никаких звонков от Горбачева не было. Затем я вызвал машину и поехал домой. Вечером и ночью телефон продолжал молчать. Я это подчеркиваю потому, что, по установившейся традиции, если что-то срочно требовалось от меня, Горбачев мог позвонить в любое время суток. Утром я вызвал машину к 10 часам, и в машине, включив радио, неожиданно услышал голос Горбачева. Это была трансляция с утреннего заседания Верховного Совета СССР. Его незапланированное выступление длилось всего десять минут и было выдержано в непривычно жестком стиле. Горбачев объявил о роспуске Президентского совета и создании вместо него Совета национальной безопасности. Далее он объявил о реорганизации Совета Министров СССР и упразднении должности председателя Совета Министров СССР. Вместо этого создавался Кабинет министров СССР при Президенте. Далее, в энергичных выражениях Горбачев подчеркнул необходимость жесткой дисциплины в области проведения хозяйственной политики, неукоснительного соблюдения союзного законодательства. Это выступление Горбачева вызвало восторг у депутатов, объединенных в группу "Союз". Не преминули поддержать это выступление полковники Алкснис, Петрушенко, а также Коган и некоторые другие достаточно одиозные фигуры союзного парламента. Что же произошло в ночь с 16 на 17 ноября?

Я не обладаю никакой информацией из первых рук. Сам Горбачев никогда не говорил со мной на эту тему. По слухам, вечером 16 ноября после заседания Верховного Совета состоялось закрытое заседание Политбюро ЦК КПСС. Так ли это? Не знаю. Но метаморфоза Горбачева была поразительной. По сути дела, ликвидировав Президентский совет, он отстранил от себя Александра Яковлева, Примакова, Шаталина, Бакатина, который еще раньше был лишен поста министра внутренних дел. Именно после 17 ноября мои встречи в Горбачевым стали крайне редки. При этих нечастых встречах я не находил общего языка с Президентом.

Разговаривая с ним, я наталкивался на стену непонимания не только в вопросах экономической реформы, но и в сопряженных проблемах, которыми я занимался по его же поручению. Так, например, с осени 1990 г. началась интенсивная подготовка визита Горбачева в Японию. Это был визит исторической важности. Именно так он расценивался и самим Горбачевым. И дело было не только в том, что это был первый визит главы нашего государства в Японию. Главная проблема — это проблема северных территорий. Я начал ее серьезное изучение, ознакомился с литературой по этому вопросу, документами и международными соглашениями. С одной стороны, вопрос выглядел чрезвычайно запутанным, но, с другой стороны, его можно было ре-

шить исходя из политики нового мышления, провозглашенной Горбачевым и уже давшей объективные эффективные результаты во взаимоотношениях с западными странами. Я пришел к выводу, что ошибочной является сама постановка вопроса о вариантах решения проблемы северных территорий на путях, прямо или косвенно напоминающих торгово-экономическую сделку между нашими странами. Речь ни в коем случае не должна идти об экономической компенсации одной стороне за территориальные уступки другой. Это мое убеждение основывалось на двух аргументах.

Во-первых, новое политическое мышление, проводником которого являлся Президент СССР Горбачев, основано на органической увязке политики и морали и отрицает корыстные соображения, ставя во главу угла общечеловеческие ценности и безусловный приоритет исторической справедливости. К сожалению, средства массовой информации обеих стран, да и дипломаты создали в умах общественности стереотип: якобы речь идет о том, стоит или не стоит продавать острова Японии, и если да, то за какую сумму или на каких условиях. Такая трактовка проблемы, а вернее, если говорить дипломатическим языком, "включение в один пакет" экономических и политических вопросов, создает тупиковую ситуацию, дискредитирует принципы нового политического мышления, может дать ничтожный политический и экономический результат для обеих сторон, поскольку не создает фундамента для коренного изменения характера советско-японских отношений.

Во-вторых, в данном конкретном случае речь идет прежде всего не об уступках или политических компромиссах, главное состоит в принципиальной решимости руководства Советского Союза проявить в конкретной международной и внутривосточной ситуации добрую волю к восстановлению исторической справедливости. Требование Японии о возвращении ей суверенитета над островами Итуруп, Шикотан, Кунашир и Хабомаи базируется, как известно, на первом в истории русско-японском соглашении, подписанном в 1855 г. не в результате военных действий, а в результате мирных дружеских переговоров. По этому соглашению вышеупомянутые четыре острова были признаны территорией Японии. Следует добавить, что по тому же договору вопрос о суверенитете над островом Сахалин был оставлен открытым. В связи с этим опять-таки в результате дружеских переговоров в 1875 г. был заключен новый договор, который определил, что остров Сахалин является территорией России, но взамен Россия отдала Японии все Курильские острова. Впоследствии границы изменялись только военным путем. В результате русско-японской войны 1904—1905 гг. Япония аннексировала часть Сахалина, а после военных действий в августе 1945 г.

СССР занял Курильские острова, аннексировав четыре исконно японских острова. Я считал и считаю, что, исходя из принципов политики нового мышления, в числе которых решающее значение имеет отказ от применения силы, приоритет при рассмотрении спорных территориальных вопросов должен отдаваться международным соглашениям, заключенным в мирной обстановке, на основе добрососедских отношений. Этот тезис особенно справедлив в отношении СССР и Японии. Здесь территориальный вопрос имеет вполне прозрачный характер. Что же касается конкретных итогов второй мировой войны, то хотя участие СССР в военных действиях против Японии в рамках усилий антифашистской коалиции полностью оправдано как с юридической, так и с моральной точек зрения, тем не менее соответствующих оснований для территориальных компенсаций своих потерь у Советского Союза (России), по моему мнению, нет. Тем более что после войны около 600 тыс. японских военнопленных в течение многих лет в нарушение Женевской конвенции использовались на Дальнем Востоке и в Сибири в качестве рабочей силы. Я убеждал Горбачева, что он не может и не должен разделять ответственность за сталинскую политику аннексий и тем более солидаризироваться с этой политикой. Поэтому я предложил Горбачеву следующий вариант позиции Советского Союза в переговорах с Японией по вопросам северных территорий. "Выход из политического тупика советско-японских отношений, — убеждал я Горбачева в специально подготовленной по этому вопросу записке, — состоит в проявлении благородства к японскому народу, признании бесспорного суверенитета Японии над четырьмя островами. На этой принципиальной основе может быть заключен договор о режиме, формах и сроках перехода от потенциального суверенитета над северными территориями к его реальному наполнению. Сроки урегулирования всех этих вопросов могут быть растянуты на 10—15 лет. В экономическом отношении ни для Советского Союза, ни тем более для Японии эти острова не имеют большого значения, поэтому дипломаты могут, не торопясь, согласовывать все детали переходного периода". К сожалению, Горбачев не захотел серьезно обсуждать предложенный мною вариант.

В начале декабря у меня был еще один случай убедиться, что Горбачев больше не доверяет моим рекомендациям. Именно в декабре появился доклад, составленный экспертами Международного валютного фонда и Всемирного банка о положении в Советском Союзе. Этот доклад был подготовлен по поручению лидеров "Большой семерки" и содержал целый ряд рекомендаций по выходу из экономического кризиса. Западные эксперты доставили вариант этого доклада в Советский Союз, и 6 декабря 1990 г. в особняке МИДа СССР состоялось его

обсуждение с участием советских специалистов. Спустя две недели этот доклад в окончательном виде был представлен руководителям "Большой семерки". Я считал, что Горбачев должен положительно отреагировать на рекомендации, содержащиеся в этом докладе, и предложить создать смешанные комиссии из западных и советских специалистов по конкретным проблемам выхода Советского Союза из кризиса. Горбачев снова оставил мои предложения без всякой реакции. Мне стало все ясно. 30 декабря я написал служебную записку Горбачеву. В записке, в частности, были следующие слова: "Михаил Сергеевич, я не политик, а профессиональный экономист со сложившимися в течение трех десятилетий взглядами, менять которые меня не смогли принудить радетели феодально-ортодоксального марксизма и развитого социализма. Мне казалось, что Вы знали об этом, когда приглашали на должность помощника Президента СССР, и я со всей ответственностью отнесся к Вашему предложению. Однако думаю, что в чем-то мы не поняли друг друга. Основную долю вины беру на себя. Очевидно, я неправильно трактовал функции советника Президента, а мои советы пришлись не ко двору. Считаю, что не вправе далее оставаться на занимаемой мною должности. Прошу освободить меня по собственному желанию".

Горбачева уже не было на месте. Я отправил это послание с курьером ему на дачу. На следующий день он позвонил мне в 4 часа, и у нас состоялся довольно длительный (около часа) разговор по поводу моего заявления. Аргументация Горбачева сводилась к тому, что я сгущаю краски и драматизирую события. Я, со своей стороны, дал развернутую аргументацию своего решения, сказав, что оно окончательное. Я подробно перечислил все наши разногласия, высказал неудовлетворенность как по принципиальным проблемам, так и по мелким организационным вопросам. В частности, я подчеркнул, что окружение Горбачева ведет довольно двусмысленную политику и по отношению к нему самому, и по отношению к людям, которых я глубоко уважаю. Естественно, в этом разговоре я находился под впечатлением заявления Эдуарда Шеварднадзе, сделанного в конце декабря на съезде народных депутатов СССР. Я всегда с глубоким уважением относился к Эдуарду Шеварднадзе, и меня потрясла его отставка. Я также был возмущен тем, что Александр Яковлев демонстративно отстранялся от активной политической работы. Я прямо сказал Горбачеву, что в его нынешнем ближайшем окружении творятся непонятные дела. В сердцах я даже назвал руководителя аппарата президента Валерия Болдина Лаврентием Павловичем Болдиным. За многие месяцы работы с Горбачевым я понял, какую роль играет этот "серый кардинал", какие интриги он плетет, как лицемерит. Любопытно, что этот человек, которому дове-

рля самые сокровенные дела Горбачев, умудрился снискать неприязнь не только таких соратников Президента, как Яковлев, Шеварднадзе, но и технических сотрудников: машинисток, стенографисток, рядовых работников аппарата Президента. Но, естественно, тема Болдина не была главной в нашем разговоре. Я прямо сказал Горбачеву, что пришел для того, чтобы действительно помочь проведению радикальных экономических реформ, а, на мой взгляд, Горбачев этот вопрос сейчас снимает с повестки дня.

Те люди, которых он приблизил к себе, выступали против реформ. Я исчерпал все возможности влиять на ситуацию и поэтому должен уйти. "Советник, чьих советов не слушаются, становится архитектурным излишеством", — сказал я Горбачеву. И тем не менее в конце разговора Горбачев отверг мою отставку. В ответ я заявил, что настаиваю на ней. После этого мы пожелали друг другу счастливо встретить Новый год и расстались.

Я чувствовал, что мое решение правильное. И со дня на день ситуация прояснится, у меня возникнут неопровержимые аргументы в пользу моего решения. Так оно и случилось через две недели.

В начале января центр политических событий переместился в Литву. Правительство Казимиры Прунсене объявило о повышении цен. Это вызвало недовольство населения и демонстрации. Одновременно в Вильнюсе активизировались военные.

Каждый день придумывались новые причины необходимости появления войск и ОМОНа на улицах Вильнюса. Сначала говорилось о необходимости отлавливать молодых людей, уклоняющихся от воинской повинности, а также дезертиров. Затем была выдвинута версия о необходимости сдерживать демонстрантов, чтобы не допустить столкновений, поскольку происходили одновременно демонстрации и русско-язычного населения, и литовцев. Наконец, была выдвинута третья версия о необходимости защиты партийного имущества, в частности здания, где размещалось издательство Литовской компартии, от экстремистски настроенных группировок. И все эти причины сменяли одна другую на протяжении 48 часов. Ясно было, что военное командование и руководство ОМОНа ищут повод для использования войск в Вильнюсе. При захвате здания партийного издательства уже прозвучали выстрелы, и было несколько раненых. Слава Богу, дело пока обходилось без смертельных случаев, но обстановка была накалена до предела. Попахивало провокацией. Похоже, кое-кому хотелось взять реванш за неудавшуюся экономическую блокаду Литвы. В этой острой ситуации собрался Совет Федерации страны. Заседание было назначено на 12 часов 12 января 1991 г.

На это заседание прибыли руководители почти всех республик. Прибалтийские республики были представлены Годманисом, премьер-министром Латвии, и Сависааром, председателем Совета министров Эстонии. От Литвы был постоянный представитель в Москве. Бурная дискуссия развернулась после сообщения министра внутренних дел СССР Пуго о положении в Вильнюсе. Все руководители республик высказались за то, чтобы ситуация в Литве была разрешена мирным путем. Каждый выступающий подчеркивал, что ни в коем случае нельзя допустить кровопролития. На заседании, кроме упомянутого мною министра внутренних дел Пуго, присутствовали также министр обороны СССР Язов и председатель КГБ Крючков. Горбачев предложил прямо здесь же сформировать представительную комиссию и послать ее сразу после заседания в Вильнюс. Было предложено несколько кандидатур — в частности, от Белоруссии Дементей и от Армении Левон Тер-Петросян. Последний сказал, что он согласен участвовать в такой депутации при условии, если руководство Литовской республики согласно принять эту делегацию. Горбачев объявил перерыв на 10 минут и пошел звонить Ландсбергису. Вернувшись, он объявил, что Ландсбергис с нетерпением ждет делегацию. Заседание завершилось в 17 часов.

Рано утром 13 января я узнал о штурме Вильнюсского телецентра, который произошел в ночь с 12 на 13 января. Количество жертв еще уточнялось, но было ясно, что были убитые и раненые. Сопоставив эту информацию с тем, что происходило вчера на Совете Федерации, я понял, что совершена крупная провокация и в ней, безусловно, замешаны Пуго, Язов и Крючков, ведь они отлично знали о решении Совета Федерации и о направлении специальной комиссии на самом высоком уровне в Вильнюс. Имея такую информацию, каждый из них обязан был связаться с руководством подчиненных им в Вильнюсе отрядов и воинских частей и категорически запретить им покидать места своего расположения как минимум до окончания работы комиссии, прибытие которой ожидалось с часу на час. Этого сделано не было, и я считаю это должностным преступлением. Возможно, было сделано прямо противоположное: была дана команда, чтобы соответствующие воинские формирования провели операцию на опережение. Но это были мои догадки, никаких фактов я, естественно, не знал. Так же как и не знал о степени возможного участия Горбачева в действиях трех министров. Оставалась слабая надежда, что министры действовали без консультации с Президентом.

Основанием для этой надежды явилось то обстоятельство, что именно Горбачев предложил сформировать и послать комиссию в Вильнюс накануне этих трагических событий. Днем 14 января мне

позвонил Егор Яковлев, главный редактор газеты "Московские новости", и предложил подъехать к нему. Он сказал, что считает необходимым собрать совет учредителей газеты, в котором я состоял, для оценки провокационного и преступного характера действий военных в Вильнюсе. Вызывала возмущение и позиция руководства Коммунистической партии Литвы, которая явилась инициатором создания Комитета национального спасения, провозгласившего переход всей полноты власти от Верховного Совета Литвы к этому самозванному Комитету. Литовский сценарий совершенно явно был списан со схемы действий советского руководства в августе 1968 г. в Чехословакии. Тогда стремительный ввод войск в дружественную страну мотивировался обращением наспех созданного Комитета по национальному спасению, противопоставленного законному правительству Чехословакии. Все собравшиеся в кабинете у Егора Яковлева единодушно решили сделать совместное заявление.

Приведу его полный текст.

«Сегодняшний номер "Московских новостей" выходит в траурной рамке. Мы скорбим по жертвам в Прибалтике. Но траур не только по погибшим. В кровавое воскресенье 13 января в Вильнюсе расстреливали демократию. Впервые удар нанесен по власти, свободно избранной народом. Сейчас, когда близок последний час режима, он пошел в свой решительный бой. Блокирована экономическая реформа, реанимируется цензура в прессе и на телевидении. Активно хлынула наглая демагогическая фразеология и, самое главное, объявлена война республикам. Фактически руководителем попытки переворота в Литве стало руководство Коммунистической партии Литвы, отряда КПСС. Последняя выступила на защиту своей собственности в Прибалтике, очередной раз используя государство в лице армии и МВД. Попрано право наций на самоопределение. Все произошедшее в Литве нужно классифицировать однозначно. Это — преступление. Преступление против собственного народа, подталкиваемого к гражданской войне. Для сохранения Союза совсем не обязательно превращать его в братское кладбище. Ситуация в Вильнюсе отчасти является результатом того, что руководители республики оказались выпавшим звеном в цепи демократических сил страны. Депутаты Литвы почти год отсутствовали в Верховном Совете страны, что тоже дало негативные результаты. Стремление лишь к своей самостоятельности сильно сегодня и в других республиках. Но теперь как никогда прежде можно быть уверенным, что поодиночке мы не выстоим. Анонимные комитеты национального спасения, подобные литовскому, могут появиться завтра в других республиках Прибалтики, в Москве, Ленинграде или

Ерване. Совершенно очевидно, чью власть спасают эти комитеты спасения. В понедельник с трибуны Верховного Совета СССР Генеральный секретарь КПСС по сути оправдал тактику действий в Литве. Если бы мы не слушали этого выступления, можно было бы требовать отставки министра внутренних дел Пуго, председателя Гостелерадио Кравченко, дезинформирующего общество, маршала Язова, путающего Устав караульной и гарнизонной службы с Конституцией СССР. Мы были бы вправе настаивать на беспристрастном расследовании совершенного преступления, на привлечении к уголовной ответственности за антиконституционные действия засекреченных членов Комитета спасения Литвы. Но у кого требовать? После кровавого воскресенья в Вильнюсе много ли осталось от того, что мы так часто слышали от Президента в последние годы, гуманного социализма, нового мышления, общеевропейского дома? Не осталось почти ничего. Литва — это трагическое событие не только внутренней жизни СССР, оно взрывает те надежды, которые появились у международного сообщества относительно Советского Союза, оно перечеркивает те международные соглашения, которые подписывались от имени советского народа. Литовская трагедия не должна вызвать у нас чувство отчаяния и полной безысходности. В противостоянии наступлению диктатуры и тоталитаризма наши надежды связаны с руководителями республик, их союзом и взаимодействием. Особенно хотим обратиться к журналистам. Если нет сил и возможности сказать правду, то хотя бы не участвуйте во лжи. Ложь проявится не завтра, не в будущем, она очевидна сегодня. Мы рассчитываем на массовый протест против антидемократической волны, накатывающейся на Прибалтику и готовой поглотить всю страну. Если есть у нас еще сострадание и милосердие, давайте объявим День траура по жертвам в Вильнюсе и все соберемся на него 20 января».

Члены Учредительного совета "Московских новостей" Абуладзе, Амбарцумов, Бовин, Богомолов, Гельман, Голембиовский, Друзе, Жванецкий, Заславская, Захаров, Карякин, Климов, Клямкин, Лисичкин, Нуйкин, Окуджава, Петраков, Попов, Рыжов, Сараскина, Станкевич, Старовойтова, Тихонов, С.Федоров, Черниченко, Шаталин, Шестаковский, Шмелев, Ципко, Боршеговский

В заявлении специально отмечается довольно непонятное, если не сказать зловещее, поведение Горбачева на сессии Верховного Совета СССР в понедельник 14 января. На заседании Учредительного совета "Московских новостей", где было принято это заявление, я специально

обратил внимание собравшихся на поведение Горбачева в парламенте и просил, чтобы ему была дана оценка в нашем заявлении. А дело обстояло так.

Слух о кровавых событиях в Вильнюсе с быстротой молнии распространился 13 января по всей Москве. Вскоре радио и телевидение подтвердили правильность этой информации. Каждый час передавались новые и новые подробности штурма телецентра, сообщалось, что на Красной площади возникли стихийные демонстрации. Они были малочисленны, но крайне эмоциональны. Утром 14 января я был в Верховном Совете СССР. Кулуары зала заседаний бурлили как никогда. Те депутаты, которые в душе одобряли содеянное, считали за благо помалкивать. Остальные возмущались громко и открыто. Это возмущение перекинулось в зал заседаний, как только Лукьянов объявил о начале очередного дня работы сессии. Все рассчитывали на выступление Горбачева, но его не было в зале. Потребовали к ответу все тех же министров. Выступления Язова и Пуго выглядели жалкими и лживыми. Насторожило, что в ответах на вопросы у Язова промелькнули наглые интонации. В частности, он с усмешкой заявил, что в задачу армейских и иных подразделений не входил захват зданий Верховного Совета Литвы; и если такая задача будет поставлена, то она будет решена в течение получаса, невзирая на баррикады вокруг парламента и толпы людей, его защищающих. Обстановка в зале накалилась до предела. Вновь слышались настойчивые требования, чтобы Президент страны выступил перед парламентом и дал оценку произошедшему в Вильнюсе.

Лукьянов отлучился на несколько минут и, вернувшись, заверил депутатов, что в 12 часов Президент появится в парламенте. Был объявлен 15-минутный перерыв.

Действительно, после перерыва Горбачев появился на своем привычном месте под красным флагом — символом президентской власти. Ему было предоставлено слово, и он спокойно, уверенно взошел на трибуну. Спокойно обведя глазами затихший зал, Горбачев заявил: "В соответствии с утвержденной повесткой дня работы Сессии я должен представить на ваше рассмотрение кандидатуру на пост премьер-министра СССР". И далее была названа фамилия Павлова Валентина Сергеевича. В течение 10 минут Президент страны рассказывал о выдающихся деловых и политических качествах претендента на пост премьер-министра. Закончив этот сюжет, Горбачев закрыл папку, лежащую перед ним, повернулся и спокойно сошел с трибуны.

Зал был шокирован, зал онемел. Ни слова о Литве, ни слова о кровавой бойне. Как будто ничего не было. Было очевидным, что это был продуманный политический демарш. Ни слова осуждения

по поводу произошедшего в Вильнюсе, никаких заверений, что будет произведено тщательное и глубокое расследование, что виновные будут наказаны. И наконец, ни слова соболезнования родным и близким погибших в этом инциденте. Это было уже чем-то новым, непохожим на реакцию на события в Тбилиси и Баку. Там виновных не нашли и не наказали, но там хотя бы были слова, создавались комиссии. Анализируя произошедшее, сопоставляя его с тем, что происходило 12 января на Совете Федерации, я пришел к выводу: либо Горбачев соучастник этого преступления, либо он кем-то запуган до такой степени, что готов совершить политическое самоубийство.

Тираж "Московских новостей" с нашим заявлением вышел в среду, 16 января. Я провел этот день в рабочем кабинете, около половины четвертого раздался сигнал телефонного аппарата, через который осуществлялась прямая связь с Горбачевым. Я снял трубку. Состоялся мой последний разговор с ним в качестве советника Президента СССР. "Что же, Николай, записал своего Президента в преступники?" — начал Горбачев. Я был готов примерно к такому вопросу, поскольку знал, какие места из нашего заявления произведут на Горбачева наибольшее впечатление. "Нет, — ответил я. — Вы — не преступник в том случае, если Вы сейчас же осудите преступление, совершенное в Вильнюсе, иначе Вы станете объективно соучастником содеянного. Вы уже прикрыли преступников, но еще есть время выступить перед народом с жестким осуждением этой политической провокации. Не бойтесь, Михаил Сергеевич, этих преступников". В ответ я услышал: "Ты ничего не понимаешь. На мне лежит огромная ответственность, я должен выгнать страну из хаоса, я должен ее сохранить, ты ничего не знаешь и не понимаешь". И так далее, довольно бессвязно, но очень эмоционально повторяя одни и те же фразы. Я отвечал, что не сомневаюсь в более широкой осведомленности Президента, однако общедоступной информации достаточно, чтобы дать оценку произошедшего в Литве. Далее я напомнил Горбачеву о Совете Федерации и о том, каким диссонансом выглядит ход обсуждения литовского вопроса 12-го числа в сопоставлении с тем, что произошло через несколько часов после заседания. Разговор продолжался еще несколько минут, но шел уже по кругу. Каждый повторял одни и те же аргументы. Наконец, Горбачев сказал: "Ну, я так понимаю, что ты сделал выбор". "Да, Михаил Сергеевич, я сделал выбор". "Ну что же, очень жаль". "Я тоже очень огорчен, Михаил Сергеевич, мне было очень интересно с Вами работать". "До свидания". "До свидания".

На следующее утро, когда я подошел к дверям своего кабинета, то обратил внимание, что табличка с моей фамилией уже была снята. Но телефоны работали. Я позвонил руководителю аппарата Президента Болдину и сообщил ему, что вчера Горбачев принял мою отставку. Судя по внешнему виду моей двери, Болдин был уже осведомлен об этом. Далее я спросил его, каким количеством часов или дней я располагаю, чтобы сдать все секретные и служебные материалы. Ответ Болдина был образчиком лицемерия и иезуитства. Прежде всего он объяснился в любви ко мне, заявил, что просто потрясен моим решением, сказал, что хоть две недели могу разбираться в бумагах, что я не должен торопиться и обращать внимания на глупые происки хозяйственников, которые поторопились снять табличку с моей двери. Заключительный аккорд Болдина был несколько неожиданен для меня. Он сказал: "Николай Яковлевич, а может быть, Вы все-таки передумаете? Я тут же сообщу Михаилу Сергеевичу. Я думаю, что он будет очень рад, если Вы измените свое решение". Я понял, что нужно самым решительным образом пресечь эту игру, мне совершенно непонятную. Кроме того, мое решение не было эмоциональным. Оно было выстрадано в течение последних месяцев, и я испытал большое внутреннее облегчение после окончательного объяснения с Горбачевым. Поэтому я сразу отреагировал. "Нет, Валерий Иванович, — сказал я, — это невозможно. Характер моего вчерашнего разговора с Президентом не позволяет даже обсуждать эту тему".

На следующий день меня избавили от служебной машины, и я пересел в свои старые "Жигули". Еще через два дня раздался звонок из Управления делами, и некто сообщил мне, что я должен в трехдневный срок освободить кабинет. Я не стал спорить. Я был свободен. Я вырвался из этого мира двусмысленностей. Расставаясь с Президентом, я одновременно решил расстаться и с партией, лидером которым продолжал оставаться Горбачев. Я был уверен, что партийные структуры также замешаны в кровавых событиях Вильнюса, и для меня уже было неважно, было ли в этих событиях задействовано высшее руководство КПСС или это соучастие в преступлении осуществлялось на уровне регионального партийного руководства. Мечты Горбачева о перерождении партии, ее обновлении на гуманистических принципах провалились. Партия агонизировала, и в этой своей агонии она явно стала обращаться к старым методам принуждения. На мой взгляд, события в Вильнюсе были новой страницей в развитии политической ситуации в стране, эволюцией самого Горбачева. Я не знал, да и сейчас не знаю, какой информацией располагал Шеварднадзе в декабре 1990 г., объявив о

готовящемся заговоре. Но любопытно, и это я хорошо помню, что после его заявления не было ощущения сенсации ни у меня, ни у людей, довольно далеко стоящих от руководителей страны. Пожалуй, к разряду сенсаций можно отнести сам факт добровольной отставки Эдуарда Шеварднадзе, но никак не его заявление о готовящемся заговоре. Хотя ни у кого не было конкретных фактов заговорщицкой деятельности того или иного лица, сам дух переворота заполнял политическую атмосферу в стране. Противостояние демократов и реакционных сил зашло в тупик. Победа демократов в России на выборах всех уровней, от президентского до областных, создала ситуацию двоевластия, ведущего к безвластию. А там, где безвластие, там создается временный вакуум, стимулирующий политические авантюры.

И такая авантюра не заставила себя долго ждать. В августе 1991 г. состоялся путч, странный во многих отношениях. Я имею свое видение этого события и изложил его в книге, вышедшей в Японии в 1992 г. Здесь же меня больше интересуют экономические вопросы. И к ним я возвращаюсь.

**ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ В РОССИИ
(продолжение)**

Глава 1
**Опыт введения
экономических свобод
в несвободной экономике**

Глава 2
**Инфляция,
экономический спад
и бюджетный дефицит**

Глава 3
**Рынок без генер –
достижение российских
реформаторов**

Глава 4
**Стабилизация
национальной валюты
по-русски**

Опыт введения экономических свобод в несвободной экономике

Эта теория предполагает, что гармоническое устройство жизни есть как бы естественное состояние, которое неизбежно и само собой должно установиться, раз будут отменены условия, преграждающие путь к нему... Таким образом, работа над устройением человеческого счастья, с этой точки зрения, есть не творческое или созидательное в собственном смысле дело, а сводится к расчистке, устранению помех, т.е. к разрушению.

С.Л. Франк

Все годы правления Горбачева истерзанная, загнанная в угол десятилетиями централизованного планирования экономика ждала и жаждала реформ. Не было недостатка в моделях и схемах реформирования. Сами реформаторы уже частично проникли в правительственные структуры и президентское окружение. Но воз с места не двигался.

Полагаю, что дело здесь было не только в субъективных причинах (хотя, конечно, традиция большевистских лидеров — сначала захватывать власть, а потом думать, что с нею делать, сыграла свою роль), а скорее в объективных факторах, поддерживающих консерватизм и относительную устойчивость социально-политической системы. Она раскачивалась, трещала, скрипела, но держалась на трех китах. О них я уже упоминал, это — партийная бюрократия, военно-промышленный комплекс и совхозно-колхозный аграрный строй. Что-то по аналогии напоминающее вековое, знакомое и ласкающее слух россиянина — православие, самодержавие и народность. Действительно, похоже: партийная идеология, военная мощь и отношения прямого принуждения между работодателем и работником. Сменяются словесные декорации ("строй", "эпоха"), а три кита остаются и соответственно сохраняются социальные группы, заинтересованные в соблюдении статус-кво.

На рубеже 1991—1992 гг. история России повернулась так, что антиреформенные силы на какой-то период оказались просто недееспособными. "Социальное землетрясение" разрушило или парализовало практически все звенья антиреформенной коалиции. Коммунистическая партия была объявлена вне закона, но главное — ее эксперимент с провозглашением ГКЧП вызвал такое массовое отторжение от коммунистической идеологии и такую аллергию по отношению к ее конкретным носителям, что даже пять лет всенародной шокотерапии не смогли вернуть их к власти. Военно-промышленный комплекс и армия были полностью дезориентированы и дезорганизованы распадом страны, которую они были призваны защищать. Ну, а что касается руководства аграрным сектором, то ему дали понять, а затем и наглядно продемонстрировали, что продовольственный шантаж высокопоставленных почвенников вдребезги разбивается внешнеэкономической моделью типа "газ — колбаса". Таким образом, противники реформ оказались на какой-то, пусть и непродолжительный, период "вне игры".

Открылась уникальная возможность для проведения широкомасштабных экономических реформ. Какими они должны быть? Ответ на этот вопрос был давно известен: конечно, рыночными. Плановая экономика настолько дискредитировала себя, настолько очевидно продемонстрировала свою неконкурентоспособность в мировом масштабе и просто неспособность обеспечить достойные условия жизни гражданам так называемого социалистического лагеря, что даже противники реформ вынуждены были широко использовать рыночную фразеологию. Для большинства здравомыслящих экономистов стоял вопрос не "что делать?", а прежде всего "как делать?"

Опыта трансформации социалистической экономики в капиталистическую в мировой практике еще не было. Двадцатый век, наоборот, прошел под знаком накопления опыта "социалистического строительства", ликвидации частной собственности, рыночной инфраструктуры... Не дай Бог, чтобы этот опыт пригодился в третьем тысячелетии от Рождества Христова! Но как пробежать дистанцию в обратном направлении? Как устроены механизмы реверсной тяги?

Обращение к мировому опыту высвечивало три примера, которые с известной натяжкой можно было отнести к трансформационным явлениям, аналогичным российским. Это прежде всего послевоенный переход Западной Германии, Японии и Италии от тоталитарной экономики к социально ориентированному рыночному хозяйству. Эти страны решали двуединую задачу: возрождение национальной экономики и устранение из системы хозяйственного управления гиперпро-

фированного давления государственно-бюрократических методов (получивших развитие в период предвоенной милитаризации этих стран).

Этот нюанс следует подчеркнуть особо. Некоторый перекося в сторону государственного регулирования не отменял и не мог отменить в этих странах рыночную природу экономики. Поэтому задачи послевоенной трансформации, естественно, не совпадали с проблемами, возникшими на пространстве от Варшавы до Пекина. Однако при всех этих оговорках методы трансформации стран бывшей коалиции Рим — Берлин — Токио поучительны и небесполезны для постсоциалистических стран. Хотя бы уже потому, что Россия — высокоиндустриальная страна, "проигравшая третью мировую войну". Ее танки и крейсера не были подбиты или потоплены, но их пришлось разрезать автогеном, ее оборонные предприятия не были разбомблены, но их пришлось демонтировать.

Какие же моменты являются центральными и обращают на себя внимание при рассмотрении реформ в Западной Германии, Японии и Италии?

1. Мощная иностранная поддержка процессов реформирования экономики (в Европе она известна как "план Маршалла"). Иностранное вливание шло исключительно адресно и преследовало главную цель — обеспечить инвестиционную поддержку отраслям, являющимся ключевыми в подъеме национальной экономики соответствующей страны. Наилучшим образом этой помощью воспользовалась Западная Германия. "Каждый доллар, истраченный в Германии по плану Маршалла, дал возможность осуществить материальные и трудовые достижения ценностью от 10 до 20 долларов"¹.

2. Денежная реформа с целью обеспечения доверия к национальной валюте, ее привлекательности как средства сбережения населения и инвестирования в развитие национальной экономики. Жесткий контроль за денежной эмиссией. Отказ от использования последней для покрытия дефицита федерального бюджета (так называемый эмиссионный доход). Режим экономии государственных расходов.

3. Поддержка национального производителя на фоне создания условий для честной и самой широкой конкуренции. Налоговые и иные льготы не монополистам, а тем, кто создает конкурентоспособную продукцию на внутреннем и внешнем рынках. "Социальное рыночное хозяйство как раз не предоставляет предпринимателю свободу исключать конкуренцию путем создания карательных соглашений", — писал

¹ Эрхард Л. Благополучие для всех. Карлсруэ: издательство Кондор, 1960. С. 264. Как непохожа политика Эрхарда в деле использования американской помощи на выколачивание российскими реформаторами западных траншей для затыкания очередной "бюджетной дыры". Посадили себя "на иглу" похуже инфляционного наркотика.

Л. Эрхард¹. Размеры и формы поддержки национального производителя можно проиллюстрировать следующим фактом. В Германии в конце лета 1949 г., т.е. буквально через считанные месяцы после начала экономических реформ, банкам была предоставлена специальная государственная дотация в размере 300 млн. марок для предоставления долгосрочных целевых кредитов промышленным предприятиям². И вот результат: "В июне 1948 г., незадолго перед валютной реформой, промышленность Западной Германии производила лишь половину того, что производила промышленность на той же территории в 1936 г. Сегодня (1955 г.) западногерманская промышленность производит примерно вдвое больше, чем в 1936 г. За истекший год производство выросло по сравнению с 1954 г. на 17 %"³. За семь неполных лет производство выросло в 4 раза. Вот оно, "немецкое чудо". Через несколько лет мир узнал и про "японское чудо". Не это ли же самое, но уже "русское чудо", сулили молодые реформаторы Борису Ельцину в конце 1991 г.? Но тогда надо было предложить другую схему реформ и признать, что старик Эрхард мудрее Джеффри Сакса. Однако не будем забегать вперед.

4. Стимулирование внутреннего спроса на здоровой основе роста производительности труда в ведущих сферах национальной экономики. Снова приведу высказывание Л. Эрхарда: «В апреле 1950 г. федеральное правительство приняло решение провести снижение налогов и допустить возвратную выплату уже уплаченных по завышенным налоговым ставкам сумм. Это была одна из мер, которые должны были способствовать усилению потребления... Едва ли нужно еще указывать на то, что эта фаза в развитии "рынка покупателей" пришлась мне весьма кстати»⁴.

Таковы основные черты схемы вывода тоталитарной послевоенной экономики на дорогу цивилизованного социально ориентированного рынка. Мировой опыт знает и два других варианта точечного, целенаправленного лечения экономических недугов. Эти варианты напрямую не связаны с вышеизложенными, поскольку появились на свет отнюдь не по причине гипертрофии государственного влияния на экономику. Скорее, наоборот, экономику надо было лечить от избыточного либерализма, от полного отсутствия или атрофии сфер "высшей нервной деятельности" хозяйственного организма. Я имею в виду в первую очередь Великую депрессию в США 1929—1933 гг., а во вторую — экономические кризисы, потрясшие в 70 — 80-е гг. "бана-

¹ Эрхард Л. Указ. соч. С. 164.

² Там же. С. 49. Можно ли было представить что-либо подобное в реформируемой по иным рецептам России?

³ Там же. С. 263.

⁴ Там же. С. 50.

новые" латиноамериканские страны с полуколониальной экономикой и общественной структурой, в которой в роли интеллектуальной элиты выступали в основном представители офицерского корпуса.

Что касается выхода США из пропасти экономического кризиса (там, между прочим, объем промышленной продукции в 1933 г. составлял 48 % к 1929 г., а инвестиционная активность сократилась более чем в 5 раз), то программа Франклина Делано Рузвельта включала целый набор рычагов государственного воздействия на экономику, в том числе и государственный контроль над ценовыми паритетами. Иными словами, ради экономической стабилизации государственная машина США вторгалась в святая святых экономического либерализма — свободное ценообразование. И ничего. Североамериканская экономика только укрепилась и восстала из пепла кризиса как птица Феникс, да и демократические основы общества никак не пострадали (даже мафии хвост сильно прищемили). Экономический рационализм в очередной раз в мировой истории одержал верх над абстрактным теоретизированием (пусть даже либеральным). Успех прагматичной и эффективной политики Рузвельта, использовавшего государственные рычаги воздействия на стабилизацию экономической ситуации, дал мощный толчок развитию кейнсианства, которое на многие десятилетия стало господствующей научной доктриной для большинства западных стран. Использование этой доктрины при формировании реальной экономической политики позволило многим странам Запада и Азии добиться впечатляющих успехов и по показателям экономического роста, и в части балансирования между интересами различных социальных групп. Кейнсианская, а затем некейнсианская доктрина была сформирована (на базе синтеза антикризисной экономической политики и теории развития индустриального общества) исключительно для высокоразвитых в научно-техническом отношении стран с крупной промышленностью и высоким научным потенциалом.

Естественно, что наряду со странами, составляющими индустриальную элиту, имели свои экономические трудности и проблемы страны второго и третьего ряда, так называемые развивающиеся. Международное экономическое сообщество понимало, что эти страны необходимо поднимать до уровня хотя бы самообеспечения продовольствием. Иначе они просто станут вечными иждивенцами. А экономическое попрошайничество всегда идет рука об руку с политической агрессивностью. Нищий и грабитель — две стороны одной медали под названиями "зависть" и "рэкёт" (политический, экономический, террористический и т.п.). Для таких стран надо что-нибудь придумать, конечно, попроще кейнсианских рецептов, но тоже исключительно западное и наукообразное. И вот пока Хрущев и Брежнев строили

в развивающихся странах стадионы, дворцы съездов, металлургические заводы и плотины, западные политики придумали суперлекарство по спасению экономики стран-аутсайдеров (прямо "царские таблетки" от Политбюро).

Лекарство было нарочито простым — снижение бюджетного дефицита путем быстрого (шокирующего) и крупного по размерам сокращения государственных расходов и полной ликвидации дотаций. Снятие дотаций сопровождается полной либерализацией цен, а урезание расходов администрации — сведением на нет эмиссионного дохода, т.е. отказом от использования печатного станка для покрытия бюджетного дефицита. Механизм оздоровления хозяйства с помощью экономической шоковой терапии был явно приспособлен для стран аграрной направленности со слаборазвитой промышленностью, не имеющих, как правило, в обозримом будущем реальных возможностей что-то кардинально изменить в структуре своего производственного потенциала (из-за отсутствия сырьевых ресурсов мирового значения, неквалифицированной рабочей силы и т.д.).

В этих странах легко просматриваются огромные и совершенно нерациональные расходы на армию, содержание чиновничьего аппарата, выделение государственных льгот различным персонам, приближенным к руководящим кругам страны. Даже не очень опытный эксперт без труда способен выявить эти избыточные расходы и дать рекомендации по их сокращению. Быстрый эффект от их реализации обеспечивается спецификой стран-аутсайдеров. Например, если североамериканский эксперт советует руководству некой латиноамериканской страны сократить бюджетные расходы на оборону, то сделать это можно почти мгновенно: достаточно, скажем, отказаться от закупок вооружений. Ведь эта условная страна не является сама производителем вооружений и у ее руководства не будет болеть голова о трудоустройстве сотен тысяч работников оборонных предприятий, не надо финансировать конверсионные программы и т.д.

Очень важным отличительным моментом описываемой программы оздоровления экономики является малое число параметров, которые надо обследовать при реализации этой программы. Это, прежде всего, размер бюджетного дефицита, темп инфляции, динамика денежной массы, состояние внешнеторгового и платежного баланса, внешний долг и тенденции его погашения. Если эти параметры в целом дают благоприятную картину, то констатируется оздоровление экономики. Глубже вникать и не надо: реструктуризация хозяйства, как отмечалось выше, неактуальна да и невозможна по объективным причинам, безработица в странах-аутсайдерах привычна и поэтому невзрывоо-

пасна, дифференциация населения по уровню доходов традиционно высока, межрегиональная экономическая интеграция не играет существенной роли, экспортно-импортные возможности жестко ограничены и в структурном отношении законсервированы на долгие десятилетия, внешнеполитические амбиции (оказывающие заметное влияние на экономическую политику развитых стран) полностью атрофированы. Таким образом, в приложении к странам с примитивной экономической лозунг макрорегулирования и финансовой шокотерапии был вполне оправдан. Говоря "оправдан", я имею в виду концептуальную формулировку проблемы и путей ее решения. И я здесь отнюдь не касаюсь практических результатов приложения этой концепции к конкретным странам в конкретных обстоятельствах. Известно, что реальное применение монетаристских идей даже в странах-аутсайдерах нельзя считать неизменно успешным. Были удачи, были и громкие провалы. Я не хочу утомлять читателя анализом реального опыта использования вышеописанных методов в некоммунистических странах. Для меня важно подчеркнуть главное: эти методы разрабатывались исключительно для стран с примитивной, убогой, но все-таки рыночной экономикой.

В этой связи и с чисто научной и с прагматической точек зрения выглядят странными огромные материальные и информационные усилия, затраченные на рубеже 80—90-х гг. на рекламу и продвижение этих методов на постсоциалистическое пространство, включая не только мелкие страны-сателлиты России (СССР), но и саму Россию, а также Украину, Белоруссию, Казахстан. Мнение, старательно навязываемое общественности в течение многих лет, о якобы безальтернативности методов шокотерапии, я считаю одним из мифов, составлявших каркас рекламной кампании. В предыдущих главах этой книги речь как раз и шла об иных механизмах перехода к рынку. Ведь и проект экономической программы Президента СССР и программа "500 дней" — это варианты трансформации социалистической экономики, базирующиеся главным образом на концептуальных идеях, лежавших в основе западногерманских, американских реформ, на российском опыте стабилизации денежной системы в 1922—1924 гг. Эти программы для конкретной исторической ситуации (1990—1991 гг.) были вполне реалистичны в экономическом отношении (но заболтаны, разменены в своих играх политиками). Более того, эти программы были социально ориентированы, направлены на построение "рынка с человеческим лицом". Последнее нам ("нешокотерапевтам") представлялось политически очень важным, поскольку необходимо было сохранить доверие населения к рыночным реформам.

Социалистическая система управления экономикой в последние годы ее существования раздражала людей не потому, что тиражировала нищету и голод в массовых проявлениях. Число людей, чьи доходы были ниже прожиточного минимума, составляло около 9—10 % всего населения¹. Это, конечно, немало, но в сознании граждан погоду делало другое обстоятельство: социализм никак не мог обеспечить основной массе членов общества приближения к западным стандартам потребления. Уровень и качество жизни основной массы советских людей неуклонно отставали от соответствующих показателей развитых стран Запада. Поэтому из всех возможных путей трансформации тоталитарной экономики в рыночную, безусловно, приоритетным выглядел тот, который минимизировал потери населения и делал их исключительно краткосрочными, демонстрировал бы всем и каждому прямую связь доходов с результатами трудовой и предпринимательской деятельности, с ростом производительности труда. Но это справедливо только, если оставаться в рамках нормальной логики и здравого смысла...

В действительности был выбран самый жесткий, циничный в социальном отношении и экономически неадекватный объекту реформирования метод трансформации российской хозяйственной системы. Есть много версий, пытающихся объяснить причину этого выбора, — от происков иностранных разведок до генетически врожденной веры русского народа и его поводырей в чудо, в волшебное появление всего, чего хочется, из ничего и, в конечном счете, в "Богоизбранность". Думаю, что ни одна из версий никогда не будет доказана, т.е. не перейдет в разряд безусловной достоверности. Что касается меня, то я не хочу обсуждать эти версии уже потому, что ни с какой стороны не был причастен к интриге выбора шоковой терапии для экономики России. Моя позиция исходит из чисто профессиональных соображений и сводится к известному историческому афоризму: "Это хуже, чем преступление, это ошибка"².

И суть этой ошибки в изначально неправильном понимании проблемы, которая стояла перед постсоветской Россией, содержания трансформационного процесса в конкретных условиях места и времени его реализации. **Как бы хороши ни были методы шоковой терапии и финансовой стабилизации, но они были разработаны и предложены для лечения больной рыночной экономики. То есть**

¹ Забегая вперед, напомним, что в ходе российских реформ этот показатель соответственно составлял: в 1992 г. — 33,5 %, в 1993 г. — 31,5, в 1994 г. — 22,4, в 1995 г. — 24,7, в 1996 г. — 21,6 %.

² Эмиль Людвиг (Napoleon. Paris. 1929. P. 174) приписывает эти слова Талейрану. Но на самом деле они принадлежат Фуше. (См. Манфред А. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1973. С. 437).

рынок, его наличие уже предполагалось как данность. Он был болен, расхлябан; его надо было поставить на ноги. В России задача формулировалась иначе: необходимо было перейти от нерынка к рынку, т.е. создать рынок на тоталитарном экономическом пространстве. Прежде чем ребенка лечить, его надо было родить.

* *
*

В качестве экспериментального полигона для российской шокотерапии была использована Польша. Польские реформы чрезвычайно оптимистично комментировались в советской прессе, выражались бурные восторги (особенно по поводу изобилия товаров в польских магазинах, что было особенно соблазнительно для советского читателя в 1990—1991 гг.). Молодой реформатор Бальцерович превозносился как герой и спаситель не только польской экономики, но и нации. Польский путь реформ преподносили как единственно возможный, чрезвычайно эффективный и в целом безболезненный (надо потерпеть два—три месяца и наступит экономическое процветание).

Но Россия — не Польша. На это я обращал внимание, когда еще возможно было внести необходимые коррективы в российские реформы, отказаться от рабского следования рецептам врачей, поставивших неправильный диагноз. Это важно подчеркнуть, чтобы у читателя не создалось впечатления, что автор силен задним умом и занимается "остроумием на лестнице". В связи с этим я просто приведу выдержку из своей статьи в "Московских новостях" от 19 января 1992 г.:

"Реформаторы успокаивают общественное мнение ссылками на то, что существует мировой опыт выхода из экономического кризиса, в соответствии с которым они и действуют. Однако на самом деле речь идет не об обобщении и трансформации применительно к нашим условиям действительно богатого арсенала методов стабилизации экономики, применявшихся в различных странах мира в разное время и в разных условиях, а, к сожалению, о почти механическом перенесении схемы польских реформ на нашу почву. Но как раз фетишизация польского опыта может обернуться трагедией для российской экономики.

Трудно понять, как можно игнорировать наличие как минимум трех существенных различий между предреформенной Польшей и Россией. Первое. Польша всегда имела частный сектор, охватывающий практически все сельское хозяйство, а также мелкий бизнес и сферу услуг. Либерализация цен явилась мощным стимулом роста

деловой активности в этом секторе. Второе. В польской экономике никогда не существовало такого монстра, как ВПК. Военно-промышленный комплекс России не только поглощает огромное количество природных и людских ресурсов, но он требует специальных централизованных усилий и главное — времени для переориентации на рыночные формы хозяйствования. Либерализация цен и предоставление свободы действий предприятиям этого комплекса — заведомый тупик, создающий взрывоопасную ситуацию именно на первых этапах рыночных реформ. Третье. Польша в течение не менее двух десятков лет жила в условиях той самой "долларизации", которой так боятся наши реформаторы. Такому положению способствовало множество факторов, включая и многочисленную польскую диаспору за рубежом, и более либеральный облик польского социализма. Важно, что реформы Бальцеровича по укреплению злотаго осуществлялись на фоне довольно широкого и легального обращения параллельной валюты. Похоже, что этот момент совсем игнорируется при решении тактических задач стабилизации потребительского рынка в нашей стране".

Итак, проецирование методов реформирования польской экономики (заимствованных из опыта финансовой стабилизации в некоторых странах Латинской Америки) на российскую действительность концептуально выглядело весьма сомнительным. А с прагматической точки зрения это выглядело как политическая и экономическая авантюра, поскольку опыт польских реформ к началу 1992 г. не давал поводов для категоричных оптимистических выводов. Даже если игнорировать вышеназванные различия в стартовых условиях Польши и России, польские достижения в экономическом реформировании не давали оснований для однозначных выводов об эффективности шоковой терапии.

Инфляция, экономический спад и бюджетный дефицит

Современное рыночное хозяйство вполне способно действенно противостоять тенденциям спада, не подвергая опасности стабильность валовой.

Людвиг Эрхард

В предыдущей главе мы пришли к выводу, что методы финансовой макростабилизации экономики были применены в России для решения задач, им неадекватным (методы — для лечения рынка, а задача заключалась в создании рынка на нерыночном экономическом пространстве). При этом нами не рассматривались сами методы с точки зрения их научного содержания. Теперь пришла очередь оценить и эту сторону проблемы.

Начнем с того, что ни в одной области человеческой деятельности нет абсолютно универсальных методов разрешения трудностей, возникающих при движении к поставленной цели. Каждый набор способов достижения желаемого результата имеет сильные и слабые стороны, нежелательные побочные эффекты. Искусство и талант экспериментатора (в нашем случае он называется реформатором) заключается в умении сопоставить преимущества и недостатки различных подходов к решению проблемы и выбрать тот из них, который в наибольшей мере учитывает специфику объекта экспериментирования. Экспериментатор не должен забывать, что любая научная теория представляет собой лишь некую модель поведения реального объекта. Объект всегда богаче своей модели, и в этом смысле последняя представляет собой некую абстракцию. Этот недостаток объективно присущ любой модели, любой научной теории. Этому явлению я достаточно уделил внимания в первом разделе этой книги. Здесь же важно отметить, что критический разбор научной концепции в свете вышесказанного должен преследовать одну цель: выяснить, не упускает ли модель, лежащая в основе данной концепции, существенных свойств моделируемого объекта.

Слабым местом монетаристского подхода к описанию экономических процессов является абсолютизация их денежно-ценовой формы, полное игнорирование органической связи между денежными и материально-вещественными потоками при функционировании единого экономического организма. Поэтому и инфляция у монетаристов объясняется крайне упрощенно. По Милтону Фридмену, "инфляция всегда и везде является денежным явлением". Следовательно, весь набор антиинфляционных мероприятий не должен выходить за рамки вопросов корректировки денежной политики.

Наиболее последовательным сторонником этой позиции в нашей экономической литературе является господин А. Илларионов. В своих публикациях он энергично отстаивает взгляды, послужившие теоретической базой для всего комплекса гайдаровско-чубайсовских реформ. Поэтому целесообразно напрямую обратиться к работам А. Илларионова, чтобы оценить прочность научного фундамента российской шокоterapiи.

"Главная функция денег, — пишет А. Илларионов, — выступать средством обмена, обслуживать транзакции в экономике. Из классического уравнения денежного обмена:

$$MV = PY$$

получаем

$$M = PY/V,$$

где M — денежная масса, V — скорость денежного обращения, P — уровень цен, Y — количество транзакций в экономике, измеряемое обычно объемом реального дохода или производства¹.

Не придираясь к упрощенной форме подачи "классического уравнения", обратим внимание на то, что в дальнейшем автор рассматривает транзакции (доход, производство) как чисто внешний элемент сформулированной взаимосвязи ("при данном, фиксированном уровне транзакций"), а цены и денежную массу исключительно в качестве своего рода сообщающихся сосудов. «В динамической модели денег не бывает "много или мало", — пишет А. Илларионов. — Если их физическое количество превышает потребности оборота, то экономика отвечает на это инфляцией, если денег недостаточно, то — дефляцией"².

¹ Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 41.

² Там же.

Все это очень мило. И примерно так в 1968—1973 гг. я начинал свои лекции в Московском государственном университете, пока не был из него грубо изгнан за несанкционированное изложение основ рыночной экономики. Но, как известно, любая математическая формула ничего нам не может сказать о причинно-следственных связях между функцией и аргументом. В частности, приведенная выше зависимость известна в экономической науке как упрощенная формула необходимого количества бумажных денег в обращении. При этом всеми экономистами, находящимися за пределами жестко монетаристской идеологии, разделяется мнение, что процессы воспроизводства, формирования доходов и ценообразования имеют свои экономические закономерности, и что деньги обслуживают эти процессы, внося в их динамику свою, и прямо скажем немалую, лепту. Но все же — деньги для экономики, а не экономика для денег. Этот спор мог бы показаться досужим, если бы не тезис о нежелательности инфляции, переходящий иногда в культовое заклинание: инфляция — абсолютное зло. Конечно, инфляция — тяжелая экономическая болезнь эпохи бумажно-денежного обращения. Но весь вопрос в том, как лечить ее. Простейшая связка: денежная масса — цены. Сокращаем эмиссию, сокращаем денежную массу и цены **автоматически** перестают расти, а затем начинают снижаться! Заманчиво? Очень. Но что-то здесь от лукавого. Неужели нет объективных границ сжатия денежной массы, лежащих за пределами этой связи? Так ведь можно и до коммунистической отмены денег договориться. Или, скажем, объем денежной массы сжали до рубля. Что тогда? Правверные монетаристы ответят: тогда цены упадут до одной миллионной рубля, и этой денежной **массе** надо будет придумывать название новых денежных единиц типа "милликопейка". Но обратите внимание: определенная **денежная масса** все же нужна. Одним рублем не обойдешься. А из логики монетаризма этого не следует. Ну, это так, шутка. А проблема значительно серьезнее.

Один из важнейших постулатов монетаризма сводится к утверждению: если денежная масса не изменяется, то общий уровень цен остается неизменным, и наоборот. При прочих равных условиях. Вот это последнее добавление настораживает. А имеем ли мы право вводить такое предположение в модель денежно-ценовой политики? Не становится ли такая модель малосодержательной в силу недопустимого игнорирования реалий экономической жизни? Ведь никто всерьез не воспринимает физиолога, утверждающего, что "при прочих равных условиях" организм человека бессмертен. Хотя, если эти условия правильно сформулированы, "научная" справедливость подобного утверждения столь же бесспорна, сколь и практически бесплодна.

Господин Илларионов полностью убежден, что в его случае ссылка на неизменность прочих условий вполне оправданна и нисколько не мешает проведению эффективной денежной политики, направленной на борьбу с инфляцией. Вот как он доказывает свою правоту.

«Если власти... не увеличивают денежное предложение, то объем совокупного денежного спроса остается прежним. А это означает, что удовлетворение "самостоятельных" запросов экономических агентов на повышение цен может быть как признано, так и не признано покупателями соответствующей продукции или услуг. Здесь существуют три базовых варианта ответа и множество промежуточных. Во-первых, покупатели могут не согласиться с новым уровнем цен, отказаться от приобретения такой продукции и переместить свой спрос на продукцию аналогов, заменителей по более приемлемым ценам. Продавцы, предложившие более высокие цены, но не сумевшие реализовать по ним свою продукцию, несут потери и вынуждены вернуться к прежнему уровню цен. Общий уровень цен остается неизменным"¹.

Прервем цитату на этом месте и подумаем, как в экономике реально (а не на грифельной доске в студенческой аудитории) осуществляется процесс, при котором "покупатели могут переместить свой спрос на продукцию аналогов, заменителей"? Во-первых, если эти субституты уже давно предлагались потенциальными поставщиками нашему покупателю "по более приемлемым ценам", то почему он этим не воспользовался раньше? Может быть, все-таки качество заменителей было ниже или они производились в недостаточном количестве? Тогда, если верно первое предположение, потребитель несет потери, выражающиеся либо в снижении уровня жизни (потребительский сектор), либо в потере конкурентоспособности своей продукции (производственный сектор). Если же справедливо второе предположение, необходимы дополнительные инвестиции для расширения производства заменителей подорожавшего товара. В любом из этих случаев гипотетическому покупателю Илларионова необходимы дополнительные денежные средства, компенсирующие потери. Они могут быть в форме дотаций к ценам на продукцию, выпускаемую покупателем с использованием заменителей более низкого качества, или увеличения доходов населения с целью ликвидации ущерба, наносимого потреблением низкосортных товаров, или, наконец, открытия дополнительных источников финансирования (кредитных или бюджетных) инвестиций в расширение производства заменителей. Каким образом в этой ситуации удастся сохранить неизменными объем денежной массы и общий уровень цен, остается загадкой.

¹ Политэконом. 1996. № 2. С. 20.

Продолжаем цитировать господина Илларионова. "Во-вторых, — пишет он, — покупатели по каким-то соображениям соглашаются с повышением цен... В этом случае, продолжая закупать продукцию и услуги в прежних количествах, они вынуждены при прежнем уровне совокупного денежного спроса сократить объемы покупок других товаров и услуг. Падение спроса на продукцию других секторов приводит к падению цен на них, и в результате общий уровень цен сохраняется прежним"¹.

Рассуждения эти справедливы в очень узком сегменте экономики. Действительно, при росте цен на картофель его потребление может даже расти, ну а масла будут покупать существенно меньше. Однако представим себе иную ситуацию. Например, автомобильное производство. Цены на автопокрышки шинный завод удвоил. Что делать автостроителям? Представить автомобиль на двух колесах невозможно. По рекомендации А. Илларионова, заводу следует "сократить покупки других товаров". Выпускать автомобиль с одной фарой? Или с деревянными сиденьями? Или без лобового стекла? Или перестать платить зарплату работникам предприятия? Любой вариант представляется абсурдным. Чем жестче технологические цепи, тем очевиднее зависимость: рост цены на любые составляющие технологически обусловленного комплекта ведет к спаду производства конечной продукции. В нашем примере рост цен в шинной промышленности, не подкрепленный денежной эмиссией, неизбежно (если оставаться в рамках реальной экономики, а не абстрактных схем) приводит к падению выпуска автомобилей, а дальше к сокращению автоперевозок и росту транспортных тарифов (из-за свертывания предложения транспортных услуг), перебоям в товароснабжении регионов (опять рост цен). Эту спираль можно раскручивать достаточно долго.

Разбор любых ситуаций, предлагаемых А. Илларионовым в качестве доказательства незыблемости тезиса о прямой и буквально примитивной зависимости между объемом денежной массы и уровнем цен, демонстрирует полное непонимание им реального воспроизводственного процесса в экономических системах. Процесс этот для него — мертвая абстрактная схема, в которой дешевые заменители подорожавшей продукции появляются мгновенно, как зайцы из цилиндра фокусника, а соотношение ингредиентов технологических процессов, определяющее пропорции в спросе на различные виды продукции, просто остается за границами обсуждаемой проблемы. Абсолютная взаимозаменяемость любых продуктов и первичных ресурсов при полном отсутствии временных лагов составляет несущую конструкцию экономической модели, лежащей в основе концепции монетаризма.

¹ Политэконом. 1996. № 2. С. 20.

Это и неудивительно, поскольку монетаристы абсолютизируют специфические свойства денежного ресурса — его мгновенную и полную ликвидность, экономическую "космополитичность" по отношению к любым материальным ценностям. Этот своеобразный денежный фетишизм проецируется на материальные потоки и технологические взаимосвязи, на социальную среду, порождая иллюзии универсализма любых социально-экономических и хозяйственных процессов.

Столь упрощенная трактовка содержания экономической жизни приводит к парадоксальному перерождению процесса поиска научной истины в процесс религиозного мифотворчества. Примером тому может служить отчаянная дискуссия среди молодых российских экономистов по поводу так называемых немонетарных факторов роста цен. Суть вопроса сводится к оценке влияния денежной эмиссии на динамику цен. А. Илларионов и его сторонники категорически утверждают, что единственной причиной роста цен может быть денежная эмиссия. Как только дополнительно включается печатный станок Монетного двора, тут же начинают расти цены. Если денежных вливаний в экономику не делается, цены не растут ни при каких условиях (имеется в виду общий уровень цен). Такая категоричность, чтобы не выглядеть в глазах оппонентов проявлением "монетаристского фанатизма", подкрепляется статистическими рядами, в которых сопоставляются темпы эмиссии и темпы роста цен по странам, охваченным трансформационными процессами. Нередко к ним добавляются данные по Аргентине, Боливии и т.п. Что доказывают эти статистические ряды? Только одно: если выбрать нужный исследователю лаг запаздывания между ростом эмиссии и ростом цен (6 месяцев, 3 месяца, 1 месяц и т.д.), можно "доказать" все, что заложено в априорную концепцию.

Монетаристы-фундаменталисты не допускают даже мысли о том, что цены могут расти под влиянием неэмиссионных факторов. Тогда нарушается стройность модели. А факты? Тем хуже для фактов. Однако осмелимся привести хотя бы два, чтобы не утомлять читателя.

Первый — из новейшей российской истории XX в. — 1925—1927 гг. В Советской России новая экономическая политика. Крестьяне выращивают хлеб и продают его городу; горожане производят мануфактуру, керосин, сельскохозяйственный инвентарь, сепараторы и другие важные для села вещи и соответственно продают все это крестьянам. "Полная экономическая идиллия" под названием смычка города и деревни. Бухарин в восторге. Троцкисты рвут и мечут. Начинается индустриализация. А с ней возникают знаменитые в 20-е гг. "ножницы" цен. Поток промышленных товаров в аграрный сектор сокращается и цены растут, а получивший, наконец, землю крестьянин без удержу сеет, пашет, собирает богатый урожай зерна. А чем больше предложе-

ние, тем ниже цены. Все по законам рынка. Но Советская Россия, забыв о нуждах аграрного сектора, бросилась строить днепрогэсы и магнитки. Политика, как всегда у большевиков, впереди экономики. Но цены еще относительно свободные. Они растут как реакция на снижение выпуска товаров народного потребления. И вслед за этим раскручивается денежная эмиссия. "Денежная масса в обращении за 1930 г. выросла на 45 %: темп ее роста превысил более чем в 2 раза темп роста продукции промышленности, производящей предметы потребления... В связи с тем что индекс государственных розничных цен за 1932 г. вырос на 142,1 %, темп роста товарооборота был почти равен темпу роста денежной массы"¹.

Для всех, кто изучал период "заката нэпа", очевидна цепочка: политические амбиции (курс на индустриализацию) — рост цен на ширпотреб и падение цен на зерно — бешеная денежная эмиссия и направление эмиссионного дохода на финансирование программы индустриализации — подрыв экономики сельского хозяйства. В конце концов эта цепочка разорвалась. Крестьянин (получивший большевистскую кличку "кулак") отказался продавать зерно за бесценок и был уничтожен "как класс". Россия от рынка повернулась к рабству. Но это уже другой сюжет. А мы хотели этим примером показать монетаристам силу внемонетаристских причин роста цен и следующей за ним вынужденной эмиссии.

Мне могут сказать, что приведенный пример из области разлагающейся рыночной экономики. Может быть. Он дорог мне как российский опыт. Кроме того, рафинированная рыночная экономика существует лишь на бумаге, и рыночные абстракции не становятся реальностями, даже если по ней (бумаге) прошло перо Адама Смита.

Однако для тех, кого не убедил первый пример, приведем иной — из области классической капиталистической действительности. В 1973—1975 гг. мир был потрясен энергетическим кризисом. На самом деле это был не кризис нехватки энергетических ресурсов, а чисто политический демарш стран ОПЕК, имевший своей целью перераспределить эффект от использования нефтепродуктов от стран-потребителей в пользу стран-производителей. Монопольный сговор ближневосточных производителей нефти привел к шоковому четырехкратному повышению цен на импортируемые Западом нефтепродукты. Если бы высокоразвитые страны пригласили в тот период в качестве экономического советника господина Илларионова (или Гайдара), им нужно было бы перейти на дрова из России и местный торф, автомобильный транспорт сохранить только для миллионеров и президентов, возродить извозчиков и паровозы начала века. И все это во имя борьбы с

¹ Атлас З.В. Социалистическая денежная система. М.: Финансы, 1969. С. 254—255.

инфляцией. Профессионалы, не обремененные теоретическими фетишами, вышли из положения иначе. Они спокойно пошли на "мягкую инфляцию", позволившую не только предотвратить массовый переход на лошадиную тягу, но и профинансировать инвестиции в энергосберегающие технологии. Тем самым они продемонстрировали всему миру, во-первых, "непотопляемость" (исключительную жизнеспособность) стран, обладающих высокими технологиями и уникальным научным потенциалом, а, во-вторых, гибкость и динамизм экономической политики, отсутствие зашоренности умозрительными концепциями, здоровый прагматизм. Система правильно среагировала на внешние ценовые возмущения и быстро стабилизировалась.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать определенный вывод.

Экономическая политика — это набор приемов и механизмов, которые должны выводить хозяйственную систему на оптимальный режим именно "при прочих **неравных условиях**". Никто — ни Бог, ни царь и ни герой — не создаст практикующему экономисту "прочие равные условия". Альтернатива одна: либо он научится находить решения в ситуациях, отличных от учебных схем, либо он будет подгонять многообразие жизни под прокрустово ложе абстрактных моделей.

* *
*

Итак, динамика денежной массы и динамика цен, хотя и взаимосвязаны, но в конечном счете подчинены мощному воздействию факторов, относящихся к специфике материально-вещественных потоков. Однако сам по себе денежный рычаг обладает довольно ощутимой потенциальной способностью воздействовать на производство, причем не всегда точно предсказуемой (особенно если оракулы рекрутируются исключительно из лагеря монетаристов). Российская экономика на собственной шкуре ощутила неадекватность модельных построений монетаристов реальному поведению хозяйственных объектов. Напомним в очередной раз, что в соответствии с умозрительными выкладками молодых реформаторов ужесточение бюджетной политики и контроля над денежной эмиссией должно автоматически приводить к снижению цен. На практике же в первые месяцы шокотерапии и на протяжении нескольких лет во всех постсоциалистических странах, оказавшихся на хирургическом столе монетаристов, наблюдался рост цен при одновременном спаде производства. Последний в ряде стран на некоторых временных интервалах носил обвальный характер, в других — проявлялся как вялотекущая тенденция. Но в любом

случае тенденция свертывания производства нигде не выглядела как кратковременный эпизод, а являлась существенной параметрической характеристикой трансформационного процесса. В теории монетаризма подобный долгосрочный спад производства не предусмотрен. А не замечать его было нельзя. Поэтому срочно придумывались объяснения, не блещущие оригинальностью. Главный аргумент состоял, конечно, в том, что бюджетная и денежная политика проводилась недостаточно последовательно и жестко. Насчет степени жесткости бюджетной политики мы поговорим ниже. А вот что касается связки "денежная масса — цены", то из нее в соответствии с канонами монетаризма вытекает только одно — мягкая денежная политика не позволяет обуздать инфляцию, т.е. рост цен. Про затяжной спад производства в этой схеме ничего не говорится. Так что ссылка на недостаточную жесткость денежно-бюджетной политики как причину деградации производства явно повисает в воздухе. Другая попытка объяснить феномен резкого сокращения выпуска продукции при проведении шокотерапии отсылает нас к проблемам стихийной реструктуризации. Мол, рухнули предприятия, которые не производили продукцию, пользующуюся спросом на рынке. Однако реструктуризация предполагает перераспределение ресурсов воспроизводства. Коль скоро кто-то разоряется, другой растет. Процесс реструктуризации предполагает довольно высокую инвестиционную активность. Но именно резкое падение инвестиций является родовым пятном монетаристских реформ. К этому вопросу мы еще вернемся по другому поводу. А сейчас нам достаточно констатировать научную беспомощность сторонников монетаризма, т.е. их неспособность вразумительно объяснить реальный экономический факт, исходя и оставаясь в рамках своей концепции.

Истинные причины экономического спада лежат совсем в другой области. Дело в том, что "самая либеральная" модель перехода к рыночной экономике в процессе своей практической реализации провоцирует столь нерыночные побочные явления, что экономическая система оказывается в коллапсе, наступает паралич воспроизводственных функций. Что же это за причины?

Первая. Постулат о том, что "не может быть бумажных денег много или мало", приводит в конечном счете к выводу, что любое сокращение денежной массы есть абсолютное благо. Реально это означает, что относительное сокращение денежной массы приводит в какой-то момент к резкому дефициту платежных средств (вспомните наш пример с автомобильной промышленностью), появлению денежных суррогатов, дикого бартера и т.д. Возникает удивительный феномен — рынок без денег. А на самом деле — распад рынка под флагом

его создания. Производители, лишившиеся в ходе трансформационного процесса административной плетки центра, не получают денежных, экономических ориентиров. Воспроизводственный процесс захлебывается, производство ограничивается кругозором локальных связей, обмен результатами труда становится примитивным как в первобытно-общинном хозяйстве или при "военном коммунизме"¹. Спад производства в таких условиях неизбежен. Развитая денежная система обслуживает развитое производство. Если деньги перестают выполнять функции экономического сопровождения товара от производителя к потребителю, производство разрушается и деградирует.

Вторая причина — монополизм системы, в которой вводится свободная цена. Это самое слабое звено в модели шоковой терапии, коль скоро она применяется в индустриально развитой стране с мощным природно-сырьевым сектором экономики. Этот недостаток модели был очевиден огромному кругу специалистов, хоть как-то знакомых с азами теории рыночного хозяйства. Об этом писали многократно. Еще за два месяца до начала гайдаровских реформ (они были декларированы в октябре 1991 г.) автор этих строк предостерегал молодых реформаторов:

"Либерализм цен — без этого рыночная экономика не существует. Но и без конкуренции тоже. Синхронно добиться того и другого очень трудно. Освободить цены, действительно, можно сразу, а создание условий для конкуренции — это процесс. Едва ли не важнее сегодня, чтобы начали конкурировать госпредприятия. В нынешнем состоянии они, борясь за прибыль, пойдут простейшим путем — взвинчивая цены. Надо хотя бы определить для начала сферы (а они есть), где конкуренция возможна уже сейчас и где цены можно сразу освободить от контроля. В других сферах демонополизация потребует месяцев: разукрупнение предприятий, поощрение частного бизнеса, открытие этого сектора для инофирм. И наконец, там, где монополию быстро не сломить, нужно или сохранять контроль над ценами, или вводить налог на сверхприбыль, не предаваясь при этом иллюзии, что мы действительно получим сейчас свободные рыночные цены"².

¹ В 1919—1920 гг., когда денежное хозяйство и рынок пришли в полный упадок, Советская власть создавала специальные эквивалентные комиссии. Вот образчик их творчества: "1 аршин бельевого товара = 20 фунтов пшеницы; 1 фунт табака = 1 пуд 23 фунта пшеницы; 1 коса = 3 пуда пшеницы и т.д." (Атлас З.В. Социалистическая денежная система. М., 1969. С. 176). Кто бы мог подумать, что в 1996 г. в период исторического возвращения России в лоно капитализма зарплату работникам Ярославского шинного завода будут выдавать автопокрышками, дулевцам — посудой, работникам Гусь-Хрустального — рюмками!

² Петраков Н. Истина — в оттенках // Московские новости. 1991. № 44.

Изложенная позиция — это не одна из возможных точек зрения, которая по случайному стечению обстоятельств подтвердилась на практике. Это научно доказанная теорема¹. При низкой эластичности спроса от цен точка равновесия (по объему выпуска и цене), эффективная для монополии, никогда не совпадает с точкой равновесия, эффективной для экономики в целом. Последняя, как известно, характеризуется параметрами, при которых предельные затраты равны предельному эффекту: $\frac{ds}{dQ} = \frac{du}{dQ} = P_{opt}$. Поскольку объектом монополизации в подавляющем большинстве случаев является товар или услуга, труднозаменимые в потреблении в силу технологических, геолого-географических и иных причин (энергетика, железнодорожный и водный транспорт, производство редкоземельных и драгоценных металлов, электронные системы связи и информации и т.п.), постольку точка равновесия, выгодная для монополии, всегда будет располагаться в зоне с более высокой ценой и меньшими объемами выпуска, чем аналогичная точка общественного оптимума. Иными словами, снижая объемы производства, монополист больше выигрывает от роста цен, чем проигрывает от сокращения объема продаж. Устранить эту объективно конфликтную экономическую ситуацию можно либо путем разрушения монополии и создания конкурентной среды (если это возможно), либо заставив административными и налоговыми методами снижать монопольные цены до оптимальных с точки зрения экономических интересов всех участников рыночного товарообмена.

Изложенная логика настолько проста и очевидна, настолько подробно буквально разжевана в учебных курсах (в том числе и монетаристского толка), что поражает стремление российских молодых реформаторов к тотальной и безоглядной либерализации цен. Причем ни теория, ни практика ничему их не научили. Еще в феврале 1992 г. в Меморандуме российского правительства об экономической политике провозглашалось: "Важно немедленно осуществить либерализацию цен на энергоносители"², т.е. дать свободу ценообразованию естественным монополистам. Прошли годы, уже нет этого правительства, а бывшие его министры убеждены в своей правоте.

И наконец, **третья причина** спада производства при росте цен — это резкая дифференциация доходов населения. Только по зарплате и только в промышленности соотношение средней зарплаты 10 % наиболее оплачиваемых и 10 % наименее оплачиваемых работников составило в 1996 г. 20,6 раза, в сельском хозяйстве этот показатель был

¹ Подробно о ней см. первый раздел наст. изд.

² Известия. 1992. 28 февр.

равен 21 разу, в строительстве — 25,1, в банковской деятельности — 26,3 раза¹. Этот момент вообще выпадает из анализа взаимодействия динамики цен и спада производства. А он имеет существенное значение. При отсутствии сильного расслоения населения по уровню доходов предельная ценность денег примерно одинакова, и поэтому изменения цен довольно существенно влияют на динамику платежеспособного спроса. Производитель дорожит массовым покупателем и объемом продаж. Другое дело, когда в обществе появляется достаточно весомая группа потенциальных покупателей, для которых нет проблемы денег, а следовательно, нет проблемы цены. Так называемые "шалые" или просто легкие деньги покупателя провоцируют и определенный тип поведения продавцов. Создается ситуация, когда продавец уверен, что какую бы цену он ни запросил, найдется покупатель, которому, быть может, даже из соображений престижа, хотелось бы эту цену заплатить. Этот феномен известен в цивилизованных странах как синдром драгоценностей. Их покупают именно потому, что они дорого стоят. Дама высшего света была бы шокирована, узнав, что ее возлюбленный или муж купил для нее бриллиантовое кольцо на распродаже. В больном обществе нувориши резко расширяют диапазон товаров и услуг, подвластных принципу: чем дороже, тем лучше. Сюда уже входят: квартиры, мебель, одежда, продукты питания, отдых, воспитание детей, услуги здравоохранения, т.е. по существу вся система жизнеобеспечения. Такая деформация потребительских предпочтений небольшой, но суперплатежеспособной части населения провоцирует вымывание дешевого ассортимента, сокращение объемов производства при росте цен, к сожалению, далеко не всегда сопровождающемся соответствующим улучшением качества предлагаемого товара.

Русский монетаризм столь "тонкие" материи даже не рассматривает. О какой дифференциации предельной ценности денег можно говорить, когда глубина их экономического анализа начинается и заканчивается на категориях "общий объем денежной массы", "общий уровень цен", "бюджетный дефицит". Топор и плаха — все остальное от лукавого.

* *

*

В монетаристской концепции финансового оздоровления есть одна чрезвычайно существенная, можно сказать, основополагающая взаимосвязь: инфляция — бюджетный дефицит. Эта связка определяется тем, что бюджетный дефицит покрывается, как правило, эмиссионным

¹ См.: Труд и занятость. М.: Госкомстат России, 1996. С. 99.

доходом. Государство вынуждено покрывать разницу между расходной и доходной частями бюджета денежной эмиссией. В отличие от любого транжиры государство имеет то преимущество, что всегда может покрыть свои долги с помощью печатного станка. Оно, будучи монополистом в области тиражирования денежных знаков, выступает в случае затруднений в качестве "легального фальшивомонетчика". Отсюда у сторонников количественной теории денег возникают простые способы лечения от инфляции. Рассуждения очевидны: денежная эмиссия необходима для латания бюджетных дыр. Однако бюджетная рана зарубцется, если сократить расходы и увеличить доходы. Чем успешнее проводится эта политика, тем меньше потребность в денежной эмиссии, тем ниже инфляция. Все логично, кроме "маленькой" детали. Опять забыли о материальном наполнении расходной и доходной части бюджета.

Идеология вульгарного монетаризма не признает никакой связи между размерами бюджетного финансирования и объективными материальными условиями функционирования конкретной общественной системы. Более того, в своем неприятии этой связи многие поборники экстремальной монетаристской политики становятся социально агрессивными. Так, например, уже знакомый нам А. Илларионов, анализируя причины глубокого экономического кризиса в России, считает, что он стал возможным "лишь в условиях недостаточной либерализованности хозяйственной жизни (*наличие административных запретов на отключение ряда потребителей от энерго-, водо-, газоснабжения* (курсив мой. — Н.П.) даже при просроченной задолженности, массовое неприменение процедуры банкротства, высокий уровень закрытости национальной экономики, сохранение масштабного субсидирования ряда отраслей и сфер экономики и т.п.)"¹.

Законы избранного мною жанра не позволяют применить наиболее точные слова для характеристики только что процитированных сентенций. Поэтому воспользуемся нормативной лексикой.

Итак, господину Илларионову для достижения целей монетаристской политики, а конкретнее — бездефицитного бюджета не хватает только одного — отключения света, газа и воды у неплательщиков. Первые неплательщики — это, конечно, бюджетники. И этот факт вытекает из постулатов экономической политики монетаристов, один из которых гласит: финансирование бюджетных сфер будет осуществляться не в соответствии с утвержденным бюджетом, а по мере пополнения доходной части бюджета. Иными словами, чиновник не умеет собирать налоги или сознательно (а может быть, по причине профнепригодности) зависил в проекте бюджета налогооблагаемую

¹ Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 51.

базу. Но страдать будут не он, а учитель, офицер, врач. Позиция удобная. Но, может быть, господин Илларионов объяснит, как делать операции в темноте или обучать детей при минусовой температуре? Если бюджетников, по мнению Илларионова, слишком много, то каждый акт урезания финансирования бюджетных сфер должен сопровождаться списком конкретных больниц, школ, домов культуры, спортивных сооружений, которые под этот секвестр должны быть закрыты. Но именно этого материального сопровождения рестрикций бюджетных статей пуще всего боятся монетаристы. Как экономисты-теоретики они рассматривают человека как бездушную единицу, которая может быть полезна, если платит налоги, и вредна, если нуждается в социальной поддержке. Кредо этих ученых великолепно выразил одним четверостишием Ганс Магнус Энденсбергер:

Люди только мешают:
Путаются под ногами,
Вечно чего-то хотят,
От них одни неприятности.

Однако как политики-прагматики те же монетаристы-реформаторы отлично знают, что социальная сфера, доставшаяся от коммунистов, мягко говоря, не отличалась чрезмерностью. Скорее наоборот. Что уж там сокращать. И тут возникла "гениальная" мысль. Сокращать ничего не будем. Просто перестанем повышать зарплату, потом, платить ее, сократим до минимума снабжение лекарствами, медицинским оборудованием, доведем до аварийного состояния школы, научные лаборатории, космические комплексы, ракетные установки. И все это во имя чего? Оказывается, во имя сокращения бюджетного дефицита. Объяснение — страна не может потянуть столь высокие социальные расходы — выглядит достаточно очевидным до банальности. Вспоминается столь же "железобетонный" трюизм Брежнева: строить, как и жить, надо по средствам. Но нельзя же все доводить до абсурда и нести этот абсурд в реальную жизнь. Да, действительно, у нас слишком много военнослужащих. Но ведь есть объективные рамки их сокращения. Не хочу вдаваться в обсуждение военной доктрины страны и ограничусь только одним примером. Граница России измеряется многими тысячами километров. Так сложилась наша история. Должна ли страна контролировать свою границу? Не знаю, что думает об этом господин Илларионов, но я считаю, что должна. Потому что альтернатива — это проходной двор для наркобизнеса, это массовая контрабанда и подрыв национальной экономики, это наплыв беженцев и криминализация общества, это распространение терроризма на всю территорию страны и т.д. Но контроль над границей требует совершенно четко рассчиты-

ваемого по нормативам количества пограничников, видов вооружения и оборудования, застав. Причем это задача, как сказали бы математики, целочисленная. Если в границе остаются серьезные проехи, то затраты на защиту других участков становятся неэффективными.

Еще более заданными, но уже не историей, а Богом, являются климатические и географические условия. И морозные зимы, и полярные ночи, и вечная мерзлота — к сожалению, все это Россия. Говорят — давайте переселять людей из северных районов. Давайте. Но такие проекты требуют финансирования.

Напомним еще об одном объективном ограничении бюджетных расходов — возрастной состав населения. Население России стареет. Уже сейчас на каждого пенсионера приходится на 30 % меньше трудоспособных, чем в 1980 г.¹ Что же в этой ситуации делать? Один вариант: смириться и обеспечить достойную старость равноправной части нашего общества, но в ущерб быстрому решению задачи о бездефицитном бюджете. При этом предполагается проведение глубокой пенсионной реформы. Другой вариант: держать пенсии на уровне 50 % от прожиточного минимума под предлогом слишком большой нагрузки на бюджет. Реформаторы выбрали, конечно, второй путь. При этом их программа приватизации предусматривает раздел и передел материальных ценностей, созданных именно старшими поколениями. Однако делиться со стариками новые владельцы предприятий не хотят. Придуман и аргумент. Если повысить пенсии, то пенсионеров так много, что начнется новый виток инфляции, который обесценит прибавку. Так что для вашего же блага стараемся, старики неразумные.

Поскольку инфляционный жупел достается не только в случае пересмотра пенсий, но всегда, когда речь идет о повышении зарплаты любым категориям бюджетников, то дадим некоторое уточнение и несколько иную трактовку проблемы инфляции. Конек монетаризма — это макроуровень. Не надо вдаваться в детали. Давайте оперировать укрупненными, усредненными показателями. Этот теоретический подход имеет весьма удобное прикладное значение для идеологического прикрытия конкретной экономической политики. Инфляция — это всеобщий налог, ухудшающий жизнь всех! Простите, это демагогия. Предположим, что общество состоит из двух социальных групп, равных по численности с равным уровнем доходов. Теперь представим, что группе А увеличили доходы вдвое (за счет дополнительной эмиссии), а доходы группы В остались неизменными. Тогда (при неизменном уровне предложения) товарной массе будет противостоять

¹ См.: Труд и занятость в России. С. 6.

денежная масса в полтора раза большая. В соответствии с канонами монетаризма и цены возрастут в 1,5 раза. Группа В действительно станет абсолютно беднее. Но группа А окажется богаче, правда, не в два раза.

К сожалению, как сторонники, так и противники монетаризма в своих дискуссиях забывают чрезвычайно важный аспект любого инфляционного процесса. Инфляция — это мощный рычаг **перераспределения** доходов. Инфляция отнюдь не всеобщая беда, как пытаются изобразить "шокотерапевты". Под сурдинку такого рода рассуждений прекрасно обогащаются чиновники, формируется целый слой нуворишей. Ведь подумайте только, именно в условиях фантастической инфляции (рост цен в 10—20 раз за год) возникали в массовом масштабе "новые русские", создавались капиталы, банки, готовые торговаться с государством за такие объекты, как "Норильский никель", "Связьинвест". Поэтому не надо говорить старушке, что, если мы тебе повысим пенсию, тебе же будет хуже. Конечно, можно просчитать и такую схему в назидание ей и ее защитникам. Только это будет схема политически целенаправленного перераспределения доходов от инфляции.

* * *

И все-таки по итогам пятилетки шоковой терапии монетаристы празднуют победу. «Вне всякого сомнения, начало реальной финансовой стабилизации весной 1996 года — это крупная победа властей — и правительства и Центрального банка. Безусловно, это и победа настоящих реформаторов как при портфелях, так и без них...

Успех достигнут благодаря применению совершенно стандартных инструментов макроэкономической политики, классических монетаристских методов. И произошло это, несмотря на все псевдонаучные рассуждения о так называемом "затратном" характере российской инфляции. О ее "институциональных", "структурных", "монополистических" корнях; несмотря на бесконечные заявления об особенностях российской экономики, "инфляции издержек", "инерционности процессов в огромной стране". Эта исключительно серьезная победа далась огромной ценой. Ценой длительных отступлений, ненужных компромиссов, неоправданных потерь»¹.

Прежде чем поговорить о "цене победы", хотелось бы обратить внимание читателя на знакомый полемический трафарет Илларионова (а это, конечно, цитата из его статьи). Знакомый со времен ленинизма-

¹ Политэконом. 1996. № 2. С. 16.

сталинизма. Я имею в виду привычное клеймо фанатиков одной идеи. Все, что не вписывается в их представления, определяется сначала как "псевдонаучные рассуждения". Ну а дальше, как жизнь сложится: "псевдонаучными рассуждениями" обычно занимаются враги народа. Как быстро повторяется история. Только что "псевдонаучными рассуждениями" увлекались Юровский, Чайнов, Вайнштейн, Кондратьев, поскольку "научными" тогда были только Маркс, Ленин, Сталин. И вот уже "псевдонаучен" тот, кто не восхваляет Милтона Фридмана и Джеффри Сакса¹, кто говорит о структурных, монополистических и институциональных корнях инфляции.

Но какова же все-таки цена "победы" над инфляцией? Обратимся опять к А. Илларионову: «Платой за замедление инфляции стало частичное восстановление прежней административной, государственно регулируемой экономики. Власти начали применять замораживание цен на продукцию топливно-энергетического комплекса, централизованно регулировать цены естественных монополий, запрещать поставщикам электроэнергии и газа отключение злостных неплательщиков (идея фикс нашего борца за монетаризм — Н.П.), изобретать "товарные кредиты", внедрять в оборот денежные суррогаты в виде налоговых освобождений, вексельных кредитов, компенсировать недостаток бюджетных средств финансированием коммерческих банков по федеральным гарантиям и т.п.»².

Такова, по признанию самого А. Илларионова, цена "победы" над инфляцией. Нравится мне этот человек своей искренностью. Действительно, если бы всего, что он перечислил в вышеприведенной цитате, не было, то и не было бы снижения инфляции. Забыты в этом перечне только массовые неплатежи бюджетникам. Но они сбалансированы ностальгией по запретам на отключение энергопитания "злостным неплательщикам". Однако если заплачена такая цена за снижение инфляции, то причем здесь "стандартные инструменты макроэкономической политики"? Это, во-первых. А во-вторых, как говорится, был ли мальчик? О каком снижении (реальном) инфляции можно говорить при наличии многотриллионных неплатежей, бартере, наводнении экономического пространства денежными суррогатами? И вообще, не устарела ли методика расчета индекса цен, если рубль обслуживает

¹ Весной 1992 г. я оказался в Белом доме в числе приглашенных Дж. Бушем на обед в узком кругу по случаю неофициального визита Горбачева в США. Президент США обратился ко мне с вопросом: "Имеют ли рыночные реформы в России шанс на успешную реализацию?" "Да, — ответил я. — Но при одном условии: если Сакс перестанет нам давать советы". Моя реплика вызвала бурные и одобрительные комментарии. А тогдашний госсекретарь США Бейкер высказался в том духе, что этот профессор вызывает весьма большой скепсис у большинства американских экономистов.

² Политэконом. 1996. № 2. С. 16.

лишь две трети рынка товаров и услуг, а в некоторых сферах — менее половины? И тысячу раз прав А. Илларионов, когда в завершение своего анализа восклицает: "Одержанная таким образом победа над инфляцией означает в то же время и в известной степени победу над самой рыночной экономикой, над рыночными реформами"¹. Ну о чем тут спорить? Только о том, что один говорит: иначе и быть не могло и тому есть объективные причины; а другой — нет, могло быть иначе, да нам помешали.

Итак, инфляцию вроде бы, не мытьем, так катаньем, победили. За ценой, как всегда, не постояли, а результата-то главного не добились. Ведь сбить инфляцию — не самоцель, а средство оживления инвестиционного процесса. Нам именно так твердили все эти годы. Вспомним, например, нашумевшую в свое время программу правительства Российской Федерации на 1995—1997 гг. Уже на первой странице этого документа провозглашалось: "В этом году (1995!) надо построить мост между инфляционным прошлым и инвестиционным будущим". Красиво сказано. Теперь мы знаем, что это маниловский мост. И знаем почему. Собственно, ответ косвенно содержался в самом тексте той программы. Он звучал так: "Второй этап — этап стабилизации — наступает по мере достижения успехов в борьбе с инфляцией... Третий этап — этап возобновления экономического роста — характеризуется низкой инфляцией, повышением деловой активности, интенсивным процессом трансформации накоплений в инвестиции". Старая песня — сначала победим инфляцию, потом найдем инвестиции. Но задача в такой постановке решения не имеет, поскольку игнорируется структурная природа инфляционных процессов в России. Без реструктуризации, а значит, и без инвестиций победа будет мнимой. Это уже не теория, а практика. Формально инфляцию сбили до низкого уровня в середине 1996 г., но обещанный "третий этап" не наступил. Это произошло потому, что избранный путь борьбы с инфляцией закрутил экономическую спираль: сокращение бюджетных расходов с целью снижения темпов инфляции ведет к спаду производства, спад производства сокращает налоговую базу бюджета, уменьшение доходной части бюджета не позволяет проводить активную политику реструктуризации экономики, вынуждает сокращать финансирование образования, здравоохранения, социальных программ поддержки малообеспеченных слоев населения. Ужесточение политики расходов федерального бюджета приводит к сокращению его доходов, что требует нового витка сокращения расходов и т.д.

¹ Политэконом. 1996. № 2. С. 16.

Темпы инфляции сократились на фоне падения спроса на инвестиционные ресурсы и спроса на потребительские товары. Нет спроса, нет предложения, нет инфляции — нет экономической жизни. Своего рода "тактика выжженной земли".

Сейчас бессмысленно обсуждать, насколько эта тактика была необходимостью, а насколько — плодом доктринерского фанатизма его исполнителей. Это тема для будущих историков экономической политики. Важно определить пути выхода из кризиса.

Вот что я писал по этому поводу в докладе, представленном на научном семинаре МВФ, состоявшемся в Москве 18—19 октября 1994 г. (основные идеи этого доклада были опубликованы в журнале "Обозреватель", № 5 за 1995 г., с. 24—26):

"Реалии экономического кризиса возрождают в России ностальгию по жесткому государственному управлению экономикой. На наш взгляд, возврат к тоталитарной экономике коммунистического образца является утопией. Однако новейшая история России дает много примеров, когда ради реализации очевидных утопий приносилась в жертву не только экономическая целесообразность, но и жизнь миллионов людей. Рецидив попыток возврата к старой системе управления нельзя исключать, и именно поэтому необходимо сделать все возможное, чтобы его не допустить. В сложившейся в России ситуации политические заклинания уже малоэффективны, нужны весьма прагматические идеи и их четкая реализация.

Главная проблема, которая требует своего незамедлительного решения, — активизация инвестиционной сферы с целью реструктуризации экономики в соответствии с потребностями рынка. Сложность ее решения заключается в том, что практически любой вариант поощрения новых инвестиций (налоговые льготы для инвесторов, льготные кредиты, увеличение прямого бюджетного финансирования и т.д.) носит инфляционный характер. Но всякий новый виток инфляции отпугивает инвесторов. Круг замыкается. Необходимо найти компромиссные решения для того, чтобы все-таки выскочить из создавшегося порочного круга.

Ниже мы предлагаем некоторые шаги решения вышеобозначенной проблемы с наименьшими, на наш взгляд, потерями. Эти предложения являются фрагментами более общей модели трансформации экономической политики России.

Мягкая денежная реформа как средство защиты инвестиционных расходов от инфляции. Если невозможно надежно защищать от инфляции всю экономику, то надо начать с инвестиционной сферы, являющейся мотором экономического прогресса. Из всех возможных вариантов защиты инвестиций мы отдаем предпочтение варианту введения

параллельной валюты, которая первоначально должна обслуживать инвестиционную деятельность, а затем, по мере оживления экономики, вытеснить мягкий рубль. По своему существу это будет денежная реформа, но проводимая не единовременным государственным актом, а растянутая во времени на 3—4 года.

Предлагается ввести в обращение специальный инвестиционный рубль как особый вид твердой российской валюты. Инвестиционный рубль должен иметь одну главную особенность: постоянно поддерживаемый государством курс по отношению к доллару или ЭКЮ. Эмиссия инвестиционного рубля должна находиться в строгом соответствии с возможностями государства поддерживать и реально подтверждать на валютном рынке (включая западные валютные биржи) объявленный курс. Размер эмиссии инвестиционного рубля с самого начала должен зависеть не от того, сколько нужно эмитировать денег для осуществления тех или иных обязательных платежей, а от того, сколько можно их выпустить, не подрывая объявленный курс. Это необходимое условие возникновения доверия к инвестиционному рублю (ИР). Поскольку курс ИР будет поддерживаться всей массой потенциально ликвидных экспортных ресурсов, он не будет испытывать рабской зависимости от наличия в стране долларовой массы или иных СКВ.

Кредитные линии в ИР должны открываться только под целевые проекты после тщательной экспертизы их эффективности и под имущественные и иные гарантии.

Проведение оценки имущества приватизируемых предприятий в ИР не только позволит упорядочить их дальнейшее акционирование и формирование рынка ценных бумаг, но и создаст реальную основу решения вопроса об участии иностранного капитала в приватизации. Последняя проблема при нынешнем рыночном курсе доллара зашла в тупик.

ИР играет роль точки опоры для внутренних и внешних инвесторов. На первых этапах реформы инвестиционный рубль не должен обслуживать розничный товарооборот и сделки физических лиц. Основная сфера обращения ИР — производственный комплекс.

Для юридических и физических лиц, оперативно нуждающихся в валюте или рублевой массе, целесообразно сохранить систему валютных аукционов, где одновременно осуществляется и котировка нынешнего мягкого рубля.

ИР располагается как бы между СКВ и нынешним рублем. Он имеет фиксированную связь с СКВ и плавающий рыночный курс по отношению к нынешнему рублю. Такая связка с мировой валютной системой позволит разорвать тот порочный круг, о котором говорилось выше,

дать импульс инвестиционному процессу. На базе инвестиционного рубля будет обеспечена реальная позиция российской валюты в рамках СНГ. В условиях прозрачных границ бесполезно мечтать о юридической защите рубля. Его можно защитить только экономически. Модель ИР будет привлекательна для многих республик, столкнувшихся ныне с теми же проблемами, что и Россия.

Предлагаемая выше схема "мягкой" денежной реформы позволяет дать прагматический ответ на извечный теоретический спор экономистов: является ли твердая валюта мотором преодоления экономического кризиса или результатом успешной борьбы с ним.

Возможность и реалистичность вышеописанного подхода к решению вопроса "инвестиции — инфляции" вытекает из анализа нынешних российских реалий. Фактически Россия уже живет в системе параллельных валют. Доллар играет роль средства сбережения как для населения, так и для предприятий и банков. Он беспрепятственно обращается по всей стране в значительных количествах. Однако такая параллельная валюта имеет целый ряд недостатков по сравнению с предлагаемым инвестиционным рублем. Во-первых, не совсем ясны и не всегда легальны источники поступления иностранной валюты на российский рынок. Во-вторых, размеры миграции иностранной валюты носят зачастую совершенно неуправляемый и даже непредсказуемый характер. В-третьих, наличная иностранная валюта обслуживает в основном сферу торгового бизнеса и иные посреднические услуги, никак не вторгаясь в область производственных инвестиций.

Схема "мягкой" денежной реформы, обеспечивающей приоритеты инвестиционной деятельности, в течение уже нескольких лет предлагается руководителям России. (Например, могу сослаться на свою статью "Золотой червонец — вчера, сегодня, завтра" в журнале "Новый мир", № 8 за 1987 г.). Однако как правительство Рыжкова, так и правительство Гайдара без всякого обсуждения категорически отвергли эти предложения. Это тем более непонятно, поскольку в них нет ничего одиозного, и они опираются на мировую практику в неменьшей степени, чем монетаристские методы, использованные в Польше и России. Достаточно сослаться на опыт денежной реформы в России в 1922—1924 гг., приведшей через параллельные валюты к единой конвертируемой валюте всего за два дня. Сюда же можно отнести опыт послевоенных Западной Германии, Японии, Италии. Послевоенная экономика этих временно оккупированных стран характеризовалась хождением наряду с инфляционной национальной валютой твердой, как правило, американской валюты. Наличие твердой параллельной валюты позволило этим странам создать в конечном счете достаточно твердую национальную валюту.

Нынешняя Россия в части денежной системы очень напоминает Западную Европу после второй мировой войны.

Платежный союз СНГ как способ организации денежной системы в бывшем пространстве СССР. Непонимание важности проблемы организации скоординированной монетаристской политики на всем пространстве бывшей коммунистической империи проявилось довольно давно. Достаточно напомнить, что уже после Беловежских соглашений и непосредственно в первые месяцы реформ Гайдара специалисты международных экономических организаций и представители команды Гайдара продолжали по инерции говорить об укреплении рубля и выделении на эти цели крупных финансовых средств. Какой собственно рубль тогда хотели укреплять? СССР? Но СССР исчез в конце 1991 г. России? Но российского рубля тогда еще не было. В результате многомиллиардные суммы были тогда выброшены на сохранение так называемой рублевой зоны, хотя было очевидно, что она обречена на провал после появления в каждой республике самостоятельных центральных банков, сохранивших за собой право осуществлять кредитную эмиссию на территории соответствующих республик. При этом право на эмиссию наличных денег узурпировал Центральный банк России. Экономическая война между центральными банками развалила рублевую зону и привела к дезорганизации денежного хозяйства в первые и без того тяжелые месяцы реформ. Этот результат предсказывался еще в конце 1991 г. Теперь снова возникает ностальгия по возрождению рублевой зоны. Она нашла свое выражение в переговорах о вступлении Белоруссии в рублевую зону. Возможно, это первая ласточка.

Нам представляется, что концепция воссоздания рублевой зоны так же порочна, как и идея ее сохранения, занимавшая умы реформаторов в 1992 г. Политические суверенитеты имеют свою юридическую атрибутику. В нее входит, наряду с национальными гербом, флагом, гимном, и национальная валюта. Совсем не обязательно иметь одну денежную единицу, чтобы скоординировать денежную политику. Опыт послевоенной Западной Европы свидетельствует об этом. Но почему-то этот опыт не проецируется ни на республики бывшего СССР, ни на страны Восточной Европы. Похоже, что западные специалисты склонны поощрять стремление каждой отдельной страны бывшего коммунистического блока самостоятельно интегрироваться в мировую валютную систему. Можно согласиться, если быть оптимистом, что это удастся сделать нескольким странам в одиночку, скажем, Польше, Чехии, Венгрии, Эстонии, России. А что делать на остальном огромном экономическом пространстве?

Усилия Международного валютного фонда и других международных экономических организаций должны быть переориентированы на разработку международного проекта по организации платежного союза на посткоммунистическом пространстве, который явился бы своего рода промежуточной ступенькой или подготовительным классом перед последующей постепенной интеграцией этих стран в мировую валютную систему.

Если рассматривать проблему стратегически, то проект организации взаиморасчетов и единой монетарной политики должен, по нашему мнению, выходить за рамки стран СНГ. Он может оказаться приемлемым и для некоторых стран Восточной Европы и Прибалтики. Дело в том, что распад коммунистического блока самым разрушительным образом сказался на внешней торговле в рамках бывшего СЭВ. В 1993 г. внешнеторговый оборот между Россией и бывшими партнерами по СЭВ составил по экспорту 21,9 % от уровня 1989 г. и по импорту — 8 %. Восточноевропейские страны настойчиво стучатся в экономические двери Западной Европы. Они рассуждают по одинаковой схеме: дайте нам западные технологии и при нашей дешевой рабочей силе мы завалим Европу высококачественными товарами по низким ценам. Однако поставим вопрос: насколько такое развитие событий в интересах западноевропейских стран? Разница в потенциалах уровней оплаты труда — взрывоопасный элемент в международной торговле. Примером тому может служить новейшая экономическая история Тихоокеанского региона. В стратегических интересах Запада помочь восточноевропейским странам создать такую систему взаиморасчетов с Россией, которая делала бы выгодным их присутствие прежде всего на восточных рынках. Не менее важно реанимировать угасший интерес России к рынкам бывших союзников по Варшавскому договору. Таким образом, речь идет о необходимости взаимного согласования интересов всех партнеров европейского региона.

Страхование политических рисков как условие привлечения частных иностранных инвесторов на российский рынок.

Мы глубоко убеждены, что подъем российской экономики или невозможен, или откладывается на долгие годы без привлечения серьезных западных инвесторов, несущих новую технологическую культуру и организацию производства и маркетинга. Необходимо прекратить бесконечные разговоры о помощи России. Нужна не помощь, а взаимовыгодное партнерство и прежде всего в инвестиционной сфере. Однако серьезный иностранный капитал не придет на рынок страны, в которой в течение многих лет наблюдается политическая нестабильность. Парадокс состоит в том, что основной причиной политической

нестабильности в России является экономический кризис. Быстрый выход из него невозможен в условиях блокады России со стороны западных инвесторов. Опять замкнутый круг.

Выход из него — в создании Международного страхового фонда по страхованию инвестиций в Россию от политических рисков. Остается только удивляться, что столь очевидная и практически легко выполнимая акция до сих пор не только не реализована, но даже серьезно не прорабатывается на уровне экспертов и лиц, принимающих решения.

Практическое воплощение в жизнь идеи создания системы международного страхования от политических рисков предполагает выполнение следующих условий.

1. Юридическая разработка понятия "политический риск" и его четкое отделение от чисто экономических, коммерческих рисков. Современное состояние международного права позволяет без помех реализовать это условие.

2. Определение источников формирования уставного капитала Международного страхового фонда. Источники эти очевидны. Один из них — переключение средств, которые сейчас предоставляются и обещаются России Международным валютным фондом на поддержку экономических реформ. Другой — взносы России и других государств, желающих принять участие в Международном страховом фонде. Третий — средства коммерческих банков, частных страховых компаний и т.п., привлекаемые путем продажи акций или иными известными в международной практике способами.

3. Разработка устава Международного фонда страхования от политических рисков, условий страхования и компенсации ущерба. Обязательным условием создания Международного фонда страхования от политических рисков должно быть его территориальное размещение за пределами бывшего СССР.

Для осуществления вышеперечисленных мероприятий необходимо пересмотреть некоторые стереотипы в подходах к осуществлению экономических реформ. Пройденный путь многому научил. Но главное — понять, что этот путь уже пройден, возникла новая ситуация, тоталитарная экономика сломлена и, будем надеяться, окончательно. Но новая ситуация породила новые проблемы, и их нельзя решать старыми методами, даже если они были идеальными в прежних условиях. Топтаться на месте — значит проиграть демократию в России".

Рынок без денег — достижение российских реформаторов

Деньги существуют на то, чтобы
их тратить, как сказал Карл Маркс.

М. Булгаков

Опыт веков для нас не существует.

П. Чаадаев

В процессе рыночных реформ в России оказалась полностью подорвана денежная система страны. Это один из российских парадоксов. Ведь рыночная экономика не может быть безденежной. Денежные потоки — это кровеносная система рыночного организма. И вдруг она оказалась забитой, засоренной денежными суррогатами, региональными и отраслевыми платежными средствами. Правительство поначалу отнеслось к этому явлению весьма легкомысленно. Государство теперь не несет ответственности за долги предприятий, поэтому пусть они сами выкручиваются. Однако вскоре оказалось, что раз нет взаимных платежей между предприятиями, значит, нет и поступлений налогов в бюджет, нет и выплат заработной платы. Размеры этих долгов нарастали как снежный ком и к концу 1996 г. просроченная задолженность по оплате труда составляла 34,7 % к денежным доходам населения, а задолженность по платежам в консолидированный бюджет — 23,2 % от доходов консолидированного бюджета¹. Это уже состояние экономического коллапса. К чести правительства надо сказать, что оно всполошилось еще в 1994 г., когда эти показатели не превышали 8,5 %. Была создана специальная оперативная комиссия правительства РФ по совершенствованию системы платежей и расчетов. Комиссией сначала руководил Сосковец, а затем Чубайс. Несмотря на плотный график работы (чуть ли не еженедельно), деятельность комиссии закончилась полным конфузом, о чем свидетельствует лавинообразное нарастание неплатежей в 1995—1997 гг.

¹ См.: Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 44.

Однако в ее работе было несколько моментов, которые очень точно характеризуют стиль работы высоких правительственных чиновников, меру их реальной, а не показной заинтересованности в выводе страны из экономического кризиса.

Все началось с Распоряжения Правительства РФ от 30 августа 1994 г. № 1403-р за подписью премьер-министра В. Черномырдина. Этим Распоряжением при Оперативной комиссии создавалась научная рабочая группа во главе с академиком Н. Петраковым. Мне давались широкие полномочия по привлечению лучших научных сил. "Научной рабочей группе, — писалось в Распоряжении, — при необходимости привлекать на договорной основе российские и зарубежные научно-исследовательские организации, а также ведущих ученых и специалистов для подготовки предложений по ликвидации причин кризиса неплатежей. Минфину России определить порядок и источники финансирования научных исследований по проблемам неплатежей и в 10-дневный срок представить правительству Российской Федерации соответствующие предложения".

Рабочая группа была тотчас сформирована и приступила к работе. Я и мои коллеги довольно быстро нащупали основную причину непродуктивной работы комиссии. Она с самого начала "взяла ложный след". Руководители комиссии в феномене неплатежей видели исключительно происки директорского корпуса. Мол, прячут деньги на разных счетах, поставляют продукцию за взятки, используют в расчетах "черный нал". Наши исследования показали, что при всей несомненности существования этих криминальных и полукриминальных явлений они выступают не причиной, а следствием дезорганизации денежного обращения. Именно искусственное сокращение денежной массы, отсутствие платежных средств приводит к распространению дикого бартера, восстановлению телефонного права в худших традициях административной системы, расцвету теневой экономики. Мы указывали также, что начавшееся в тот период увлечение выпуском государством краткосрочных обязательств становится мощной плотиной, перекрывающей поток денег в реальную экономику. Высокая доходность ГКО и государственные гарантии по размерам и срокам выплаты процентов приводят к полной изоляции финансовых рынков от других сегментов экономики.

Мы подчеркивали также, что масштабы неплатежей достигли таких размеров, что их надо оформлять как государственный долг на федеральном и региональном уровнях. Идущие с многомесячными опозданиями погашения обесцененных инфляцией долгов по заработной плате отвлекают от проблемы коренного реформирования системы оплаты труда, создания действительно полноценного рынка труда.

Работа в научной группе шла интенсивно с большими трудностями. Главная из них была финансовая. Несмотря на прямое указание премьера, Минфин и не подумал изыскать средства для финансирования нашей работы. Мое хождение по коридорам власти окончилось ничем. Ученых просто обманули. Но заказ правительства мы все же выполнили. В начале ноября я выступил с большим докладом на заседании Оперативной комиссии. Текст доклада был разослан всем министерствам для обсуждения на коллегиях. В комиссию стали поступать положительные отзывы. В этот период власть в комиссии сменилась. Ее возглавил Чубайс. С этого момента наш доклад был "забыт". А вернее, выброшен в корзину. Ни слова критики, ни объяснений, ни дискуссии, "ни спасибо, ни до свидания". Приказано забыть. Ни я, никто другой из членов научной группы больше никогда не получали приглашений на заседания комиссии.

А доклад, между прочим, интересен тем, что почти все, о чем в нем говорилось (в ноябре 1994 г.), признано справедливым правительственными чиновниками спустя три года, и подается ныне чуть ли не как новый этап развития реформ. Чтобы не быть голословным, приведу полностью наш анализ проблемы и предложения по ее решению. Конечный вариант доклада был подготовлен Н. Петраковым (руководитель группы), В. Перламутровым, В. Маневичем, В. Волконским, М. Вороновицким и Л. Тропаревской¹.

Платежный кризис и пути его преодоления

Кризис платежей в современной российской экономике — наиболее опасное проявление общего экономического кризиса. Если его в ближайшие месяцы не унять, курс на рыночную экономику будет однозначно сорван. Ибо массовые неплатежи и рыночный режим ведения хозяйства — "две вещи несовместные".

Вопрос стоит так: либо более или менее нормальный платежный оборот в хозяйстве, либо преобладание административных рычагов управления, либо вступление экономики в состояние хаоса. Какого-либо иного варианта развития объективно не существует. Любые действия по налаживанию рыночных отношений вне мер по преодолению кризиса платежей в современных условиях лишены смысла и намеченных целей не достигнут.

Системный характер кризиса предполагает и систему мер по его преодолению. Основные причины неплатежей, по нашему мнению, таковы: 1) трудности сбыта конечной продукции отечественных това-

¹ См.: Российский экономический журнал. 1994. № 12. С. 16—27.

ропроизводителей; 2) общая нехватка платежных средств в народном хозяйстве; 3) отрыв финансового рынка от реального сектора экономики — производства и сбыта продукции, инвестиций в народное хозяйство; 4) межотраслевое и внутриотраслевое рассогласование цен; 5) утрата предприятиями оборотных средств как вследствие их обесценения, так и в результате экспроприации через налогообложение в условиях инфляции; 6) неплатежи государства предприятиям и стран СНГ — России; 7) нарушение платежной дисциплины и институциональное несовершенство организации приватизированных и государственных предприятий, исключающее действенный контроль над администрацией.

Неплатежеспособность предприятий обуславливается сочетанием всех этих факторов. Остановимся на каждом из них и на возможных мерах по их преодолению.

1. Трудности сбыта конечной продукции отечественных товаропроизводителей (проблема организации рынка)

Хотя основная масса неплатежей сконцентрировалась в базовых отраслях (топливно-энергетический комплекс и металлургия), первичный импульс неплатежей заключен, как представляется, в отраслях, работающих на конечного потребителя и непосредственно сталкивающихся с подавленным потребительским спросом. Аккумуляция неплатежей в базовых отраслях объясняется утяжеленной структурой нашей промышленности, а также тем, что именно на названные отрасли приходится решающая часть неплатежей государства по своим обязательствам. Однако неплатежи государства вызываются недобором налогов, а последний связан со спадом производства, в котором лидируют отрасли, производящие конечную продукцию. Тезис о том, что именно они инициируют цепную реакцию неплатежей (хотя, повторимся, на долю первичных отраслей приходится подавляющая часть кредиторской и дебиторской задолженности), подтверждается следующим фактом: именно конечные отрасли характеризуются мультипликаторами задолженности, превышающими народнохозяйственный мультипликатор¹.

¹ Отраслевой мультипликатор задолженности — это коэффициент, показывающий, насколько возрастает (уменьшается) задолженность в народном хозяйстве в целом при возрастании (уменьшении) задолженности в данной отрасли. Народнохозяйственный мультипликатор задолженности равен 4,12; это означает, что при возникновении в народном хозяйстве дополнительной задолженности на 1 трлн.руб. в силу наличия перекрестных межотраслевых воздействий полное увеличение взаимной задолженности составит более 4 трлн. руб.

Так, если последний мультипликатор составлял на конец 1993 г. 4,12 (расчет Института народнохозяйственного прогнозирования РАН), то отраслевые мультипликаторы задолженности были таковы: в пищевой промышленности — 6,05, в машиностроении и металлообработке — 5,43, в сельском и лесном хозяйстве — 4,35; а вот в электроэнергетике — 3,07, в нефтегазовой промышленности — 3,85, в черной металлургии — 3,49, в промышленности строительных материалов — 3,9, на транспорте — 2,87.

Констатируя некоторые отклонения от общей закономерности (угольная промышленность — 6,27, легкая — 3,09), можно все же сделать вывод относительно нее: чем технологически дальше отрасль от добычи и производства первичных ресурсов и энергии, тем большим мультипликатором задолженности характеризуются ее платежные связи с другими отраслями. Поэтому преодоление спада производства и трудностей сбыта в конечных отраслях и организация их платежей суть приоритет преодоления кризиса сбыта в целом.

Сложности сбыта у отечественных товаропроизводителей связаны, с одной стороны, с недостатками организации рынка, с другой, — с агрессивной конкуренцией импортных товаров. Но и во втором случае дело, по-видимому, заключается не только в неконкурентоспособности отечественных товаров, но и в контроле над каналами продвижения товара к потребителю. А значит, проблему трудностей сбыта нужно трактовать более широко — как проблему организации рынка для российских товаропроизводителей.

Обвальная приватизация элементов инфраструктуры рынка (складских мощностей, транспорта и т.д.) привела к фактической монополии в сфере товародвижения посредников, заинтересованных в максимизации вовсе не производства и сбыта отечественных товаров, а цен и своих доходов. Мировой опыт показывает: подобные ситуации в сфере товародвижения выливаются в кризисы перепроизводства, от которых страдают как производители, так и потребители.

Реакцией промышленности на это может и должно, думается, стать создание сбытовых и снабженческих объединений производителей типа синдикатов с целью установления контроля над рынком российского товаропроизводителя. Видимо, в наших условиях необходимо создание синдикатов, объединяющих предприятия в разрезе подотраслей и регионов ради организации рынка отечественной продукции и, в частности, для вытеснения с внутреннего рынка тех иностранных товаров, которые вполне могут быть заменены отечественными. Синдикаты в состоянии образовывать крупнооптовые фирмы либо привлекать в качестве своих лидеров уже существующих крупных оптовиков.

Действия товаропроизводителей по отвоевыванию внутреннего рынка требуют всемерной поддержки государственной политики. В этом отношении рекомендуются следующие меры: а) распространение контроля над экспортом на важнейшие виды сырья, потребляемые в отечественной промышленности, в том числе в легкой и пищевой; б) освобождение от таможенных сборов сырья, комплектующих изделий, красителей и т.п., ввозимых для переработки на отечественных предприятиях; в) создание системы кредитования покупателей товаров длительного пользования отечественного производства и запрещение продажи в кредит товаров иностранного производства; г) государственное регулирование функционирования инфраструктуры рынка, в том числе приватизированных ее элементов (складской системы, товарных бирж и т.д.), включая регламентацию правил хранения товаров и установление предельной платы за это хранение, гарантирование общедоступности складской системы при наличии свободных емкостей, запрещение фирмам, специализирующимся на складировании, осуществлять самостоятельные торговые сделки за свой счет (за исключением случаев порчи хранящихся товаров).

Предстоит восстановить государственный контроль за экспортом и импортом. Вывоз важнейших видов сырья, включая энергоносители, металлы, химикаты, сырье для легкой промышленности, лес, должен стать государственной монополией; размеры экспорта нужно лимитировать потребностями внутреннего потребления, экспортные доходы призваны пополнять государственный бюджет.

Импорт товаров подлежит лицензированию. Контрабандный импорт, уходящий от таможенного обложения, пора пресечь с применением всех силовых возможностей государства. Торговля алкогольными и табачными изделиями, на наш взгляд, — объект обязательной монополизации государством. Предоплату при импорте следует запретить и заменить гарантиями Внешторгбанка.

В сферу внешнеэкономических отношений надо, наконец, активно внедрить отечественную валюту, что существенно облегчило бы валютный контроль. Иностранным покупателям, приобретающим товар у российских экспортеров (в том числе продукцию, экспорт которой предлагается сделать государственной монополией), необходимо предложить осуществлять платежи в российской валюте, предварительно закупив ее по текущему курсу у уполномоченных банков.

Центробанку должно быть предоставлено право (но не вменено в обязанности) на покупку 100 % валюты экспортеров, которой он может пользоваться в пределах, диктуемых задачами поддержания устойчивости рубля.

2. Общая нехватка платежных средств в народном хозяйстве

Факт состоит в том, что денежная масса в хозяйственном обороте M_2 по отношению к ВВП за годы реформ сократилась более чем в 6 раз. Это выражает утрату механизма, обеспечивающего органическую связь между потребностями хозяйства в средствах платежа и эмиссией денег (подобного рода механизмом в 30—40-х гг. служили платежно-расчетные кредиты, а до того — вексельное обращение, учет и переучет векселей). Отсутствует также система канализации денежной эмиссии на обслуживание текущего хозяйственного оборота (в этом, собственно, и заключается основная задача эмиссии).

Денежная эмиссия, по самой природе своей призванная обслуживать текущий хозяйственный оборот, сегодня направляется либо на целевые кредиты, формируя оборотные средства тех или иных отраслей (причем, как правило, такие кредиты не достигают цели и расходуются не по назначению), либо питает финансовый рынок, напрочь оторвавшийся от реального сектора экономики. К каким тяжелым последствиям приводит отвлечение массы эмитируемых денег в сферу финансовой, в частности валютной, спекуляции, что показало обвальное падение курса рубля 11 октября 1994 г.

Широкое внедрение коммерческого кредита, векселей, вексельного обращения, учета и переучета векселей (необходимость всего этого теоретически сомнений уже не вызывает) способно послужить инструментом решения триединой задачи: а) насыщение оборота необходимой массой платежных средств; б) создание органической связи между объемом денег в обращении и потребностями платежного оборота; в) налаживание достаточно жесткой системы канализации денежной эмиссии на обслуживание текущего хозяйственного оборота (особенно когда речь идет о депозитных сертификатах, выступающих в роли векселей).

Внедрение вексельного обращения тормозится рядом обстоятельств. Во-первых, налогообложение за отгруженный товар требует от участников вексельного оборота отвлечения денежных средств до получения денежной прибыли. А значит, операции с векселями следует приравнять к операциям внутрихозяйственным и не облагать налогами (если операции эти не связаны с непосредственными денежными получениями), что существенно расширило бы возможность их применения. На сей счет нужны предельно четкие разъяснения участникам вексельного оборота со стороны Минфина. В то же время уплату налогов (после получения денежной выручки за проданный товар), а также покрытие потребностей предприятий в

деньгах (прежде всего для выплаты заработной платы) следует обеспечить широким развитием учета и переучета векселей, а также активизацией использования для проплаты депозитных счетов предприятий (включая валютные).

Во-вторых, в результате постоянного роста цен номинал векселя обесценивается, и у потенциального векселедержателя создается впечатление, что, приняв вексель в уплату за свой товар, он через некоторое время сможет в обмен на этот вексель получить лишь товар значительно меньшей реальной стоимости.

В действительности же вексель представляет собой долговое обязательство и в своей номинальной сумме должен нерасчлененно содержать как цену покупаемого в обмен на него товара, так и процент за предоставляемый в товарной форме кредит, зависящий от срока, на который вексель выписан. По мере приближения срока погашения векселя процент за кредит (абсолютная величина его при неизменной годовой ставке), предоставляемый каждым последующим векселедержателем, уменьшается, а номинальная покупательная способность векселя растет (ибо общая номинальная сумма векселя остается неизменной). Это и обеспечивает векселедержателю возмещение потерь от инфляции, а возможно, приносит и некоторый процент за предоставленный ранее кредит.

Подобный механизм повышения номинальной и сохранения реальной покупательной силы векселя в условиях инфляции может быть задействован при налаженном авалировании и учете векселей коммерческими банками. В случае гарантированного учета банком векселя покупательная сила последнего равна сумме, выплачиваемой банком при учете, причем таковая по своему номиналу возрастает по мере приближения срока погашения векселя (поскольку дисконт, удерживаемый банком при учете, непосредственно зависит от срока погашения векселя и по мере этого срока уменьшается). Широкое внедрение в практику коммерческих банков учетной операции и разъяснение потенциальным участникам вексельного обращения закономерности реальной динамики покупательной способности векселя будет способствовать превращению вексельных расчетов в одну из основных форм платежей.

Далее, налаживание надежного вексельного обращения неразрывно связано со структурированием рынка отечественных товаропроизводителей. Надежный вексель, отражающий товарную сделку, может эмитироваться предприятием, располагающим запасом ходового товара. Поэтому крайне желательно, чтобы в качестве эмитентов коммерческих векселей выступали крупные предприятия или синдикаты, а налаженные внутрисиндикатские связи обеспечивали доверие к вексе-

лям. Выделение крупных торговых фирм, появление синдикатов, возглавляющих промышленные группы, позволит эмитировать надежные векселя, сделав их опротестование достаточно редким явлением (как это было в 20-х гг.).

Торгово-промышленные группы призваны возглавляться не только крупными торговыми предприятиями или синдикатами, но и коммерческими банками. Последние должны быть тесно связанными с данной или несколькими торгово-промышленными группами, хорошо знать положение входящих в эти группы предприятий, обслуживать расчеты и осуществлять учет соответствующих векселей, отслеживая их реальное движение по каналам товарооборота. Для определенной группы коммерческих банков учет векселей может стать важнейшей кредитной операцией.

Если бы та эмиссия Центробанка, которая направляется сегодня на поддержку коммерческих банков (и в значительной мере втягивается в операции на финансовом рынке, оторванные от нужд реального сектора и обслуживания текущего товарооборота), была целиком использована для переучета векселей, то для преодоления кризиса платежей, по-видимому, не потребовалось бы дополнительной денежной эмиссии. Необходимые платежные средства оказались бы генерированными самим платежным оборотом в виде векселей, а замещение их деньгами в требующихся размерах было бы достигнуто без дополнительной нагрузки на эмиссионный аппарат.

Вексельное обращение минимизирует потребность в деньгах (наличных и безналичных), взаимный зачет задолженности минимизирует потребность в коммерческом кредите и вексельном обращении. Поэтому целесообразно подготовить и осуществить межотраслевой зачет взаимной задолженности предприятий всех типов, но без предоставления хозорганам кредитов на погашение дебетового сальдо (которое может возникнуть по итогам зачета) за счет централизованных кредитных ресурсов государства, как это было в 1992 г. Оставшаяся после проведения межотраслевого зачета срочная дебиторско-кредиторская задолженность предприятий всех типов подлежит переоформлению в коммерческий кредит.

При этом важно иметь в виду, что взаимный зачет задолженности не устраняет причин возникновения неплатежей и является мерой, лишь временно смягчающей платежный кризис. Вместе с тем и после преодоления последнего зачеты взаимных требований предприятий, банков и других хозорганов должны остаться нормальной формой погашения задолженности и широко практиковаться, не требуя специального правительственного разрешения.

В случаях же, когда зачет взаимной задолженности влечет за собой потери для бюджета в виде сокращения объема собираемых налогов, порок надлежит искать в построении налоговой системы, а не в самом принципе взаимозачета обязательств.

3. Отрыв финансового рынка от реального сектора экономики

В настоящее время валютные операции и операции с ГКО отвлекают массу платежных средств и кредитных ресурсов от обслуживания текущего хозяйственного оборота и инвестиций. Валютные резервы коммерческих банков вполне соизмеримы с их кредитными операциями, а в ряде случаев (особенно после "черного вторника"), по-видимому, даже превосходят их.

Вторичный рынок ГКО привлекает средств на порядок больше, чем бюджет получает от первичного размещения этих ценных бумаг. Уровень ссудного процента оказался в зависимости не от спроса и предложения накопленного ссудного капитала в реальном секторе, а от динамики доходности операций с валютой, ГКО и другими финансовыми инструментами. Для восстановления связи финансового рынка с реальным сектором экономики необходимы серьезные институциональные изменения, идущие по следующим направлениям.

1. Ограничение валютной спекуляции путем разрешения доступа на валютный рынок лишь юридическим лицам, имеющим импортную лицензию или лицензию на вывоз капитала. Только по отношению к таким клиентам (по их поручениям) коммерческие банки целесообразно наделить правом приобретать твердую валюту. Таким образом, к контрактам на импорт, служащим основанием для покупки валюты соответствующим банком, должны быть приложены импортные лицензии, которые следует ввести наряду с лицензиями экспортными.

2. Обязательная продажа валюты экспортерами Центробанку в пределах его потребности обеспечения эмиссии (как уже отмечалось, доля эмиссии, обеспечиваемая векселями, и ее доля, обеспечиваемая твердой валютой, подлежат законодательному регулированию).

3. Постепенное ограничение и свертывание (на период до подъема экономики и появления развитого финансового рынка) операций с ГКО. Нужно иметь в виду, что выпуск ГКО покрывает лишь небольшую часть бюджетного дефицита (в среднем 5 %, в наиболее благоприятные месяцы — до 8 %), но оказывает огромное влияние, причем главным образом негативное, на финансовый рынок.

4. Переориентация кредитных ресурсов на обслуживание текущего хозяйственного оборота через учет и переучет векселей и выдачу краткосрочных ссуд предприятиям реального сектора.

5. Запрещение кредитования валютных и иных спекулятивных сделок за счет средств, привлекаемых в порядке рефинансирования Центробанком коммерческих банков.

6. Мобилизация части ресурсов коммерческих банков (особенно Сбербанка) путем принудительного размещения в них облигаций инвестиционных банков. Должна быть расширена сеть инвестиционных банков, находящихся под контролем государства и размещающих свои ресурсы согласованно с Комитетом по кредитной политике и Минэкономике. Инвестиционные банки призваны выступать в роли главных посредников при эмиссии и размещении ценных бумаг (акций и облигаций) предприятий промышленности, строительства и транспорта, а также предоставлять долгосрочные кредиты. Инвестиционные банки, осуществляя финансирование, могли бы открывать кредитные линии и, таким образом, непосредственно осуществлять затраты в соответствии с выделенными кредитами, что исключает их нецелевое использование. Ставка же на открытый рынок ценных бумаг как основной механизм привлечения долгосрочных вложений представляется преждевременной. Становление открытого рынка ценных бумаг, включая рынок государственных обязательств, должно занять несколько десятилетий и разворачиваться на фоне процветающей, а не деградирующей экономики.

7. Процентную политику Центробанка предстоит привязать к темпам инфляции и спросу на кредит реального сектора, а не к уровню доходности валютных и иных финансовых операций спекулятивного характера. Сфера валютно-финансовой спекуляции должна быть блокирована, а учетно-ссудный процент коммерческих банков — ограничен маржей сверх процента по ссудам Центробанка.

8. Валютные спекулятивные операции ныне разворачиваются на фоне превращения доллара в параллельную валюту. За долларом закрепляются функции средства сбережения и меры стоимости, а также средства платежа при торговле недвижимостью и товарами длительного пользования. Так что фактически вопрос о допустимости или недопустимости параллельной валюты уже решен: таковая существует, и за ее приобретение народному хозяйству приходится дорого платить, ибо эмиссия ее осуществляется иностранным государством.

Будет куда рациональнее, если параллельная устойчивая валюта станет эмитироваться Центральным банком России и к этой отечест-

венной устойчивой валюте от доллара перейдут функции средства сбережения, меры стоимости и частично (наряду со старым рублем) — средства платежа.

Нормализация финансового рынка, в том числе свертывание его спекулятивных секторов; достаточно жесткая канализация основной массы эмиссии Центробанка на обслуживание текущего оборота, а устойчивых сбережений и накоплений — на инвестиции; гибкое государственное регулирование цен (о чем речь пойдет ниже) — все это в совокупности создаст условия для перехода в перспективе от политики жесткого сдерживания денежной массы и кредита к политике кредитной экспансии, или, применяя японскую формулу, — "создания денег для роста". Кредитная экспансия в соответствии с незанятыми трудовыми и материальными ресурсами, жестко направляемая через систему специальных инвестиционных банков на расширение и реконструкцию ключевых отраслей экономики, станет мощным импульсом экономического подъема российского народного хозяйства.

4. Межотраслевое и внутриотраслевое рассогласование цен

В условиях массовых неплатежей предприятия не в состоянии ни определить реальный платежеспособный спрос на свою продукцию, ни нащупать адекватные рыночному равновесию цены, ни выявить собственные финансовые и, следовательно, ресурсные производственные возможности. Ценообразование в нынешнем его состоянии никак нельзя назвать действительно рыночным: оно во многом носит произвольный характер, отражает не равновесие спроса и предложения, а инфляционные ожидания производителей и их безразличие к цене потребителей (ибо неплатежи с последующим их зачетом покроют любую цену). В этих условиях гибкое государственное регулирование цен, опирающееся на проработку межотраслевых связей, отнюдь не явилось бы шагом назад от рыночных отношений, а, напротив, приблизило бы экономику к цивилизованному рынку. Картельные соглашения о пересмотре цен в ряде отраслей тяжелой промышленности и транспорта являются, безусловно, позитивным фактором. Однако полностью проблема неплатежей и цен этим решена быть не может, ибо не охватывает процесс ценообразования в отраслях, производящих конечную продукцию; цены и тарифы согласованно устанавливаются и пересматриваются лишь для взаимных поставок и перевозок. Учитывая, что эти картельные соглашения предусматривают также взаим-

ный зачет задолженности между участниками, целесообразно такой опыт расширить, периодически производя взаимные зачеты задолженности на межотраслевом и региональном уровнях.

Вместе с тем нужно иметь в виду, что взаимные неплатежи с последующими зачетами являются формой амнистии взаимного завышения цен. Чем больше масштаб взаимных кредитов предприятий в форме неплатежей, тем выше инфляция цен производителей. Чем шире размах взаимных долгов, тем острее нехватка оборотных средств при поднявшихся ценах, а значит, тем больше спад производства. Поэтому взаимные зачеты задолженности, пусть необходимые в настоящее время, не способны послужить кардинальным путем решения проблемы неплатежей.

Для радикального решения проблемы согласования цен в нынешних условиях необходимо индикативное (рекомендательное) регулирование цен в масштабах народного хозяйства. Предприятия остро нуждаются в ясных ориентирах ценообразования, выводящих народное хозяйство на уровень относительного равновесия. Исходя из четко сформулированных целей развития и из современной технологической структуры есть возможность с помощью экономико-математического инструментария определить целесообразную структуру ценовых пропорций и варианты траектории приближения к ней. В качестве критерия отбора вариантов может быть принято и последовательное сокращение неплатежей.

Государственное регулирование в целях достижения паритетности цен предпочтительнее кредитного механизма поддержки, ибо оставляет меньше места для произвола и лоббирования.

Учитывая качественный разрыв в наших и западных технологиях (в частности, в ресурсоемкости), соотношения внутренних цен нельзя сегодня ориентировать на соотношения цен мировых. Эта ориентация тем более проблематична в условиях неустойчивости курса рубля. Невозможность ориентации на мировые цены делает особенно актуальной защиту отечественного производителя как от непосильной конкуренции импортеров, так и от вывоза сырьевых товаров за рубеж. Необходимо иметь в виду, что свертывание производства ведет к росту его издержек, а это еще более ослабляет конкурентоспособность отечественных товаров, и, следовательно, не облегчает, а затрудняет их сбыт. Отказ от преждевременной ориентации на мировые цены, дешевое (относительно мирового рынка) сырье и топливо на внутреннем рынке, во-первых, поддержат конкурентоспособность отечественных товаропроизводителей, во-вторых, станут (наряду с относительно дешевой рабочей силой) главным фактором стимулирования импорта капитала и его инвестирования в отечественную перерабатывающую

промышленность. Данные же процессы позволят не стимулировать привлечение иностранного капитала специальными льготами, а селективно отбирать и направлять его вложения в те отрасли и предприятия, создание, расширение или реконструкция которых в наибольшей степени соответствуют интересам страны.

5. Утрата предприятиями оборотных средств

Резкий рост цен за годы реформ привел к обесценению денежных оборотных средств предприятий, а также их амортизационных фондов. Предприятия могли бы восстановить свои оборотные средства и амортизационные фонды без дополнительных вливаний денег в экономику, если бы оборотные средства и амортизация не изымались систематически через механизм налогообложения. Сегодня не снимается проблема инфляционной составляющей прибыли, которая наравне с прибылью реальной служит базой налогообложения. В результате налоговые изъятия распространяются не только на часть прибыли, но и на оборотные средства и амортизационные фонды, что, понятно, затрудняет процесс дальнейшего их воспроизводства. Для предотвращения такой ситуации требуется периодически производить переоценку основных фондов предприятий, регулярно индексировать все ограничители доходов предприятий (такие, как минимум зарплаты, относимой на издержки производства, и реализации продукции, не облагаемой налогом на прибыль). В соответствии с требованиями Международного бухгалтерского стандарта следует корректировать финансовые отчеты о прибыли и убытках в зависимости от индекса цен.

Пополнение оборотных средств предприятий должно осуществляться также за счет кратко- и среднесрочных кредитов банков. Это возможно в случае общего оздоровления финансовой сферы, ее переориентации на обслуживание реального сектора экономики. Частично расширение оборотных средств может быть достигнуто также путем вексельного обращения.

Нужно иметь в виду, что кризис платежей и нехватка оборотных средств — факторы взаимовлияющие. Кризис платежей привел к резкому замедлению оборота средств в народном хозяйстве, к замораживанию активов в форме просроченной задолженности. Произошло и продолжает происходить безвозмездное перераспределение ресурсов, их движение от добывающих отраслей к перерабатывающим, где в силу трудностей сбыта они в значительной мере замораживаются. Преодоление спада и кризиса (соответственно кризиса платежей) в обрабатывающих отраслях придаст импульс ускорению

оборачиваемости оборотных средств в народном хозяйстве, их равномерному и экономически обоснованному распределению между сферами экономики.

Сокращение налогооблагаемой массы прибыли в условиях бюджетного дефицита представляется проблематичным. При уменьшении налогооблагаемой части прибыли (за счет ее инфляционной составляющей, которую следует направлять на пополнение оборотных средств и амортизационных отчислений) и при недопущении быстрого роста внутреннего и внешнего государственного долга проблема бюджетного дефицита должна, на наш взгляд, решаться по следующим направлениям: а) расширение производства и сбыта продукции отечественной промышленности и сельского хозяйства; б) снижение издержек производства в результате роста его объемов и увеличение общей массы прибыли как базы налогообложения; в) мобилизация средств финансового рынка на инвестиции в народном хозяйстве и соответствующее высвобождение средств бюджета; г) жесткий контроль над экспортом сырьевых ресурсов, пресечение утечки капиталов и возрастание доходов государства от экспорта; д) введение государственной монополии на экспорт стратегических ресурсов; е) приватизация на условиях, существенно пополняющих государственный бюджет; ж) пресечение контрабандного импорта, уходящего от таможенных сборов; з) восстановление на деле государственной монополии на торговлю спиртными напитками.

6. Неплатежи государства предприятиям и стран СНГ — России

Задолженность государства пока целесообразно консолидировать в виде краткосрочных долговых обязательств (казначейских векселей). В дальнейшем же такого рода задолженности допускать нельзя.

Казначейские векселя, отражающие задолженность бюджета отраслям и предприятиям, надлежит использовать в качестве средства погашения задолженности между предприятиями и принимать в погашение их задолженности бюджету. Перепродажу этих ценных бумаг на вторичном рынке следует запретить.

Номинал казначейских векселей призван включать в себя индексацию, отражающую инфляцию за время просрочивания платежей, но никаких процентов сверх этой индексации векселя приносить не должны. Казначейские векселя целесообразно также использовать при погашении задолженности предприятий банкам. Банки, приняв казначейские векселя в ее погашение, могут использовать их для уплаты налогов и для формирования обязательных резервов в Центробанке.

Казначейские векселя желательно также принимать в погашение задолженности местным бюджетам, которые с помощью этих инструментов, в свою очередь, могли бы погашать задолженность поставщикам или получать под залог кредит в банке (либо в соответствии со сроком погашения предъявлять их казначейству для оплаты).

Эмиссия казначейских векселей на сумму приблизительно в 8 трлн. руб., обеспеченных уже тем, что они принимаются в уплату задолженности бюджету, гарантирует их обращаемость и погашение значительной части неплатежей. Большая часть казначейских векселей, совершив ряд оборотов, поступит в виде платежей в бюджет, ту же часть, которая останется в обороте до истечения срока их погашения (а срок этот не должен быть продолжительным, оптимально — не более 6 месяцев), стоит приравнять к государственному долгу по ГКО и погашать с такой же надежностью. Задолженность стран СНГ должна конвертироваться в ликвидные ценности, с тем чтобы не происходило инвестирования российских краткосрочных активов в долгосрочные вложения за рубежом.

7. Нарушения платежной дисциплины и институциональное несовершенство организации приватизированных и государственных предприятий

Как известно, часть предприятий, располагая ликвидными активами, предпочитает держать их на рублевых и валютных депозитных счетах, вкладывать в фонды коммерческих организаций и выплачивать дивиденды акционерам и высокие оклады руководящему персоналу, накапливая в то же время кредиторскую задолженность. Депозитные и валютные счета предприятий в коммерческих банках привлекаются для финансирования посреднического оборота, операций на фондовом и валютном рынке. Согласно данным ЦБР, только на валютных счетах предприятий числилось на 2 июня 1994 г. 18 трлн. руб. Их вовлечение во внутривладельческий оборот способно существенно оздоровить ситуацию с платежами, во многом способствовать развязыванию платежного кризиса. Видимо, следует согласиться с предложением ЦБР о проведении сплошной проверки предприятий и принудительном взыскании ликвидных активов на погашение задолженности. Важно определить, какой конкретный орган должен осуществить эту проверку и взыскание. Очевидно, в этом органе целесообразно представительство Минфина, Банка России, Налоговой инспекции, Госарбитража, Минэкономики, Оперативной комиссии Правительства РФ по платежам и расчетам. Коммерческие банки обязаны предоставить инфор-

мацию о наличии ликвидных активов у предприятий-должников. Фиктивные коммерческие структуры следует ликвидировать.

Помимо административного и судебного воздействия необходимо добиться того, чтобы отвлечение средств в коммерческие банки и другие коммерческие структуры было бы для предприятий менее выгодным, нежели использование их для выплаты задолженности. Для этого нужно ввести повышенное налогообложение доходов предприятий от финансовых операций. Вновь возникающие с определенной даты долги поставщикам надо взыскивать с учетом инфляции и с начислением процента за предоставленный кредит в товарной форме. В дальнейшем имеющиеся у предприятий депозитные счета (включая валютные) и ликвидные ценные бумаги должны использоваться как гарантийные для обеспечения при получении предприятиями краткосрочных кредитов в банках или при получении банковских гарантий погашения векселей (авалей).

Весь обосновывавшийся выше комплекс мероприятий, направленный на преодоление и недопущение в дальнейшем кризиса платежей, должен предотвратить всеобщее банкротство предприятий, рост безработицы и социальной напряженности, опасной для общества. Массовые банкротства, принятые как средство борьбы с неплатежами, приведут, думается, к безвозвратной потере значительной части промышленного потенциала страны, усугублению спада производства, сокращению внутреннего национального продукта и доходов бюджета, дальнейшей дезиндустриализации страны. Обстановка экономического и финансового кризиса, связанного с тотальным банкротством хозяйствующих субъектов, не разрешит, а, несомненно, усугубит проблему неплатежей и задолженностей. Напротив, нормализация ситуации с платежами и активизация инвестиций даст возможность осуществить санацию предприятий, находящихся в настоящее время в состоянии банкротства.

8. Резюме

Предлагаемые меры по преодолению платежного кризиса можно разделить на: 1) неотложные, которые могут быть реализованы сравнительно быстро и смягчить нынешнюю ситуацию с неплатежами, но не дадут радикального решения; 2) стратегические, способные его дать, а также оздоровить положение российской экономики в целом.

К первой группе мер относятся следующие:

1. Введение вексельного обращения (включая учет и переучет векселей предприятий банками), которое в состоянии смягчить дефицит

платежных средств и частично заместить деньги средствами ограниченной ликвидности.

2. Поддержка картельных соглашений и деятельности факторинговых фирм, принимающих на себя функции гаранта платежей, и создание синдикатов (и других крупных торговых фирм) с государственным участием, устанавливающих цены реализации своей продукции.

3. Реализация предложения ЦБР о проведении сплошной проверки деятельности предприятий-должников и принудительном взыскании ликвидных активов на погашение задолженности.

4. Использование процедур клирингового зачета на региональном и межрегиональном уровнях (опыт Челябинска, Тулы).

5. Ликвидация неплатежей государства реальному сектору хозяйств.

Стратегические же направления оздоровления денежно-финансовой ситуации в российской экономике видятся таким образом.

1. Меры по исправлению диспаритетов цен и стабилизации ценовых пропорций, которые сделают финансирование реального сектора экономики не более рискованным и не менее выгодным, чем краткосрочное кредитование посреднических операций и игра на валютно-финансовых рынках. Использование для этого налогово-дотационного и таможенного механизмов с учетом опыта индустриально развитых стран.

2. Введение устойчивой параллельной валюты (червонца), могущей заменить доллар как средство сбережения для банков, предприятий, населения. Ограничение валютной спекуляции, допуск на валютный рынок только тех юридических лиц, которые имеют лицензии на импорт или вывоз капитала. Вменение экспортерам в обязанность продавать установленную Центробанком долю валютной выручки (до 100 %). Сокращение числа коммерческих и государственных посреднических структур, имеющих лицензии на внешнеторговые операции.

3. Жестко контролируемая канализация основной массы эмиссии Центробанка на обслуживание текущего оборота в реальном секторе экономики, а сбережений и накоплений — на инвестиции и государственную поддержку ценовых паритетов.

Стабилизация национальной валюты по-русски

В России средством обмена служат, с одной стороны, бумажные деньги и, с другой, серебряная монета. Но вы, быть может, не знаете, что ценность последней непрерывно изменяется, тогда как ассигнация сохраняет постоянно одну и ту же стоимость, — странность, не имеющая аналогов в финансовой истории. Отсюда вытекает, что в России деньгами являются ассигнации, тогда как они были введены в качестве суррогата серебра.

Маркиз де Кюстин

Стабилизация обменного курса национальной валюты — мечта любой страны. Так уж получилось, что признание валюты той или иной страны на мировом валютном рынке, ее свободная котировка и беспрепятственный обмен на другие валюты юридическими и физическими лицами сами по себе стали индикатором вхождения страны в мировое экономическое сообщество. А если котировка национальной валюты характеризуется достаточной устойчивостью, то это уже воспринимается как один из важнейших показателей сбалансированности экономической ситуации внутри страны. Поэтому международная финансовая элита традиционно обращает пристальное внимание на динамику курса национальных валют относительно грандов мировой денежной системы и прежде всего доллара.

Этим обстоятельством во многом объясняется то болезненное внимание, которое уделялось и уделяется российскими реформаторами вопросу о курсе доллара на валютном рынке России. Здесь, безусловно, присутствует психологический аспект. Возможно, на первом этапе реформ он был доминирующим.

Реформаторы с первых шагов очень высоко подняли планку требований к стабилизации валютного курса рубля. Так, К. Кагаловский еще в мае 1992 г. писал: "Одна из главных задач реформ — открытие экономики, а необходимым условием ее открытия является единый курс. С 1 июля вводится единый курс рубля по текущим операциям.

Никакого инвестиционного курса не будет. Экономически приемлемым я считал бы курс 60—80 рублей за доллар"¹. Было принято решение отказаться от фиксированного курса рубля или его двойной котировки (по текущим операциям и по инвестиционным проектам). В основу всех расчетов был положен рыночный курс. Причем реформаторы очень оптимистично оценивали возможности воздействия на динамику рыночного курса. Этот оптимизм с самого начала связывался не столько с контролем над эмиссией национальной валюты и паритетом ее покупательной способности (ППС), сколько с возможностями управления процессом купли-продажи валюты на соответствующих биржах. Таким образом, задача формирования валютного курса изначально рассматривалась как самостоятельная, несколько отстраненная от общей экономической ситуации в стране и от состояния денежного обращения на внутреннем рынке. И как мы увидим позже, реформаторы доказали практическую реализуемость в условиях России такого взгляда на проблему. Другое дело — вопрос об экономической целесообразности столь экстравагантной денежной политики.

Существенным достижением правительства Гайдара в области монетарной политики явилось официальное объявление рыночного курса рубля по отношению к СКВ, свободный обмен рублей на СКВ практически для всех юридических и физических лиц и превращение рыночного (аукционного) курса рубля в официальный курс в расчетах по всем видам сделок.

В то же время своеобразие ситуации состояло в том, что признание Центральным банком России рыночного курса рубля в качестве официального происходило в условиях отсутствия развитого валютного рынка. Это породило целый ряд парадоксов, негативно сказавшихся на экономике страны и позволивших проводить различного рода манипуляции с валютой.

В условиях неразвитости валютного рынка фундаментальные курсообразующие факторы, такие, как динамика цен на внутреннем рынке и изменение паритета покупательной способности национальной валюты, денежная эмиссия, сальдо платежного и торгового баланса, отступили в тень. А на первый план вышли относительно поверхностные факторы: объем выставленной на торги валюты; количество участников, допущенных к торгам; мнение руководства Центрального банка о целесообразности валютной интервенции на торгах; текущие инфляционные ожидания и т.п. В результате этого в отличие от мировой практики рыночный курс рубля в российской экономике с первых шагов реформы не является сколько-нибудь надежным индикатором

¹ Известия. 1992. № 106. 6 мая. С. 2.

состояния денежной системы. Правительство стало манипулировать курсом рубля в зависимости от пристрастия к тем или иным фетишам провозглашенного экономического курса.

Так, например, уже в 1993 г. в правительстве России сложилось своеобразное понимание устойчивости национальной валюты. Она трактовалась как стабилизация обменного курса рубля, а не как стабилизация покупательной способности рубля на внутреннем рынке. Исходя из этой концепции, Центральный банк под давлением Министерства финансов в течение нескольких месяцев 1993 г. осуществлял крупные валютные инъекции на валютных торгах, искусственно завышал предложение доллара и сбивал его курс. Так, начиная с апреля 1993 г., доля интервенций Центрального банка в общем объеме продаж иностранной валюты достигла 46 %. В результате индекс инфляции в июле—декабре 1993 г. резко разошелся с индексом валютных котировок, и Россия в считанные месяцы превратилась из одной из самых дешевых стран цивилизованного мира в самую дорогую. По международным сопоставлениям по дороговизне Москва вышла на третье место в мире (после Токио и Осаки).

Вышесказанное иллюстрируют данные табл. 1.

Таблица 1

Индекс инфляции и изменение курса доллара в 1993 г.

Месяц	Динамика средних показателей торгов на Московской межбанковской валютной бирже		Индекс инфляции	
	В % к январю 1993 г.	В % к предыдущему месяцу	В % к январю 1993 г.	В % к предыдущему месяцу
Февраль	116,5	116,5	129,0	129,0
Март	135,7	116,5	151,0	117,0
Апрель	156,6	115,4	176,0	116,5
Май	186,5	119,0	210,0	119,3
Июнь	220,4	118,2	247,0	117,6
Июль	208,5	94,6	294,0	119,0
Август	201,6	96,7	380,0	129,2
Сентябрь	220,2	109,2	459,0	120,8
Октябрь	242,9	110,3	547,0	119,2
Ноябрь	244,5	100,8	640,0	117,0
Декабрь	253,5	103,7	713,0	111,4

Данные табл. 1 показывают практически неограниченные возможности государства в регулировании валютного курса. Особенно показательны в этом отношении летние месяцы — июль и август. В этот период курс доллара вообще стал падать в абсолютном выражении (94,6 % в июле по отношению к июню и 96,7 % в августе по отношению к июлю). А инфляция в это время составляла около 20—30 % ежемесячно. И этот период не исключение, а просто яркая иллюстрация того, насколько успешно боролись с долларом в России. Результатом этой борьбы по итогам 1993 г. стали следующие показатели: цены подскочили в семь с лишним раз (к январю 1993 г.), а за соответствующий период показатель курса доллара вырос лишь в два с половиной раза.

В начале 1994 г. доллару была дана "передышка". Весь первый квартал курс доллара изменялся примерно тем же темпом, каким росла инфляция. В марте индекс инфляции составлял 146 % по отношению к декабрю 1993 г., а курс доллара за тот же отрезок времени вырос на 41 %. Но дальше началась вторая атака на доллар. С каждым торгом увеличивался разрыв между темпом инфляции и приростом курсовой котировки доллара по отношению к рублю. В результате такой политики Центрального банка уже к началу августа 1994 г. доллар опять существенно подешевел. Рост инфляции составил, по официальной статистике, 191 % по отношению к декабрю 1993 г., а доллар "подрос" только на 65 %. Потом случился печально известный "черный вторник", когда в течение часа доллар вырос более чем на 30 %, а затем через двое суток распоряжением Президента страны вернулся к старой котировке ("красный четверг"). Возможность возникновения такой ситуации я предсказал двумя годами раньше. В июле 1992 г. в одной из своих статей я написал: "Может ли существовать рыночный курс любой валюты без валютного рынка? Нет. Если ли у нас валютный рынок? Нет. Есть валютный аукцион, который представляет собой разновидность циркового аттракциона. На манеже выступают несколько продавцов и покупателей валюты и Центральный банк России. На продажу выставляется микроскопическая с точки зрения валютного оборота страны сумма. Если бы на этот аукцион был допущен западный банкир или промышленник средней руки, но с чувством юмора, он смеха ради мог бы скупить весь этот аттракцион-аукцион или установить путем небольшой валютной интервенции любой на спор задуманный курс рубля. Но то же самое, между прочим, при желании могут сделать и г-н Матюхин и кое-кто из новых коммерческих структур. Главное, что каким бы ни устанавливался валютный курс

рубля на этих игрушечных торгах, он никак не будет связан с реальной экономической ситуацией в стране, и поэтому не играет роли одного из барометров, как это имеет место во всем мире"¹.

Моей "подсказкой" воспользовался не Матюхин (его довольно быстро убрали с поста председателя Центробанка), а его преемник Геращенко вместе с тогдашним министром финансов Дубининым. Оба были шумно сняты с занимаемых должностей за "угрозу национальной безопасности", а затем без шума заняли весьма высокие посты в банковской сфере. Я, вспоминая этот эпизод, отнюдь не выступаю как моралист. Наоборот, только ленивый не воспользовался бы конструкцией, специально созданной для банковской аферы.

И дело здесь не в "черном вторник". Он лишь яркий эпизод, демонстрирующий широкие возможности российского валютного псевдорынка. Более серьезная афера стратегического характера заключалась, как мы видели, в последовательном, целенаправленном и многократном унижении доллара на российском экономическом пространстве. Об атаках на доллар в 1993 и 1994 гг. мы уже рассказали. Третье и наиболее сокрушительное наступление на доллар было совершено в 1995 г. Сценарий тот же самый: первый квартал — индекс инфляции и котировка доллара на Московской валютной бирже идут на параллельных курсах; начиная с апреля их пути кардинально расходятся. В результате усилий Центрального банка итоги 1995 г. удручающе повторяют тенденции предыдущих двух лет (рис. 1). Цены в России выросли за год в 2,3 раза, а курс доллара поднялся менее чем на треть. Три года борьбы, но не с инфляцией, а с иностранной валютой, можно сказать, с мировым лидером на валютном рынке. Мировое сообщество не заметило этого поражения доллара на российских просторах. Да и было ли оно? Общеизвестны факты противостояния таких титанов мировой валютной системы, как доллар, иена, немецкая марка. За этой борьбой стояла экономическая мощь, конкуренция промышленных гигантов и новейших технологий.

Какой же "материальный наполнитель" составляет истинное содержание битвы "деревянного" с "зеленым"?

Чтобы получить достоверный ответ на этот вопрос, вспомним, что валютный рынок в России создавался только для "внутреннего потребления". Структура его всегда отличалась экзотичностью: один крупный монопольный продавец и покупатель (Центральный банк России) и тщательно подобранная (в основном тем же Центробанком) группа коммерческих банков и организаций.

¹ Московские новости. 12 июля. 1992. С. 16.

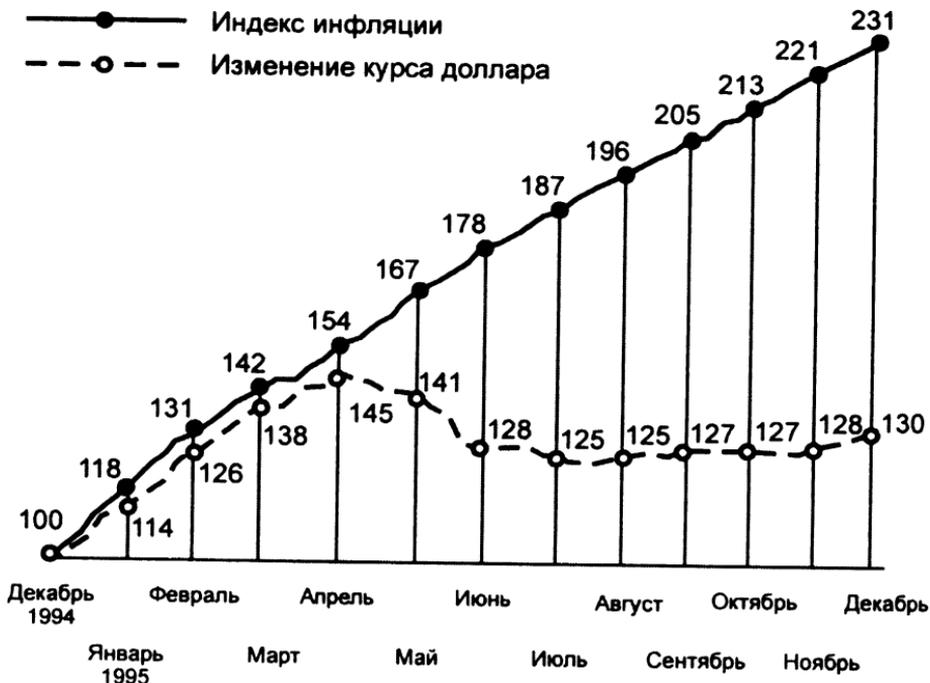

Рис. 1. Индекс инфляции и изменение курса доллара в 1995 г.
(на конец периода, в % к декабрю 1994 г.)

На таком "рынке" предложение товара (валюты) всегда контролируется, спрос легко прогнозируется, а после "черного вторника" — просто заранее еще до открытия торгов становится известен Центробанку. Заранее спланированные инъекции валюты позволяют установить цену доллара в рублях. Но почему именно такую, демонстративно оторванную от паритета покупательной способности? Здесь трудно поверить в случайность. Наоборот, действия Центробанка на каждом из трех этапов игры на понижение курса доллара носили целенаправленный характер. Всплески спроса на валюту мгновенно гасились соответствующим выбросом долларов из государственных валютных резервов. Казна раздавала валюту коммерческим банкам. Скупала дешевеющие инфляционные рубли за твердую мировую валюту. Происходила прямая перекачка валютного запаса страны в сейфы коммерческих банков. Последние делали деньги буквально из воздуха. Вдумайтесь, читатель, что стоит за двумя сухими цифрами, приведенными мною выше, — цены в 1995 г. выросли в 2,3 раза, а доллар подорожал на 30%. Это значит, что, продав сначала в январе, а потом в декабре одно и то же количество одного и того же товара, торговый посредник

станет богаче в 1,77 раза (2,3 : 1,3). Государство не просто меняло коммерсанту или банкиру слабый рубль на сильный доллар, оно еще приплачивало ему в 1995 г. 77 центов совершенно бескорыстно (а в 1993 г. — 1,8 долл., см. табл. 1). Где вы видели такое расточительство? Вот один из каналов оскудения государства. Оно не может платить пенсии, пособия, содержать армию и правоохранительные органы, т.е. выполнять функции, ради которых государство и создается. Казна пуста, а деньги — у коммерческих банков, отнюдь, как известно, не преуспевающих в подъеме российской экономики. На каком основании государство отказалось от эмиссионного дохода, который, естественно, принадлежит хозяину печатного станка? Борьба с инфляцией предполагает последовательное снижение эмиссионного дохода, но не перекачку его в частные коммерческие структуры. Эмиссия латает бюджетные дыры везде, но не в России. У нас государство выкупает им же напечатанные дензнаки у коммерческих структур за твердую валюту, да еще выплачивает предъявителям рублей крупные проценты все в той же валюте. Интересно, какие именно идеи монетаризма помогли появиться на свет этой российской диковинке?

Самоосвобождение государства от одного из немногих стабильно поступающих доходов в условиях инфляционной экономики (эмиссионного налога) — вещь достаточно странная, но с большой натяжкой все-таки объяснимая. Может быть, это результат доведенной до абсурда идеи самоустранения государства из экономической жизни? Правда, и в этом случае налицо элементарная логическая ошибка — подмена понятий. Налоги нужны государству (в том числе эмиссионный налог, акцизы, налог на прибыль и т.д.) в рыночной экономике прежде всего для выполнения своих **нерыночных** функций (например, оборона, экология, защита конституционных прав граждан, социальное обеспечение инвалидов от рождения — специально ограничиваю список, чтобы не вызвать гнев монетаристов). Повторяю, чтобы быть дееспособным именно в своей специфической внеэкономической сфере деятельности, государство обязано обладать финансовыми ресурсами. Но для этого надо устанавливать и собирать налоги. Российское государство невероятным образом само стало платить налоги избранным (кем?) юридическим лицам из своих доходов.

Но это лишь одна сторона государственной политики регулируемого валютного курса. И, может быть, по своим последствиям не самая главная. Другая сторона определяется тесной увязкой проблемы формирования валютного курса со всей системой внешнеэкономических связей в условиях отказа от доктрины государственной монополии на внешнюю торговлю.

Любое государство вправе объявить любой курс национальной валюты. Более того, если оно не видит иного применения своему золотовалютному запасу (а последний достаточно велик), государство относительно длительное время объявленный курс способно поддерживать. Весь вопрос — зачем? Если курс национальный валюты занижен, то, при прочих равных условиях, экспортный сектор получает экономические преференции, страна зарабатывает твердую валюту, расплачивается по долгам, инвестирует в национальную экономику. В противном случае — при завышенном курсе национальной валюты — импорт получает огромные преимущества, экспортеры несут убытки и становятся неконкурентоспособными не только на внешнем, но и на внутреннем рынке.

Для людей, далеких от экономики, поясню эту экономическую очевидность простым примером. Американское куриное мясо (в России — "ножки Буша") обходится с доставкой в Москву условно 2 долл. за килограмм. При курсе доллара, установленном Центробанком России, скажем, в 6 руб. за доллар килограмм американского куриного мяса на российском рынке окупится при цене чуть больше 12 руб. за килограмм (рубли после деноминации). При внутренних ценах на комбикорма, электроэнергию, транспорт и т.д. килограмм российской курятины еле-еле доходит до 15 руб. При таком соотношении — не издержек, а курса рубля к доллару — птицефабрики России обречены на разорение. Если бы курс доллара составлял в нашем примере не 6, а, скажем, 9 руб., то потребность российского рынка в мясе птицы вполне покрывалась бы мощностями российских производителей. Если так пойдет и дальше с курсом доллара, то скоро и российскую нефтяную трубу надо будет разворачивать в обратную сторону. И это не преувеличение. Финский бензин уже выгоден не только в Санкт-Петербурге, но и на берегах Волги. Валютная политика России в интервале 1992—1996 гг. была ориентирована на ликвидацию национальной промышленности и сельского хозяйства.

Чтобы читатель не заподозрил меня в экстремизме и излишнем алармизме, сошлюсь на мнение известного финского ученого, одного из крупнейших специалистов в области мирового рынка и особенно внешнеэкономических связей бывшего СССР господина У. Кивикари. Вот что он пишет: «В 1992—1994 гг. в России разрыв между реальным обменным курсом и курсом, рассчитанным на основе паритета покупательной способности, был наибольшим среди всех стран с переходной экономикой».

Современная политика обменного курса неблагоприятна для экспортоориентированных отраслей. Адекватность продолжения политики "сильного рубля" остается под вопросом, так как она порождает

давление на экспортный сектор и увеличивает внешнюю задолженность, заставляя в борьбе с "бегством капитала" поддерживать процентную ставку на более высоком уровне, в то время как необходимы диаметрально противоположные действия»¹.

Господина Кивикари трудно заподозрить в отсутствии пристрастия к ценностям рыночной системы хозяйствования. Этот западный аналитик, безусловно, объективен в своих оценках и естествен в выражении удивления принципами формирования политики обменного курса российской национальной валюты. Полностью разделяю это удивление. Как при такой политике валютного курса можно положительно влиять на создание экспортного сектора, на обеспечение хотя бы равных конкурентных условий для национальных производителей и импортеров на внутрисекторном рынке? А проблема интеграции России в мировой рынок? Валютная политика собственного правительства толкает Россию в разряд не просто стран — поставщиков сырья, а в сообщество монопродуктовых мировых экспортеров (Бразилия — кофе, Заир — алмазы, а наша страна — природный газ). Все остальное при нынешней политике "сильного рубля" становится невыгодным. Убыточен даже "Норильский никель", что противоречит здравому смыслу, не укладывается ни в экономическую, ни в житейскую логику, поскольку в Норильском бассейне сосредоточены, кроме никеля, запасы и добыча таких редкоземельных металлов, которых практически больше нигде нет на планете. Вы можете себе представить (конечно, если это не монополия на отходы своей жизнедеятельности) нищего абсолютного монополиста? Вот такой "дурдом" создали российские реформаторы при полном попустительстве профессионалов, обидевшихся на кампанию их публичной дискредитации в средствах массовой информации.

Установленный ныне "валютный коридор" — гордость руководства Центробанка — по сути дела, свидетельствует о том, что правительство рассматривает нынешнюю политику валютного курса как стратегическую. И дело здесь не в самом "валютном коридоре", необходимость которого молодые реформаторы сначала категорически отвергали, а затем столь же категорически стали пропагандировать (такая "диалектика" в России уже никого не удивляет). Важно то, на каком уровне обменного курса этот "коридор" устанавливается и поддерживается. Раз уж государство убедилось в возможности господствовать на своем валютном рынке, оно должно извлечь из этого факта максимальную выгоду. Вот только в чем ее видят российские руководители? Если исходить из соображений нормального экономического интереса страны, стремящейся к рыночной трансформации и интеграции в ми-

¹ Вопросы экономики. 1997. № 8. С. 63.

рохозяйственную систему, то "валютный коридор" должен проходить по "верхней границе", т.е. несколько нарочито занижать курс национальной валюты. Это создаст преимущества товаропроизводителям, зарабатывающим иностранную валюту, развивающим экспортные возможности страны. Под этим углом зрения "черный вторник" выглядит не совсем уж черным. Если отвлечься от чисто спекулятивного характера этой акции, возможно, принесшей хорошие прибыли заранее информированным банкам (по этому поводу мы не располагаем никакой достоверной информацией), то остается чисто техническая акция: государство резко девальвирует свою национальную валюту, а затем устанавливает на этом новом уровне контролируемый "валютный коридор". Такая акция имеет совершенно определенный экономический смысл. Почему она была осуществлена столь грубо, непрофессионально и не доведена до конца — вопрос к участникам этого нашумевшего скандала.

ТОЧКА ОТСЧЕТА (С ЧЕМ РОССИЯ ИДЕТ В ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ)

Глава 1
**Экономика:
состояние стартовой
площадки**

Глава 2
**Создание
эффективного собственника**

Глава 3
**Государственное
стимулирование криминализации
экономики**

Глава 4
**Российская интеллигенция
как «партия дураков»**

"Вы должны были знать, куда Вы поведете отечество, затеявая революцию, так как рисковать, не изведав броду, могли Вы только по отношению себя, а не отечества".

"Берите назад свободу с революцией, нам лучше жилось прежде, без свободы... Ни к чему эта свобода, да будь она проклята с Вами вместе, если мне приходится целую неделю обходиться без хлеба и голодному ложиться спать".

*Из писем граждан России
А. Керенскому (июль—август
1917 г.)*

Не вызывает сомнений, что Россия поднимется, возродится из пепла XX в., как птица феникс. Может быть, в иной пространственной конфигурации, может быть, с иными, чем в завершающемся столетии, ценностными ориентирами и без прежних геополитических амбиций. Но возрождение объективно неизбежно, если не предполагать худшего — всепланетную гибель цивилизации. Убежденность эта основана отнюдь не на соображениях об исключительности национального характера (как раз его изъяны — одно из слабых мест в формировании российского общества, в котором "гордость холопа своим холопством" постоянно заставляет метаться между унижительным, растлевающим души долготерпением и поиском мгновенного волшебного превращения "из грязи в князи"). Свой оптимистичный прогноз я базирую на других основаниях. Огромная территория с уникальным природным потенциалом, с населением, единственной национальной идеей которого является выработанный веками, можно сказать, генетический интернационализм, терпимость к иноверцам; с народом, обладающим огромными адаптационными способностями, такая часть планеты не может просто гнить и смердеть, поставлять всему миру природный газ и собирать ото всех радиоактивные отходы, быть ареной религиозных и межнациональных войн, перевалочным пунктом для торговцев наркотиками и заповедником криминальных структур. И все это при наличии традиций в области развития высокотехнологичных производств, современных типов оружия, в том числе массового поражения. Таким образом, альтернатива одна: либо Россия трансформируется в цивилизованную, демократическую самостоятельную государственную систему, либо человечество ввергнет себя в необратимую катас-

трофу вырождения (совсем не обязательно ядерную). Конечно, сейчас Россия слаба — и ниже мы покажем, насколько она слаба, — но только люди с примитивным мышлением могут полагать, что эту страну можно не замечать, не принимать в расчет в международной политике. Россию в современном мире можно сравнить с большим слоном в зоопарке. Если слон не выздоровеет, то возникнут практически неразрешимые проблемы с утилизацией смердящей туши, и всеобщая эпидемия неизбежна.

Думаю, что внутренний жизненный потенциал России достаточно велик и выздоровление пойдет своим чередом, конечно, уже без шоко-терапевтических средств. Но чтобы стать здоровым, чтобы найти эффективные методы лечения, нужно точно представлять реальное состояние общества.

Экономика: состояние стартовой площадки

Удивительно, каким глупым вещам можно поверить... в особенности в политической экономии, где часто невозможно подвергнуть идеи убедительной проверке.

Джон Мейнард Кейнс

В течение нескольких лет политическую элиту России убеждали во всепобеждающей силе рыночной самоорганизации. Достаточно отпустить цены и мы получим эффективную реструктуризацию экономики, качественно новую хозяйственную систему. Затем вскользь стали говорить, что не все получилось, как ожидали, что проблема оказалась сложнее, что были саботирующие реформы действия директорского корпуса, парламентариев, шахтеров, учителей, врачей, пенсионеров и, наконец, — о, чудо! — что были допущены и некоторые совсем незначительные ошибки. Не будем спорить, где здесь правда, где ложь во спасение чести мундира. Лучше посмотрим, какую же все-таки экономику мы получили через пять лет реформ. Не будем задаваться вопросом "кто виноват?" и даже не "что делать?", а поначалу посмотрим, что получилось.

Начнем с промышленной продукции (табл. 1). Объем производства в физическом выражении по всей промышленности составил в 1996 г. меньше половины (48 %) от объема 1990 г. Несколько медленнее этого среднего уровня падали темпы производства сырьевых отраслей (67 %), электроэнергетики (80 %), топливной промышленности за счет показателей добычи нефти и природного газа. Так, в 1996 г. было добыто 601 млрд. м³ природного газа против 641 млрд. м³ в 1992 г., нефти — соответственно 301 млн. т против 399¹. Катастрофический спад производства наблюдался в легкой (текстильной, швейной, обувной) отрасли промышленности. Шести-, семикратное сокращение производства, по сути дела, означает исчезновение этих отраслей как экономически значимых для России. На всю страну в 1995 г. было произведено 51,6 млн. пар обуви (одна пара на троих жителей), в то время как в 1991 г. — 336 млн. пар.

¹ См.: Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 1997. С. 279.

**Индексы физического объема произведенной
продукции по отраслям промышленности (1990 = 100)**

	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Вся промышленность¹	75	65	51	50	48
В том числе:					
добывающая	85	77	69	68	67
обрабатывающая	74	63	48	46	43
Из всей промышленности по отраслям:					
электроэнергетика	96	91	83	80	80
топливная промышленность	87	77	69	69	67
черная металлургия	77	65	53	57	56
цветная металлургия	68	59	53	55	53
химическая и нефтехими- ческая промышленность	73	58	44	47	42
В том числе:					
химическая	71	57	46	49	44
нефтехимическая	78	59	38	42	38
машиностроение и металлообработка	77	65	45	41	36
В том числе:					
машиностроение	75	63	42	39	34
лесная, деревообрабаты- вающая и целлюлозно- бумажная промышлен- ность	78	63	44	44	34
промышленность стро- ительных материалов	78	65	47	44	33
легкая промышленность	64	49	26	18	14
В том числе:					
текстильная	63	48	26	19	14
швейная	70	59	33	22	17
кожевенная, меховая и обувная	70	55	28	19	14
пищевая промышленность	76	69	57	52	48
В том числе:					
пищевкусовая	86	82	64	61	54
мясная и молочная	65	57	50	40	37
рыбная	78	68	54	59	61

¹См.: Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 1997. С. 262.

Выпуск шерстяных тканей снизился за период 1991—1995 гг. с 386 млн. до 72,2 млн. м², хлопчатобумажных — с 5295 млн. до 1240 млн., даже традиционных российских льняных тканей — с 497 млн. до 133 млн.¹

Спад в машиностроении имеет свою специфическую особенность. На фоне почти трехкратного падения всего машиностроительного комплекса (34 % в 1996 г. от уровня 1990 г.) практически приостановлена производственная деятельность в наукоемких и высокотехнологичных отраслях. Так, например, металлорежущих станков с числовым программным управлением выпускалось в 1990 г. 16,7 тыс. шт., а в 1996 г. — всего лишь 300 шт. Кузнечно-прессовые машины с числовым программным управлением были произведены в том же году в количестве 12 шт. против 370 в 1990 г.²

Свертывание наукоемких производств наблюдается практически по всем направлениям. Приведу самый разительный пример из области, где Россия имела серьезнейшие мировые достижения и возможность хорошо заработать, используя эти достижения в коммерческих программах. Я имею в виду освоение космоса. В 1996 г. финансирование гражданских космических программ составляло в США 12,42 млрд. долл., во Франции — около 2,5 млрд., в Японии — 2,1 млрд., в Китае — 1,5 млрд., в Германии — около 1 млрд., в России — 0,65 млрд.³ Скатиться на шестое место по объему финансирования, отстать по этому показателю от США в 20 раз! Как же надо фетишизировать методы шокотерапии с их фанатичным, слепым секвестированием бюджетных расходов; до чего может довести политическая психология бабочки-однодневки!

Наукоемкие сферы производства имеют особенность непрерывного накопления научно-технического потенциала. Если хлебопекарную или, скажем, мебельную фабрику можно закрыть из-за временных финансовых затруднений, а потом спустя годик-другой после преодоления этих затруднений открыть без особых хлопот, то в наукоемких сферах этот номер не пройдет. Наступают необратимые процессы. Наука, технологии убегают вперед; деквалифицируются и разбегаются кадры, переориентируются смежники. Мы наблюдаем чисто российское проявление экономического кризиса. В классическом варианте кризис выталкивает на улицу прежде всего малоквалифицированных рабочих, людей с низким уровнем образования и профессиональной подготовки. В России, наоборот, безработными, ненужными обществу оказались высококлассные, иногда уникальные специалисты, рабочие высших разрядов, ученые. Уже один этот факт дает представление,

¹ См.: Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 1996. С. 535.

² См.: Там же. С. 525.

³ См.: Век. 1997. № 34. С. 4.

на каких направлениях руководство страны ищет выход из экономического кризиса, который, действительно, начался до реформ и который реформы имели целью если не преодолеть полностью, то уж во всяком случае существенно смягчить.

От проблем промышленности перейдем теперь к сельскому хозяйству. Среди многих параметров, характеризующих состояние этой отрасли (урожайность, сбор сельскохозяйственных культур, обеспеченность удобрениями, техникой и т.д.), есть один, определяющий, если хотите, внутреннее здоровье, меру устойчивости аграрного сектора. Показатель этот — динамика поголовья скота, и прежде всего крупного рогатого скота. Это безошибочный индикатор как потрясений в аграрном секторе, так и благополучного развития событий. Исторический опыт показывает, что поголовье скота легко потерять, но на восстановление его уходят годы (здесь процесс более инерционный, чем в растениеводстве).

В табл. 2 годы для сравнения выбраны не случайно. Потери крупного рогатого скота за период революции и гражданской войны (1917—1922) составили 6,3 млн. голов. "Великий" эксперимент с коллективизацией обошелся России в фантастическую потерю 16,2 млн. голов. На этом фоне весьма скромно выглядят результаты Великой Отечественной войны — 1,6 млн. голов (в десять раз менее сокрушительно, чем сталинская коллективизация). И вот, наконец, на пути от социализма к капитализму за период 1992—1997 гг. Россия сбрасывает годовую численность крупного рогатого скота на 23 млн. голов. Дорога к капитализму обошлась стране в абсолютном выражении дешевле. 31,7 млн. голов в 1997 г. — это приблизительно уровень 1957 г. Страна отброшена на 40 лет назад в "кукурузные времена" Хрущева.

Таблица 2

Поголовье скота
(на 1 января; в хозяйствах всех категорий; млн. голов)*

Годы	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Свиньи	Овцы и козы
1916	33,0	17,3	11,3	47,0
1923	26,7	16,4	5,6	37,4
1928	37,6	19,9	13,1	59,3
1933	21,4	13,3	5,9	23,4
1941	27,8	14,2	12,1	51,2
1946	26,2	12,9	4,9	34,7
1992	54,7	20,6	35,4	55,3
1998	31,7	14,6	17,3	19,3

* См.: Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 1996. С. 569—570, Социально-экономическое положение России, 1997 год. М.: Госкомстат России, 1997. С. 96.

Среди радикальных реформаторов стало хорошим тоном к месту и не к месту превозносить П. А. Столыпина как активного строителя капитализма в русской деревне. Узнай Петр Аркадьевич вышеприведенную статистику, непременно перевернулся бы в гробу.

Но если сельское хозяйство и производство товаров народного потребления явили нам столь неприглядную картину, то чем же питается население России, во что одевается? Ответ короткий и точный — за счет импорта (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Соотношение на потребительском рынке отечественных и импортных товаров (в %)*

	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Товарные ресурсы, направленные на потребительский рынок	100	100	100	100	100
В том числе:					
отечественные поступившие по импорту (включая неорганизованный ввоз)	77	71	52	48	48
	23	29	48	52	52

* См.: Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 1997. С. 148.

Импортная зависимость особенно впечатляет в крупных городах — в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, где доля импортных товаров на 20—30 % превышает средние показатели по стране; а также по некоторым видам бытовых приборов (так, по телевизорам цветного изображения доля импорта составляет 94 %, а по видеомагнитофонам — вообще 99 %) ¹.

Наращение импортной зависимости на потребительском рынке в течение всей пятилетки реформ носило устойчивый характер и особенно усилилось после 1993 г., когда стали приносить свои плоды усилия Центробанка по завышению курса рубля относительно паритета покупательной способности. Такая политика, как уже отмечалось, дает несомненные и весомые преимущества импортерам перед национальным товаропроизводителем.

¹ См.: Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 1997. С. 149.

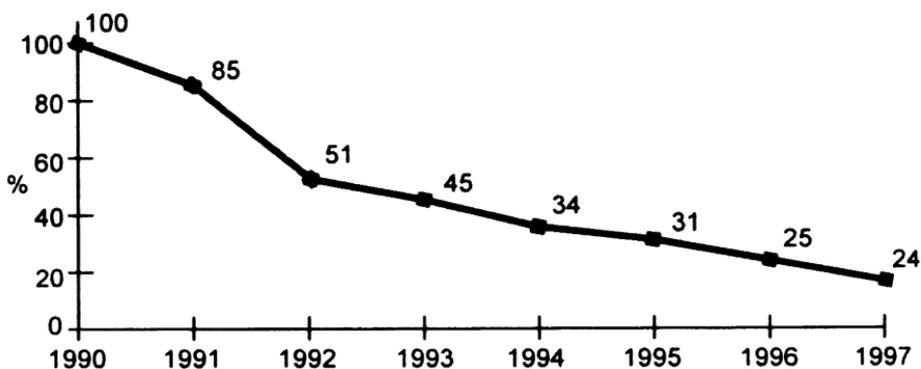

Рис. 1. Индексы инвестиций в основной капитал
(1990=100)

Источники: Российский статистический ежегодник. М.: Логос, 1996. С. 449. Социально-экономическое положение России, 1997. Госкомстат России. С. 76.

Сознательная ориентация на заполнение емкости российского рынка за счет предложения импортных товаров должна предполагать наличие устойчивых и стратегически надежных источников поступления в страну иностранной валюты. Чтобы покупать, надо продавать или жить в долг. Эта житейская мудрость полностью сохраняет свою правоту и на общегосударственном уровне.

Основными "валютодобывающими" отраслями России являются газовая и отчасти нефтяная. Вообще топливно-энергетический комплекс России, можно сказать, явился основным донором рыночных реформ. Он обеспечивает 35 % всех доходов федерального бюджета. Никакие кредиты МВФ, никакая реструктуризация российских долгов не могли бы покрыть тех экономических потерь, которые понесла страна с начала реформ. "Реформы требуют жертв" — этот лозунг муссируется с января 1992 г. (в основном теми, кто лично ничем не пожертвовал, а скорее наоборот). Но масштабы жертв таковы, что только российская экономика за счет уникальных природных ресурсов могла остаться "на плаву".

Однако степень российского самоедства, похоже, не знает границ. Отрасли, буквально спасающие реформаторов, позволяющие им неторопливо продолжать экспериментировать, оказались не без усилий самих реформаторов на грани технологической катастрофы. Жесткая антиинвестиционная политика, проводимая в течение первых 5—6 лет реформ, привела к тому, что износ основного капитала достиг в газовой промышленности 35 %, в электроэнергетике — 48, в нефтепереработке — 80, в нефтедобыче — 51 %. Ввод новых мощностей в

нефтяной промышленности в 1995 г. составил 135 млн. т при выбытии 390 млн. т. Это не послужило сигналом для внесения существенных изменений в инвестиционную политику федеральных властей.

Напротив, инвестиционная апатия стала одной из типичных черт российских реформ, своеобразной "визитной карточкой" (рис. 1).

Инвестиции в основной капитал не позволяют обеспечить даже простое воспроизводство, покрыть естественную убыль фондов от физического износа. В этих условиях трудно говорить о модернизации, внедрении новых технологий, реструктуризации экономики. Такова импрессионистская картина экономического пространства России после первой пятилетки битвы за капитализм. Таковы рубежи, на которые страна отброшена накануне третьего тысячелетия в производственной сфере. Теперь нам обещают подъем. Каким должен быть этот подъем, чтобы ликвидировать последствия столь беспрецедентного спада? Элементарный расчет показывает, что если экономика России вдруг начнет расти с ежегодным темпом 10 % (предположение заведомо маловероятное), то и тогда стране потребуется восемь лет, чтобы выйти на уровень производства 1990 г.

Создание эффективного собственника

Собственность — это кража.

Пьер Прудон

В числе основополагающих тезисов гайдаровско-чубайсовских реформ одно из ведущих мест занимала быстрая приватизация. Нам нужны миллионы собственников, нам нужны эффективные собственники — таковы пропагандистские лозунги 1992 г. Под этими лозунгами сформировалась ваучерная приватизация. Через пять лет Чубайс и Ясин отыграли эти лозунги назад: для появления эффективного собственника нужны десятилетия, смена поколений.

Эффективный собственник — понятие, относящееся к владельцу средств производства, способных при определенных условиях принести доход. Эффективным (или неэффективным) может быть собственник, который как минимум либо распоряжается, либо управляет своей собственностью. Далее, условием эффективного распоряжения или управления собственностью должна быть зависимость между доходом от собственности и личным благосостоянием собственника. Собственник должен также стремиться, чтобы наемный работник получал заработок, пропорциональный его вкладу в прирост доходов от использования собственности.

Социализм с его общественной собственностью отчуждает работника от результатов своего труда (прироста эффективности реализации собственности). Поэтому всегда имели место потуги преодолеть недостатки социалистической собственности: "цеховики", Святослав Федоров, еще раньше Иван Худенко, кустанайский и грузинский эксперименты, молодежные и немолодежные кооперативы.

Характерно, что все эти порывы (ласточки, не делавшие весны) концентрировались вокруг производства (!!!) материальных благ и услуг. С другой стороны, процветала и "фарца", спекуляция на чисто социалистических недостатках (искусственный дефицит и т.п.).

Итак, эффективного собственника надо воспитывать, надо создавать. Но почему на это нужны поколения? Ведь новый предприниматель скорее вырастет в эффективного собственника на примере "цеховиков", Туманова, Массарского, нежели на примерах финансовых воротил и биржевых игроков, делавших свои состояния на государственных квотах, лицензиях, инфляционном доходе, валютном курсе, на прокручивании бюджетных средств, искусственной нехватке наличности (кризис неплатежей), нелегальном вывозе капитала, создании финансовых пирамид. Так что весьма проблематично, как следующее за первой волной "новых русских" поколение бизнесменов будет толковать термин "эффективный собственник". Не у Св. Федорова будет спрашивать, а скорее у Мавроди.

В деле создания эффективного собственника страна за последние годы реформ отброшена на десятилетия назад. Потому что в лучших традициях большевизма новые реформаторы только бросили лозунг, а не поставили задачу с четкими этапами ее решения.

А задача эта чрезвычайно сложная. Отобрать собственность (национализировать) оказалось значительно легче, чем ее раздать (вернуть). Здесь теснейшим образом переплетаются и проблемы социальной справедливости, и проблемы экономической эффективности. Перед сложностью этой задачи спасовали "шокотерапевты". И думаю, не только потому, что для создания собственника (тем более эффективного) действительно необходимо время (хотя, конечно, не измеряемое поколениями), а потому, что подлинная приватизация — это тонкая, буквально ювелирная, и в то же время масштабная операция, что-то вроде пересадки огромных участков кожи клиенту ожогового центра, находящегося в критическом состоянии. Для таких операций, производимых на социальном организме, нужны огромные знания в области не только экономики, но и социальной и индивидуальной психологии, мощное воображение творца-первопроходца и почти безграничная власть над народом, т.е. объектом эксперимента. У реформаторов только последнее было в достатке и даже избытке. Что касается западных консультантов, то они здесь были просто беспомощны. И это их не вина, а беда. Они имели информацию лишь о фактах национализации и денационализации, осуществлявшихся в четких рамках западной системы ценностей, проще говоря, в экономических системах, где господствующей формой собственности была частная собственность.

Итак, лозунг об эффективном собственнике оказался ничем иным, как фрагментом общей политической демагогии (в отличие от курса "на приватизацию любой ценой"). Сам же потенциальный эффектив-

ный собственник выглядел "круглым сиротой", политическим и социально-экономическим бомжем. Чего только не делали, чтобы эффективный собственник не встал на ноги!

Действительно, вспомним, **чего не делали в России** в 1992 г. в сфере трансформации социалистической собственности (неэффективной) в иные формы, позволяющие раскрепостить инициативу и творческий потенциал трудоспособного населения страны?

Начнем с главного. **Не была проведена аграрная реформа.** Понятно, что в основе рыночной организации экономики лежит частная собственность как гарантия независимости товаропроизводителей и одно из важнейших условий честной конкуренции. Незыблемость принципа частной собственности обеспечивает частная собственность **на землю**. Не говоря о том, что земля основное, первичное в историческом плане средство производства, она еще и территория, на которой осуществляется жизнедеятельность любого государственного образования. Кому эта территория принадлежит? Какие земли частные, какие муниципальные, какие федеральные? Этот вопрос мучительно вызревал и решался в различных социумах. Часто веками. Опыт огромен. И положительный, и отрицательный.

Чтобы сделать процесс рыночных реформ необратимым, надо было решить земельный вопрос. Тот самый вопрос, который был главным для России как минимум с середины XIX в., который не обошел вниманием ни один российский общественный деятель, ученый-экономист или политик на рубеже XIX—XX вв. Центральным пунктом программ всех политических партий царской Государственной думы был аграрный вопрос, и прежде всего вопрос о собственности на землю.

Общинное землевладение и землепользование — это экономический крест, или, если хотите, кандалы, России. Не создать за несколько столетий эффективного земледелия, имея воронежские или украинские черноземы, устойчивые климатические условия, богатейшую естественную кормовую базу животноводства, могла только Россия. И первопричина всему — извращенные отношения землевладения и землепользования.

Сколько бы ни говорил Говорухин (открывший для себя на старости лет некоторые всем известные фрагменты российской экономической истории), что Россия в начале XX в. кормила пол-Европы, решающим в оценке сельского хозяйства любой страны является его производительность. Так вот: 7—8 ц пшеницы с гектара земли — такова средняя производительность крестьянских хозяйств царской России.

Таковой она оставалась и в сталинских колхозах и совхозах в период, когда (теперь уже на советский хлеб) закупалось оборудование для Днепрогэса, Магнитки, ГАЗа, ЗИЛа и т.д.

Не большевики создали общинное землепользование в России. Они эксплуатировали старые, вековые традиции. Но реформаторы 90-х гг. побоялись замахнуться на любимое детище большевиков. И превратили тем самым реформы в фарс, если иметь в виду под реформами глубинные социально-экономические преобразования.

Когда упоминаются конкретные просчеты российских реформаторов, да еще если эти просчеты очевидны, из их лагеря раздается стереотипный и универсальный на все случаи жизни и для всех будущих поколений ответ: "Мы хотели, но нам не дали". Очень похоже на детско-школярское "Я учил, но забыл".

Ложь все это и поиски самооправдания.

Там, где действительно хотели, — шли напролом и добивались своего вопреки сопротивлению директорского корпуса, крикам парламентской оппозиции, наконец, здравому смыслу и экономическим законам. В случае с аграрной реформой — или не хватило профессионализма (ни одного агрария в реформаторском крыле правительства Гайдара), или именно не хотели. Ведь сразу после августа 1991 г., а особенно после Беловежской пуши Ельцин получил карт-бланш на любые экономические и политические преобразования. Раздача земли могла бы стать "украшением" ельцинских реформ. Крестьянам нужен был не абстрактный пай в колхозно-совхозном котле (попробуй, получи его даже сейчас), а конкретно закрепленный в их полную частную собственность земельный участок ("от того лесочка до этого ручья — мое!"). Это были бы действительно миллионы реальных собственников. Спекуляцию землей можно было легко ограничить серией указов (законов) о порядке продажи земли (ограничения на вывод земель из сельхозоборота, профессиональные навыки потенциального покупателя, экологические и тому подобные требования). В то же время стимулирование кредитования под залог земли, возникновение спроса на малую технику, транспортную и социальную инфраструктуру открывало огромные перспективы для подъема аграрного сектора российской экономики.

Вместо курса на приватизацию земли был избран курс на приватизацию "железок" — заводов, фабрик, торговых и складских помещений, морских и аэропортов, газо- и нефтедобывающих, нефтеперерабатывающих предприятий и других производственных объектов, связанных с переработкой полезных ископаемых и эксплуатацией месторождений, являющихся по существу естественными монополиями.

И здесь заслуживает особого внимания программа ваучерной приватизации как программа сознательного блокирования процессов формирования эффективных собственников, программа отсечения психологически готовых к предпринимательской деятельности групп населения от реальных средств производства.

Эффективный производственный процесс предполагает сочетание двух психологических типов: организатора хозяйственного процесса и создателя вида продукции, стиля, специфической формы товара или услуги. Оба типа — творцы. Один создает продукт (предложение), другой организует спрос на него. Кто из них собственник (юридический), совершенно не имеет никакого значения. Они, кстати, могут объединяться в одном лице (например, Версаче) или размываться в коллективном процессе (примером может служить автомобильная корпорация).

Все это известно во всем мире, но в России, как всегда, пошли своим путем. Каждому гражданину страны (независимо от возраста, трудового стажа и реального вклада в создание экономического потенциала отрасли, региона, предприятия и т.п.) выдали бумагу, на которой было написано "10 тысяч рублей" (ваучер). Первая странность этой бумаги заключалась в том, что, будучи выпущенной государством и под гарантию государственной собственности, она не принималась этим государством к оплате, т.е. не обменивалась по номиналу на рубли. Таким образом, он (ваучер) принудительно стал платежным средством. Но специфическим.

И тут вторая странность ваучера. Его можно было обменять на акции или обязательства выдачи акций некоторых (именно некоторых) предприятий. При этом государство не обеспечивало своих граждан информацией об экономическом положении приватизируемых, но пока все-таки государственных предприятий. Наоборот, тогда еще государственные СМИ (особенно электронные) с удовольствием преподносили хорошо оплачиваемую, но дезинформирующую население рекламу сомнительных и откровенно жульнических фондов, акционерных компаний, банков (МММ, "Чара", "Тибет", "Хопер", "Русский дом Селенга" и т.д., и т.п.). Но газеты и телевидение забыли сообщить, что за достоверность сведений, содержащихся в рекламных блоках, государственные средства массовой информации никакой ответственности перед налогоплательщиками не несут.

Иными словами, на ваучер изначально можно было приобрести титул собственности не любого государственного предприятия, а только "готового к ваучерной приватизации". Плюс к этому ваучер можно было продать кому угодно (кроме государства) или вложить в некий ваучерный фонд (фонды), которые, как впоследствии оказа-

лось, никакой ответственности перед гражданами не несли. Об этом Госкомимущество РФ также забыло предупредить миллионы "будущих собственников".

Но предположим, что ваучер вложен удачно. Предприятие, акционером которого стал гражданин, рентабельно. Означает ли, что этот гражданин стал эффективным собственником? Конечно, нет. В лучшем случае он будет вынужден довольствоваться ролью удачливого рантье, получающего приличные дивиденды, но никак не влияющего на принятие хозяйственных решений. Эффект диффузии собственности путем дробления и искусственного распыления голосующих акций между десятками тысяч акционеров создавал благоприятные условия для того, чтобы поставить предприятия под контроль небольших групп скупщиков ваучеров. Процесс перераспределения ваучеров в конце 1992 и в 1993 гг. принял массовый характер. Резкое падение жизненного уровня населения и неясность перспектив реализации прав собственности через ваучер толкало людей на действия по принципу: "Лучше синица в руках, чем журавль в небе". Рыночная цена ваучера долгое время даже не достигала номинала, а когда достигла и даже перешагнула номинал, то инфляция настолько уже обесценила сам рубль, что продавец получал к концу 1993 г. лишь пятую часть первоначальной рыночной цены ваучера.

Покупателями обесцененного ваучера по преимуществу были представители сферы торговли и мелких кооперативов, получивших развитие еще при Рыжкове (первые "новые русские"). Представители этих групп играли видную роль на первых ваучерных аукционах. Но способен ли удачливый торговец импортными сигаретами, колбасой и другим ширпотребом стать эффективным собственником, организатором производства в сфере, скажем, высоких технологий, или даже текстильной промышленности, или жилищного строительства?

Уже в 1993 г. по этому поводу у многих специалистов, в том числе и у автора этих строк, возникали большие сомнения. Первое пятилетие работы приватизированных предприятий подтвердило эти сомнения. Примеров, когда переход государственной собственности в частные руки привел бы к резкому росту рентабельности производства, его расширению и завоеванию новых рынков сбыта, практически нет. Ну, в крайнем случае, для их перечня хватит пальцев одной руки. Обратных же примеров несчетное количество. А чего стоят скандалы вокруг ЗИЛа, "Норильского никеля", "Пермских моторов", алюминиевых заводов и т.д. Шекспировские страсти по поводу раздела собственности налицо, а экономического процветания, новых инвестиций, модернизации производства — нет и в помине. Не лучше ситуация и на тех

предприятиях, что стали собственностью трудовых коллективов, т.е. приватизировались по так называемой "второй схеме". Трудовой коллектив может стать эффективным собственником только при малом числе работников, когда работа каждого на виду у всех, а оценка вклада любого члена коллектива проста и доступна пониманию даже человека с начальным образованием. В этих условиях (и только в этих) артельный принцип владения собственностью и организации производства в ряде случаев оказывается весьма эффективным.

Передача же в собственность коллектива предприятий с числом работников, измеряемым десятками, сотнями, а то и тысячами, выглядит как строительство колхозов в промышленном секторе. Это своего рода реанимация югославского пути тридцатилетней давности. Пути, доказавшего свою неэффективность и там, и в нашем сельском хозяйстве.

Трудовой коллектив как собственник среднего и крупного предприятия обречен на неэффективное использование производственного потенциала, доставшегося ему во владение и распоряжение. Дело в том, что трудовой коллектив — это некая ассоциация людей, связанных между собой технологической цепочкой, но имеющих в то же время часто совершенно разную социально-психологическую ориентацию. Поясним это только на одном примере (отнюдь не единственном, но раскрывающем суть внутренних противоречий синдикалистского типа собственности). Трудовой коллектив имеет в своем составе работников разных возрастных групп. Одни только начинают свою трудовую деятельность, другие близки к пенсионному возрасту, третьи надолго решили связать свою судьбу с предприятием. Кроме того, есть разношерстная группа, которую условно можно назвать "попутчики". Это работники, которые в силу целого ряда причин (семейных, карьерных, национальных, профессиональных и т.п.) рассматривают свое пребывание в данном трудовом коллективе как временное и стратегически связывают свое будущее совсем с другими критериями и ценностями. Представим себе, что вся эта разношерстная компания решает на собрании акционеров вопросы распределения полученной за истекший год прибыли. Естественно, что одни будут требовать увеличения зарплаты и роста выплат по дивидендам, а другие — расширения уставного фонда, роста инвестиций, модернизации оборудования, закупки лицензий. В такой ситуации выбор эффективной рыночной стратегии, обеспечивающей выживаемость предприятия в условиях жесткой конкуренции, весьма проблематичен.

Таким образом, идея создания в короткие сроки эффективного собственника была загублена на корню из-за одиозных, необдуманных методов решения этой задачи (или в связи с тем что декларируемые

задачи на самом деле не соответствовали задачам истинным, задачам разрушения, а не созидания). Ошибка это или умысел — я не судья, пусть выбор ответа останется за нашими профессионалами-реформаторами.

Не мешало бы получить ответ и на вопрос: почему в 1992 г. была напрочь отвергнута столь популярная в предыдущие годы схема долгосрочной аренды с правом выкупа в собственность? Ведь это была конструкция, в основе которой лежала здравая мысль: пусть собственником станет тот, кто хорошо использует эту собственность в качестве арендатора. Получаешь прибыль — часть ее можешь использовать на выкуп собственности у государства. Работает неэффективно — договор об аренде расторгается, и государство ищет более расторопного пользователя общественного имущества. Если бы на отшлифовку этой идеи и ее конкретную реализацию была бы истрачена лишь десятая часть тех организационных усилий и финансовых средств, что были задействованы в ваучерной системе, приватизация в России, уверен, дала бы существенно более весомые результаты, обеспечила бы более плавный переход госсобственности в частные руки, способствовала бы выявлению широкого слоя людей, психологически склонных к предпринимательству.

Однако вспомним набившую оскомину "истину": история не терпит сослагательного наклонения. Сейчас мы получили беспощадную борьбу за государственную собственность (раздел и передел) между коммерческими банками, обещающими заткнуть те или иные бюджетные дыры. Но бюджетная дыра (в отличие, скажем, от дыры на крыше дома) имеет свойство самовоспроизводиться ежегодно. Если вам сегодня нечем платить зарплату учителям и врачам, и вы продали золотые прииски или "Норильский никель" и заткнули дыру в бюджете, то что вы продадите на следующий год, чтобы продолжать учить детей и лечить больных?

Надо понять, что естественные монополии — это неприкосновенный фонд и постоянный источник государственных (общественных) доходов. Полезные ископаемые (нефть, газ, алмазы, платина и золото, молибден и вольфрам) — это Божий дар народам, живущим на территории залегания этих богатств, и принадлежать он может только этим народам, а не Петрову, Иванову, Сидорову, Джонсу. Плодородие земли воспроизводимо; ее недра, кладовые — никогда.

Рента, получаемая от использования невозпроизводимых природных богатств, может принадлежать только всему обществу и использоваться только на цели, определяемые органами общественного управления (и самоуправления).

Развернувшаяся в 1997 г. борьба с естественными монополиями на самом деле являлась с начала и до конца борьбой за передел национального богатства между мощными финансовыми группировками. Естественная монополия не может быть разрушена именно в силу своей природной естественности. Она может быть присвоена, приватизирована. Но это уже другое дело.

Во всем мире основу антимонопольного законодательства составляют два рычага общественного воздействия: контроль над ценами и контроль за доходами. Монопольная сверхприбыль решительно изымается государством. Зачем же в России вновь "изобретать велосипед"? Какого эффективного собственника хочет создать правительство, раздавая в частные руки уникальные производственные ресурсы? Эффективным может считаться только конкурс детально проработанных инвестиционных проектов. Победитель получает право использования ресурсов (а не право собственности) на оговоренных в проекте условиях, включая размер дохода, отчисляемого в региональный и федеральный бюджеты.

Государственное стимулирование криминализации экономики

История первоначального накопления в нашей стране не написана, процесс продолжается.

Егор Гайдар

Два за XX столетие социальных эксперимента, до основания потрясших Россию, проводились под прямо противоположными лозунгами. В первом случае (1917 г.) разрушался несправедливый капитализм во имя создания общества всеобщей социальной гармонии. В другом (1992 г.) — тоталитарный строй с засилием бюрократической машины управления всем и всеми ликвидировался ради свободного, честного, социально ориентированного рыночного хозяйства. Сближают эти эксперименты два обстоятельства. Во-первых, умопомрачительные жертвы, которые россияне способны принести во имя абстрактных кабинетных идей, и, во-вторых, полное несоответствие провозглашенных целей и полученных результатов.

О провале социалистического эксперимента сказано много, в том числе и автором этих строк. А вот по поводу результатов второго опыта над населением России еще предстоят большие дискуссии. Сейчас большинство специалистов и дилетантов, обеспокоенных этим вопросом, сходятся на том, что все-таки рынок на территории Российского государства создан. Конечно, не совсем цивилизованный, то ли дикий, то ли, наоборот, государственно-монополистический, но бесспорно с ярко выраженными элементами криминала и коррупции. Однако смею утверждать, что с такими оговорками созданный в стране экономический механизм едва ли имеет право называться рыночным. Реформаторы, утверждающие, что им все-таки в основном удалось создать рыночную систему, реабилитируя лично себя за "сусанинские" грехи, объективно дискредитируют рынок, его идеологию и философию и тем самым играют на руку приверженцам первого российского эксперимента.

Криминальный, коррумпированный рынок — это не рынок, это "жареный лед". В результате реформ страна проделала путь от административно-командной системы к криминально-бюрократической, а отнюдь не рыночной. Теперь, если Россия все же хочет двигаться к цивилизованному рынку, у нее другая точка отсчета, другая стартовая позиция. И с этим нельзя не считаться, как нельзя упускать из виду активную роль государства в криминализации экономической жизни. Сама концепция шокотерапии, установка на то, чтобы резким изменением правил экономической игры выбить все население из седла, поменять не только хозяйственные, но и морально-этические ориентиры, помноженная на марксистско-ленинское базовое образование молодых реформаторов, спровоцировала неминуемый крен страны в криминал под лозунгами "грабь награбленное" и "деньги не пахнут".

Криминализацию экономики реформаторы расценивали просто как неизбежность, и в объяснение ее подвели теоретический фундамент. В своей книге "Государство и эволюция" Е. Гайдар теме первоначального накопления в новейшей истории России посвятил целую главу. Он с явной симпатией и олимпийским спокойствием пишет о капиталах, "вышедших из золотой пены инфляции и финансовых спекуляций"¹. Его заботит лишь одно: "чтобы уже созданные и вновь образующиеся состояния работали в России". Теория первоначального накопления была придумана Марксом для обоснования справедливости революционной экспроприации частной собственности. Капиталы, по его версии, изначально создаются несправедливым путем, грабежом, воровством, коварством и вероломством, а затем приумножаются путем присвоения неоплаченного труда наемных рабочих. Теория первоначального накопления в совокупности с теорией прибавочной стоимости являлась "научным" оправданием разбоя, разграбления усадеб, церквей, музеев, "уплотнения" буржуазии и интеллигенции, раскулачивания крестьян. Молодые реформаторы, очевидно, не поняв "классовой" направленности этих рассуждений Маркса, восприняли их не как хитроумную уловку гениального создателя теории разрушения рыночной экономики, а исключительно как правду жизни. Но жизнь многообразна, и рядом с богатствами, нажитыми войнами и обманом, всегда существовали капиталы, образовавшиеся в результате самоограничения, организационного таланта, научных открытий. Кого, например, ограбил самый богатый человек планеты Билл Гейтс? Скорее его грабят компьютерные пираты. Но роль протестантской (и старообрядческой) этики в становлении цивилизованных рыночных отношений, идеи Бенджамина Франклина и Макса Вебера были проигнорированы

¹ Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995. С. 173.

людьми, затеявшими рыночные реформы в обществе, где обострилось чувство справедливости, где критиковали социализм не за отсутствие богатых, а за нарушение связи между мерой труда и мерой вознаграждения за его конечные результаты. Социальное раздражение, направленное против "новых русских", имеет в своей основе не зависть по поводу их богатства, а очевидное несоответствие между доходами нуворишей и общественно значимым результатом их деятельности.

Идеологическая лояльность к новым источникам доходов, методам обеспечения доступа к общественной собственности была первым, но далеко не единственным жестом официальной государственной поддержки развитию неправовой экономики. Так сказать, приглашение к танцу.

Другими факторами стимулирования коррупции и криминала в экономической сфере была атмосфера неразберихи, анархии, созданная в федеральных экономических ведомствах с приходом молодых реформаторов. Отсутствие всякого опыта работы, а тем более руководства крупными управленческими структурами, верхоглядство, демонстративное пренебрежение законами делопроизводства приводили с первых дней реформ к скандалам и аферам типа нашумевшей "красной ртути" или фальшивым авизо. Приведу только одно свидетельство царившей внутри правительства реформаторов обстановки (свидетельство человека, находившегося в составе руководящих органов страны). Вот что писал тогдашний министр финансов России Б.Г. Федоров: «К исходу двух месяцев работы в правительстве я с удивлением обнаружил, что никто не представляет, какие финансовые потоки существуют в нашем государстве. Миллиарды льготных кредитов, астрономические суммы раздаются направо-налево. Центральный банк знает одну сторону дела, правительство — другую, свой "уголок" — у парламента»¹.

Именно в этот период многочисленные журналисты и телекомментаторы до небес превозносили "высочайший профессионализм" команды Гайдара в деле реализации политики финансовой стабилизации.

Именно в правительственных коридорах и именно в тот период, о котором пишет Б.Г. Федоров, созрела и была доведена до практического воплощения идея "уполномоченных банков". Этот мощный механизм обогащения частных структур за счет бюджетных доходов был задействован самим правительством. Коммерческие банки улучшали свое финансовое положение (а иногда просто росли как на дрожжах) не в результате удачно избранной политики кредитования инвестици-

¹ Столица. 1993. № 17 (127). С. 22.

онных проектов, а исключительно в зависимости от степени "близости" к правительственным чиновникам. Таким образом, создавались условия, прямо провоцирующие процессы коррумпирования.

Еще в большей степени развитию этих процессов способствовала созданная правительством буквально с первых месяцев реформаторской деятельности система экспортно-импортных льгот, выдача квот, торговых лицензий. Поначалу все выглядело как небольшая чисто техническая модификация источников финансирования некоторых бюджетных организаций и инвестиционных проектов. Под давлением консультантов из Международного валютного фонда главной заботой реформаторов с января 1992 г. являлось сокращение расходной части федерального бюджета. Любой ценой. Даже против логики и в обход социально-экономических и политических реалий. Скажем, сокращались до смешной величины бюджетные расходы на финансирование развития спорта в стране. Через несколько дней выяснилось, что планировалось выступление российских спортсменов на летних Олимпийских играх в Барселоне. Да и вообще уход России с олимпиад, мировых и европейских чемпионатов, крупных международных турниров выглядел бы, по меньшей мере, экстравагантно, особенно под предлогом проведения рыночных реформ. А без серьезной государственной поддержки большой спорт не существует ни в одной стране (включая развитые капиталистические). Но спорить с консультантами из МВФ постеснялись или побоялись. Начали искать обходные пути. И нашли "гениальное" решение, мгновенно растиражированное на аналогичные (и многочисленные) ситуации. Образно говоря, была придумана следующая схема.

Приходит чиновник "от спорта" к чиновнику "от финансов" и говорит, так, мол, и так, надо не уронить престиж России на очередной спортивной арене. Второй чиновник отвечает первому: все понимаю, но денег в бюджете на эти цели не предусмотрено. Однако не печалься. Знаю я, что не все квоты на экспорт нефти распределены. Можно выделить несколько миллионов тонн и на подъем спортивного движения. Дадим для вас льготный режим реализации и обеспечим всех мячами, спортивной формой и чем хотите. Или другой вариант: разрешаем вам беспощинный импорт спирта, водки, сигарет...

Приглянулась эта схема не только спортсменам. Вслед за ними потянулись в Москву ветераны-афганцы, главы администраций, руководители благотворительных фондов, священнослужители. И молодые чиновники обрадовались: нагрузка на бюджет не возрастает, и вопросы решаются. И волки сыты, и овцы целы.

Однако этот "технический" прием дорого обошелся стране. Он создал уникальную питательную среду для развития мафиозных структур. Во-первых, кто считал, сколько нужно продать контейнеров водки или сигарет, чтобы профинансировать конкретные спортивные мероприятия? Естественно, все в лучшем случае на глазок. Во-вторых, кто занимается торговлей? Конечно, не сами спортсмены и даже не чиновники "от спорта", а некие посреднические сбытовые структуры, происхождение и финансово-экономическую чистоплотность которых проверить практически невозможно. В-третьих, описанная схема финансирования объективно создает фантастическую многозвенность прохождения товаров и денег, столь любимую специалистами по денежным махинациям.

Широкой криминализации экономики способствовало и беспрецедентное для развитых стран решение российского руководства об отмене водочной монополии. Государство одним росчерком пера лишило себя мощного источника бюджетных доходов и поставило под удар здоровье своих подданных. Последний момент вообще мало волновал молодых экспериментаторов. «По мнению экспертов российского правительства, — писали "Известия" в то время, — после выхода постановления Б. Ельцина о продаже винно-водочных изделий по свободным ценам... ожидается большой рост производства самодельного вина, и хотя качество его будет невысоким, для нашего потребителя, считают эксперты, это не будет иметь особого значения»¹.

Цинизм правительственных экспертов не знает предела, равно как и презрение к своим согражданам. Но если не предаваться эмоциям, то остается только констатировать, что правительство Гайдара, полностью отдавая себе отчет, официально разрешало фальсификацию одного из самых массовых на российском рынке товаров. Причем делалось это вопреки мировой практике развитых стран с рыночной экономикой. Следовательно, данный конкретный шаг отнюдь не был связан с движением страны к цивилизованному рынку. Наоборот, российское правительство собственными руками создавало еще один центр мафиозной деятельности.

При всем этом переключение мощного потока доходов от казны к частным производителям винно-водочных изделий превратилось в осязаемый фактор, определивший быстрое банкротство государства. Легкомысленная попытка разрушить государственную монополию в области экономики производства и реализации алкогольной продукции привела к неспособности государства (в силу оскудения доходной части бюджета) выполнять свои внеэкономические функции. Вся эта

¹ Отменена самая главная монополия // Известия. 1992. 8 мая. С. 1.

история с точки зрения подрыва госбюджета очень напоминала антиалкогольные кампании большевиков — сначала Фурцевой, а затем Лигачева. Только последние проводили эту борьбу с бюджетными доходами путем административных запретов под флагом оздоровления народов и народностей¹, а молодые реформаторы не думали ни о вреде алкоголя (наоборот, прогнозировалось снижение качества винно-водочных изделий), ни, оказывается, о бюджете (отмена водочной монополии неминуемо осложняла борьбу с его дефицитом), а исключительно о создании буквально любой ценой слоя "новых русских".

История остроумно "отомстила" за эту экономическую и политическую близорукость: место Гайдара в Государственной думе занял спиртоводочный магнат Брынцалов.

В этой главе я не ставлю перед собой задачу перечислить все пути и формы, в которых осуществлялась криминализация российской экономики. Моя цель значительно скромнее — показать читателю активную и сознательную роль государства в этом процессе. Нас привлекает этот феномен именно своей неподражаемой рускостью. Все государства мира (включая и насквозь изъеденные короедом коррупции) в своих законах, постановлениях, инструкциях и директивах всегда выступают как антагонистическая сила, противопоставляющая себя коррупции и мафии. Принцип один: закон, правительственная директива всегда антимафиозны, антикоррупционны. Другое дело, что чиновники, недобросовестные предприниматели, банкиры, торговцы ищут обходные пути и зачастую сильно преуспевают на этом поприще. Но формально они вне закона. Государство до поры до времени может сквозь пальцы смотреть на их проделки. Однако государство всегда может сказать: мы никогда официально не санкционировали действий, способствующих прямо или косвенно развитию коррупции в стране.

В России, как мы видели, все не так. Государственные служащие самого высокого уровня и депутаты законодательных органов власти считают совершенно нормальным проводить масштабные операции с ценными бумагами и иметь от них немалый доход. Главное, считают они, чтобы этот доход был продекларирован и с него заплачен налог. Тогда они гордятся своей законопослушностью. Но не надо быть

¹ В России всегда был "пьяный бюджет". А. Чупров и другие русские статистики еще на рубеже XIX и XX вв. досконально изучили эту проблему. Была доказана тесная корреляционная зависимость между падением урожая и ростом потребления водки. Иными словами, на Руси пьют от плохой жизни (наверное, как и в других странах). Большевики же, обезобразив жизнь народа материально и духовно, хотели в принудительном порядке заставить людей пить лимонад. Этого издевательства народ не выдержал.

профессиональным экономистом, чтобы понять, что на фондовых рынках главная ценность — это упреждающая информация. Если человек, проводящий "операции с ценными бумагами", получает информацию об изменениях в экономических шагах государства хотя бы на час раньше других, он имеет стопроцентные шансы сорвать большой куш. Этот человек, безусловно, правительственный чиновник.

В замечательном романе Александра Дюма "Граф Монте-Кристо" герой подкупает телеграфиста с тем, чтобы он дал неправильную информацию на биржу. Несколько минут, пока пришла поправка, хватило, чтобы обидчик графа был разорен. Но не хотят читать ни Дюма, ни Сороса те, кто устанавливает регламент государственной службы.

Или, например, вопрос об амнистии российских капиталов, ушедших на Запад. Не столь важно, какие будут пробоваться механизмы возврата этих денег, важно, что государство самой проблемой серьезно обеспокоено. Еще бы, ведь, по оценкам иностранных специалистов, с начала реформ ежемесячно из России "уходило" 2—2,5 млрд. долл. и суммарно накопленный итог составляет где-то 150—200 млрд. долл. (Существуют и более впечатляющие оценки.) Есть о чем пожалеть и задуматься. Но не над тем, как вернуть? Полагаю, что практически это невозможно сделать через государственное посредничество, поскольку российское государство уже выступило посредником (и активным) в вывозе российских капиталов из страны. Вот и надо подумать, зачем была сломана система регулирования и контроля над валютными операциями?

Ведь не в кейсах же перевозились ежемесячно миллиарды долларов через границу. И не в канистрах транспортировалась нефть, и не в рюкзаках таскали цветные металлы из России в Прибалтику (хотя, конечно, такие чудачки с кейсами и рюкзаками были, но при всем старании они едва ли могли вывести прибалтов в число серьезных экспортеров продукции цветной металлургии). Всем ясно: правила валютных операций в руках правительства, нефтяная и газовая труба — в руках правительства, железная дорога — в руках правительства, таможня — в руках правительства. Вывод очевиден: с началом реформ крупный блок государственной машины целенаправленно заработал на утечку огромных валютных средств из страны. Это тоже российская специфика. Ни одна страна, тем более переживающая кризис, не расставалась с такой легкостью и на легальной основе с огромными кусками национального продукта. Вывоз капиталов всегда регламентировался, и соблюдение этого регламента жестко контролировалось.

Даже с точки зрения концепции первоначального накопления довольно странной выглядит столь бурная эмиграция частных капиталов из страны. Казалось бы, уж если запланирован столь серьезный и масштабный передел собственности ради создания новых негосударственных потенциальных инвесторов, то нелепо сперва создавать целую систему технических условий и экономических рычагов перекачки этих средств в иностранные банки, а затем придумывать способы их возврата в места первоначального происхождения. Какая-то сложная конструкция. Недаром ею заинтересовался Интерпол.

Нелепость сложившейся ситуации столь очевидна, что ее творцы лихорадочно начинают искать хоть какие-нибудь аналогии. И тут вспоминают Китай. Обращают внимание на то, что внешние инвестиции в китайскую экономику почти на две трети состоят из капиталов китайских эмигрантов. Да, это так, но нехудо вспомнить, что эти капиталы не вывезены из народного Китая, а созданы трудом и талантом китайцев-эмигрантов за пределами Поднебесной. Разница с русскими нуворишами колоссальная.

Итак, целый ряд шагов российского правительства объективно стимулировал движение страны к коррумпированной, мафиозно-криминальной экономике. Это не рынок в классическом понимании этого термина. Нельзя назвать рынком экономическую систему, где аргументами в конкурентной борьбе служат автомат Калашникова или чемоданы компромата. (Тоже чисто российский термин "компромат". Попробуй разберись, что за этим термином: то ли человека оклеветали, то ли разоблачили.)

В очередной раз Россия доказывает всему миру свою способность блестяще имитировать высшие достижения цивилизации в области организации экономической жизни, соблюдения прав человека, социальной политики. Первым великим имитатором был Петр I, создавший всю атрибутику европейской жизни, — от Сената до покроя одежды и бритых подбородков, но "забывший" отменить крепостное право¹. Не менее гениальным иллюзионистом был Сталин. Приняв с помпой весьма демократическую Конституцию 1936 г., он раскрутил новую волну правового беспредела. При нем государство не жалело денег на демократический

¹ В.О. Ключевский так пишет о специфическом отношении Петра I к европейским достижениям: "Европа была для него образцовая фабрика и мастерская, а понятия, чувства, общественные и политические отношения людей, на которых работала эта фабрика, он считал делом сторонним для России. Много раз осмотрев достопримечательности производства в Англии, он только раз заглянул в парламент. Он едва ли много задумывался над тем, как это случилось, что Россия не придумала всех этих технических чудес, а Западная Европа придумала". (Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. С. 15).

антураж. Выпускалось огромное число газет и журналов, в которых выдерживалась единая идеологическая линия, был и парламент, всенародно избираемый, был и рынок.

Последний момент очень важно подчеркнуть. Формальная атрибутика рынка и рынок как механизм функционирования экономики — вещи весьма разные. Именно со сталинских времен утвердилась традиция камуфлировать жесткую централизованную систему управления экономикой под рынок. До Сталина коммунисты гордились успехами в разрушении рыночных отношений и структур. У Сталина все наоборот: и цены, и зарплата, и — кстати, бездефицитный — бюджет, и банки, и хозрасчет. Даже были периоды, когда в крупных городах прилавки ломились от отечественных товаров. А экономическая жизнь шла не по рыночным законам.

Поэтому надо быть очень осторожными в оценках того, что возникло на обломках плановой экономики. Правильный диагноз — залог правильного выбора направления дальнейшего движения и сил, которые это движение обеспечат.

Российская интеллигенция как "партия дураков"

Он прежде всего дитя своего века — и выше книжной истины для него не существует ничего в мире: малейшее сомнение в правдивости излюбленных им фантастических романов он считает кощунством, преступлением. В этой области всякое проявление скептицизма превращает добродушного мечтателя в озлобленного, яростного фанатика.

Дмитрий Мережковский

Для судьбы России и русского народа поразительно, что до революции Россией правил человек, который не верил в человека и имел нигилистическое отношение к миру, и после революции правил человек, который тоже не верил в человека и имел нигилистическое отношение к миру. Это очень символично и много объясняет. Русская власть не может стать человеческой...

Николай Бердяев

Россия в начале 90-х гг. поразила весь мир бурным выбросом огромного количества демократов, радикально настроенных реформаторов, поборников "общечеловеческих ценностей". Помилуйте, откуда? Застойные годы известны резким и жестоким подавлением любого инакомыслия. Наказание за него совершенно не соответствовало мере содеянного. Специально. Для устрашения других. С этой же целью в сознание интеллигенции внедрялся миф о "всевидящем оке" и "всеслышащем ухе". В этих условиях никакого не только массового, но и заметного демократического движения, оппозиционного власти, возникнуть не могло. Были отдельные герои. Но власть, жестоко репрессируя героев и изолируя их от общества, культивировала в остальных комплекс рабов.

Брежневское 18-летие (1964—1982) условно можно разделить по ровну на две части: первая — имитация действия, вторая — тоска хоть по какому-нибудь действию. При этом тоска чувствовалась не только среди интеллигенции, но и в рядах высшей партократии. Изю всех кухонь и кабинетов неслоь одно и то же: необходимо совершенствовать социализм, хозяйственный механизм, социальную и внешнюю политику и т.д. Наиболее смелые вместо "совершенствовать" говорили "менять", а уж совсем смелые — "менять коренным образом". Из этой последней категории инакомыслящих, получивших идеологическое клеймо "диссидент", не вышел ни один практикующий радикал. Скорее наоборот, все диссиденты, реально боровшиеся с тоталитарным режимом и действительно от него пострадавшие, оказались в жесткой оппозиции к реформаторам ельцинского призыва. Напомню только Максимова, Солженицына, Зиновьева, Буковского, Синявского с Розановой и долго молчавшую Елену Боннэр.

Практикующие радикал-реформаторы вышли из среды профессиональных и где-то потомственных конформистов. Конформист "высшей пробы" не только принимает и вживается в существующие социально-политические и социально-психологические правила игры, но и предугадывает малейшие изменения этих правил. Смена спортивных пристрастий — охота, хоккей, теннис — это карикатура, кусок на потребу ручным сатирикам. За этой дымовой завесой вещи «посильнее, чем "Фауст" Гёте»: от создания миллионов собственников до лишения миллионов граждан собственных сбережений; от честной конкуренции свободных товаропроизводителей до создания монопольно-коррупцированной экономики; от лозунга правового государства до достижения стопроцентной нераскрываемости тяжких преступлений в отношении журналистов, депутатов, генералов, предпринимателей, банкиров, пограничников, их жен, детей, охранников; от борьбы с партийными привилегиями цеховских бонз до частных вилл на Лазурном берегу, в швейцарских Альпах, на Канарах и Рублевском шоссе.

При всех этих трансформациях оставаться в рамках системы, сохранять политическую и юридическую респектабельность и причастность к судьбам государства — вот высший пилотаж конформизма.

Поняв эту специфику конформизма, его интуитивную составляющую, можно нащупать и тот нерв (а может быть, и стальной трос), который связывает воедино конформизм и радикализм на российской социально-политической сцене. Российский радикал — это конформист эпохи разрешенной сверху вседозволенности. Радикализм постсоветского периода востребован не обществом, не объективным ходом

истории, а верхами, отчаявшимися разобраться в сложностях трансформационных процессов и ожидающих чуда. Тоска верхов по мечу, мгновенно разрубающему гордиев узел, по печи, едущей по щучьему велению, по Василисе Прекрасной, машущей своими руками, — вот социально-психологический климат, своеобразный парниковый эффект, создающий благоприятные условия для произрастания радикализма.

Это вполне в русской традиции. Ни один другой народ не имеет в своем фольклоре столько сюжетов, где сказочный герой получает все, что хочет, буквально не ударив пальцем о палец. Чем хуже, тем больше надежды на чудо. Гибкий ум конформиста должен уловить и улавливает эти настроения верховной власти. Отсюда и столь непринужденное превращение вчерашних завлабов, незамеченных ранее в рыночных пристрастиях, в крутых радикалов- "шокотерапевтов".

Однако чтобы стать практикующим радикалом, недостаточно пообещать первым лицам страны, скажем, чудесного исцеления экономики за девять месяцев. Надо овладеть механизмом формирования и реализации радикальной политики. Механизм этот давно известен, и его эффективность проверена многими эпизодами мировой истории.

В период ломки общественной жизни, в отличие от эволюционных реформ, необходимо максимально сократить перечень задач, которые предстоит решить, а сами эти задачи сформулировать в предельно упрощенной форме. Далее необходимо убедить общественность, что набор методов решения этих задач крайне невелик и единствен. Внедрение в общественное сознание комплекса безальтернативности — одна из важнейших компонент радикальной политики. Если это удалось, то радикал может проводить любой эксперимент над страной, поскольку отсутствие выбора — гвоздь программы политической дебилизации населения.

"Великие потрясения" всегда возглавляют люди, склонные к упрощениям. Не берусь утверждать, что эта склонность имеет генетическое происхождение. Может быть, это осязаемое следствие "образованщины". Во всяком случае, еще на заре большевизма-меньшевизма Плеханов назвал Ленина великим мастером упрощения. Спустя почти двадцать лет, Горький умилялся: "Прост как правда", хотя наверняка знал народную мудрость: простота хуже воровства. Гениальным упрощенцем был и Сталин. (Достаточно ознакомиться с его теоретическими трудами о диалектическом материализме и языкознании, не говоря уже о практических рекомендациях типа ликвидации кулачества как класса.)

Экономические шокорадикалы органически восприняли русскую революционную традицию. Всю сложность экономического бытия постсоветской и постсоюзной России они уложили в прокрустово ложе абсолютного зла и абсолютного добра.

Абсолютное зло:

присутствие государства в экономике вообще, а в рыночной — в особенности;

инфляция и падение курса рубля;

бюджетный дефицит.

Абсолютное добро:

свободные цены;

частная собственность;

свобода внешнеэкономической деятельности.

В этом перечне неправильно только одно — абсолютизация, поляризация до абсурда добра и зла. Какое-то экономическое черно-белое кино.

Фетишизация только определенных методов экономической политики, поклонение искусственно избранным идолам (строго ограниченными индикаторами состояния экономической системы) привели к тягчайшим последствиям не только экономическим, но и социальным, демографическим, экологическим. Об этих последствиях пятилетки радикальных реформ написано достаточно, в том числе и в этой работе. И я не собираюсь сыпать соль на раны читателей-пессимистов. А оптимистов отсылаю к официальной статистике на перевоспитание по принципу: пессимист — это хорошо информированный оптимист.

Мне бы хотелось затронуть другую проблему.

Неужели конформизм, вечное поддакивание властям, не сходящее с уст "чего изволите" — это все, что может сказать в русской истории интеллигенция?

Первоначальный анализ дает неутешительный ответ. Ведь действительно вышеприведенная характеристика радикал-конформистов и есть визитная карточка интеллигенции, ее "передового отряда", активно ищущего своего теплого места в лучах солнца новой власти. Многие русские интеллигенты были невысокого мнения по поводу образования, уровня умственного развития и моральных устоев своих собратьев по социальному слою. Особенно убийственную классификацию интеллигенции мы находим у Василия Осиповича Ключевского.

"Классификация интеллигенции:

1) Люди с лоскутным мирозерцанием, сшитым из обрезков газетных и журнальных.

2) Сектанты с затверженными заповедями, но без образа мыслей и даже без способности к мышлению...

3) Щепки, плывущие по течению, оппортунисты либеральные или консервативные, и без верований, и без мыслей, с одними словами и аппетитами"¹.

Да, ничего не скажешь, к таким людям подходят определения типа бердяевского "интеллигентщина", ленинского "гнилая интеллигенция" и солженицынского "образованщина". Если отвлечься от эмоций, то диагноз Ключевского содержит три компонента, довольно часто наблюдаемые у публики, относящей себя к интеллигенции. Во-первых, явная склонность к конъюнктурной оценке происходящих процессов ("газетные и журнальные обрезки" как основа мирозерцания). Во-вторых, фанатическое восприятие чужих идей без критического их осмысления, без анализа соответствия этих постулатов реальной действительности ("сектанты с затверженными заповедями"). И, в-третьих, идеологическая, этическая, моральная всеядность и паразитизм "и без верований, и без мыслей, с одними словами и аппетитами". Итак, конъюктурность, фетишизм, всеядность. Все перечисленные компоненты наличествуют у наших современных радикал-конформистов. Если учесть, что выстраданные характеристики Ключевского были сформулированы еще в 1897 г., то можно отметить исключительную живучесть этого социального типа, присвоившего себе термин "интеллигенция".

Когда власть крепка, социальный тип с вышеперечисленными свойствами прижимается всем телом к ее сапогу. Но как только власть дала трещину, обостренный политический нюх профессиональных конъюктурщиков срабатывает мгновенно. Они тут же становятся бунтарями, ниспровергателями, активными оппозиционерами. Эту мимикрию "интеллигентов по Ключевскому" П.Б. Струве в начале века воспринял как революционную заряженность. После революции 1905 г., зачинщиками которой Струве искренне считал интеллигентов, с его легкой руки появился новый термин — "отщепенство".

"Идейной формой русской интеллигенции, — писал П. Струве, — является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему.

Это отщепенство выступает в духовной истории русской интеллигенции в двух видах: как абсолютное и как относительное. В абсолютном виде оно является в анархизме, в отрицании государства и всякого общественного порядка, как таковых (Бакунин и князь Кропоткин).

¹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 299.

Относительным это отщепенство является в разных видах русского революционного радикализма, к которым отношу прежде всего разные формы русского социализма"¹.

После революции 1905 г. за русской интеллигенцией закрепились слава провокатора российского бунта. Причем именно провокатора: всех заведет, перессорит и в кусты (как правило, на теплые места). Но по реальной жизни оказалось, что подавляющая часть интеллигенции, хотя и действительно могла рассматриваться как оппозиция (более или менее зубастая) существовавшим в России в XX в. режимам, в основной своей массе в наибольшей степени страдала от социальных катаклизмов. Здесь нельзя подходить с меркой физического истребления. Уничтожался, социально дискредитировался или изгонялся из страны интеллектуальный потенциал России. Если говорить образно, то российская интеллигенция в своей массе каждый раз в обмен на легкое ворчание на старую власть получала публичные розги от новой власти. При этом "передовой отряд" интеллигентов всегда был, как и положено, при власти и осуществлял порку "непередовых".

Что же это за социальный страт, со столь трудно определяемым и неуловимо меняющимся лицом? Одновременно и приспособленец, и провокатор социальных потрясений, и жертва террора властей.

Сломано много копий в дискуссиях о фиксации критериев понятия "интеллигенция". На Западе предпочитают говорить об интеллектуалах, лицах свободных профессий, "белых воротничках" и т.п. В России XX в. особенно при советской власти под рубрику "интеллигент" попадали просто граждане, получившие высшее образование. Советская статистика упростила эту проблему до идиотизма: есть диплом об окончании института — интеллигент, нет диплома — попадаешь в другую графу при определении социальной структуры общества.

Такая утрированность подхода, с одной стороны, шокирует, но с другой — наталкивает на мысль о действительном отсутствии вразумительных критериев определения интеллигенции как социально значимого слоя. Абсурдизм позволяет более раскованно и непредвзято посмотреть на проблему.

Перебирая в уме имена несомненных интеллигентов (например, Сахаров, Иван Павлов, Плисецкая, Солженицын, Сергей и Михаил Булгаковы, Шостакович, Эрнст Неизвестный, Фальк, Колмогоров, Лихачев, Кондратьев, Иосиф Бродский, Новожилов, Андрей Платонов, Раушенбах, Пастернак), отчетливо осознаешь, что ставит их в один ряд не профессия и даже не взаимоотношения с властью, а ярко выражен-

¹ Вехи. М.: Новости, 1990. С. 135.

ный талант, т.е. выдающиеся способности к творчеству. Используя язык кибернетики, можно сказать, что каждый из них — мощный генератор новой информации, которая и определяет динамизм любой общественной системы. Человек-творец — таково мое определение интеллигента. Творец в широком смысле слова. Это не только изобретатель, поэт, художник, композитор, но и учитель, формирующий сознание ребенка, врач, отодвигающий смерть, предприниматель, находящий эффективные сферы приложения капитала, любой человек, ищущий в сфере своей деятельности новые, нестандартные пути решения возникающих проблем. Такой характеристики мы не найдем в классификаторе Ключевского. Потому что Ключевский дал точные параметры для отсеечения псевдоинтеллигентов от подлинных представителей этого прекрасного сословия.

Научные открытия, создание произведений искусства и культурных ценностей, организация новых форм хозяйственной и общественной жизни — все это составные части процесса возникновения новой информации в общественной системе, т.е. развития системы, показатели ее динамичности и в конечном счете выживаемости. Носителем этого процесса и является творческая интеллигенция в моем понимании этого термина. Если с этим согласиться, то очевиден вывод: интеллигенция — главная производительная сила современного информационного общества. Она и только она объективно может быть лидером политической жизни. Дурные традиции русской интеллигенции — преклонение, самобичевание перед землепашцем-кормильцем — в полной мере использовали большевики, провозгласившие рабочий класс беспорным гегемоном, а интеллигенции отвели второстепенную роль "межклассовой прослойки".

Вся история России XX в. представляет собой цепь политических унижений творческой интеллигенции. Обществу внушалось, что власть должна находиться в руках тех, кто обладает средствами производства — заводами, фабриками, землей. Поэтому-то большевики первым делом занялись национализацией частной собственности, а демократы — приватизацией. Однако все эти земли и "железки" равным счетом ничего не стоят, если в стране нет сгустка творческой энергии, мозгового центра, способного воспроизводить в массовом масштабе новые технологии, высокопроизводительные станки и оборудование, новые способы повышения плодородия земли и экологической защиты планеты. Образно говоря, подлинным социальным гегемоном в XX в. является не человек, стоящий у станка, а тот, кто изобрел этот станок, кто его совершенствует и создает новые поколения техники. И здесь нет никакого противопоставления. Наоборот, каждый выполняет необходимую и взаимодополняющую функцию.

Высокотехнологичному оборудованию требуется высококвалифицированный рабочий. Здесь мы только констатируем, где находится источник научно-технического прогресса.

Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что истинной ценностью в современном обществе обладает интеллектуальная собственность. Однако право на интеллектуальную собственность было в России попрано как никакое другое.

Советская власть создала юридическую схему, при которой интеллектуальная собственность конфисковалась еще до ее возникновения. Все, что изобрел или мог изобрести ученый, конструктор, технолог, заранее принадлежало государственному научно-исследовательскому центру или иному учреждению, в котором работал исследователь. Авторское право носило чисто формальный характер и его фиксация (выдача авторского свидетельства) не накладывала никаких материальных обязательств на государство. Различного рода премии за открытия, гонорары никак не увязывались по своим размерам с величиной экономического эффекта, приносимого изобретением. Норма эксплуатации умственного труда достигала беспрецедентных размеров. Не скупясь на различные формы морального поощрения, советское государство держало творческую интеллигенцию в полнейшей материальной зависимости от чиновников. То же самое происходило в литературе, живописи, кинематографе, театре.

Такое отношение к творческому потенциалу страны медленно, но верно сказывалось на отставании от Запада в области генерирования и накопления принципиально новой информации. Энтузиазм творца, не способного не работать для получения высоких результатов, должен обязательно подкрепляться крупными инвестициями в человеческий фактор и исследовательскую базу.

Фактический разрыв коммунистов с творческой интеллигенцией, ставка на продажную псевдоинтеллигенцию ("передовой отряд") практически предопределили развал всего режима. Власть потеряла уважение интеллектуалов, которых уже раздражало все — от косноязычия и дряхлости генсеков до уродливых выходов цензуры. Кто до хрипоты ругал власти (пусть даже на кухне, да еще положив подушку на телефон) — интеллигенты, кем были малочисленные, но яркие диссиденты — поголовно интеллигентами, кто обрадовался элементам горбачевского либерализма (гласность, возможность свободного выезда за границу, изменение процедуры выборов в высшие органы власти) — интеллигенты, кто ходил на многочисленные митинги в 1989—1991 гг. — в подавляющем большинстве интеллигенты, кто, наконец, стоял в августовские дни и ночи 1991 г. у Белого дома — все они же.

Однако новой власти интеллигенция оказалась не нужна. Приблизив к себе небольшую группку "интеллигентов по Ключевскому", она объявила подлинную экономическую войну всему интеллектуальному потенциалу страны. Высокоразвитая страна, попав в сложную экономическую ситуацию, решила экономить прежде всего на науке, образовании, музеях, библиотеках, здравоохранении, экологии, находившихся отнюдь не в блестящем состоянии после десятилетий коммунистического строительства. Какие проблемы удалось решить в результате избранной политики, пусть думают власть имущие. А вот интеллигенция опять осталась в дураках. Интеллектуальная собственность по-прежнему конфискуется новыми владельцами "железков", продается за бесценок на Запад или просто игнорируется, оставаясь невостребованной. Степень востребованности интеллектуального потенциала опять же определяется узкофирменными интересами новых хозяев или госчиновниками.

В этих условиях выход на политическую арену "партии обманутых интеллектуалов" весьма проблематичен. Творческая интеллигенция России нокаутирована, совершенно неспособна ориентироваться в новом политическом пространстве. Тем не менее политический деятель, стремящийся опереться не на слепую веру в таланты имиджмейкеров, а на реальную социальную базу, должен понимать, что Россию выведут из кризиса не армия, не банкиры и не рабочие с крестьянами, не люмпены и не криминальные структуры. Конечно, все эти силы следует учитывать в политической борьбе. Но если власть для политика не самоцель, а возможность возглавить процесс реального возрождения российского общества, то он стратегически должен опираться на созидательные силы общества. А это творческая интеллигенция. Последней не обязательно, да и нежелательно самой ходить во власть. Ей нужен политический лидер, который понимает значение интеллектуальной среды для развития общества и поэтому выражает ее интересы. В странах, где традиционно высоко ценят "яйцеголовых", прислушиваются к их мнению, в критические моменты истории у руля оказываются талантливые политики. И совсем не случайностью выглядит очень своевременное появление в XX в. таких фигур, как Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль, Шарль де Голль. Это не везение, не слепой случай, а результат многолетней связи власти с интеллектуальной элитой. Современный тип политика характеризуется полным подчинением закону и процедурам изменения законов, твердой уверенностью, что любые межстрановые и внутривострановые конфликты должны и могут быть разрешены исключительно политическими методами, и полным отсутствием материальных корыстных интересов. Появятся ли такие фигуры в России в третьем тысячелетии?

Петраков Н.Я.

П30 **Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней/ Ред. кол.: Д.С. Львов (пред.) и др. — М.: ОАО "Изд-во "Экономика", 1998, 286 с. — (Российские академики об экономике).**

ISBN 5—282—01906—X

Издательство "Экономика" совместно с Отделением экономики Российской Академии Наук приступило к выпуску новой серии книг "Российские академики об экономике", в которой российским академикам представляется уникальная возможность отразить свое видение коллизий в экономике, политике, культуре нынешней России, дать объективный диагноз состояния страны.

Открывает серию академик Н.Я. Петраков — известный ученый и публицист, активный участник научных и политических дискуссий о будущем нашей экономики, один из разработчиков программы "500 дней" (в тот период он был помощником Президента СССР М.С.Горбачева). Его монография "Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней" — не мемуары, хотя в ней содержатся отдельные зарисовки интерьеров высшей власти, а скорее оригинальное исследование. В ней есть научные разделы (общая кибернетическая теория рынка и теория устойчивого развития), общеполитические рассуждения, описание трансформационных процессов в России, конкретные предложения выхода из кризиса нашей экономики.

Книга содержит много интересных фактов, метких наблюдений, остроумных замечаний.

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся проблемами реформ в России.

**УКД 338(470)
ББК 65.9(2Рос)**

Научное

Петраков Николай Яковлевич

**РУССКАЯ РУЛЕТКА: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ЦЕНОЮ
150 МИЛЛИОНОВ ЖИЗНЕЙ**

Зав. редакцией *Е.В.Полиевктова*

Художник *А.М.Павлов*

Компьютерная верстка *Т.В. Дмитриенко*

ЛР № 064956 от 29.01.97

Подписано в печать с оригинал-макета 30.04.98.

Формат 60 x 90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл.печ.л. 18,5. Тираж 5 000 экз. Заказ 746 . Изд. № 7568.

ОАО "Издательство "Экономика", 121864, Бережковская наб., 6

ОАО "Новости"

107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

